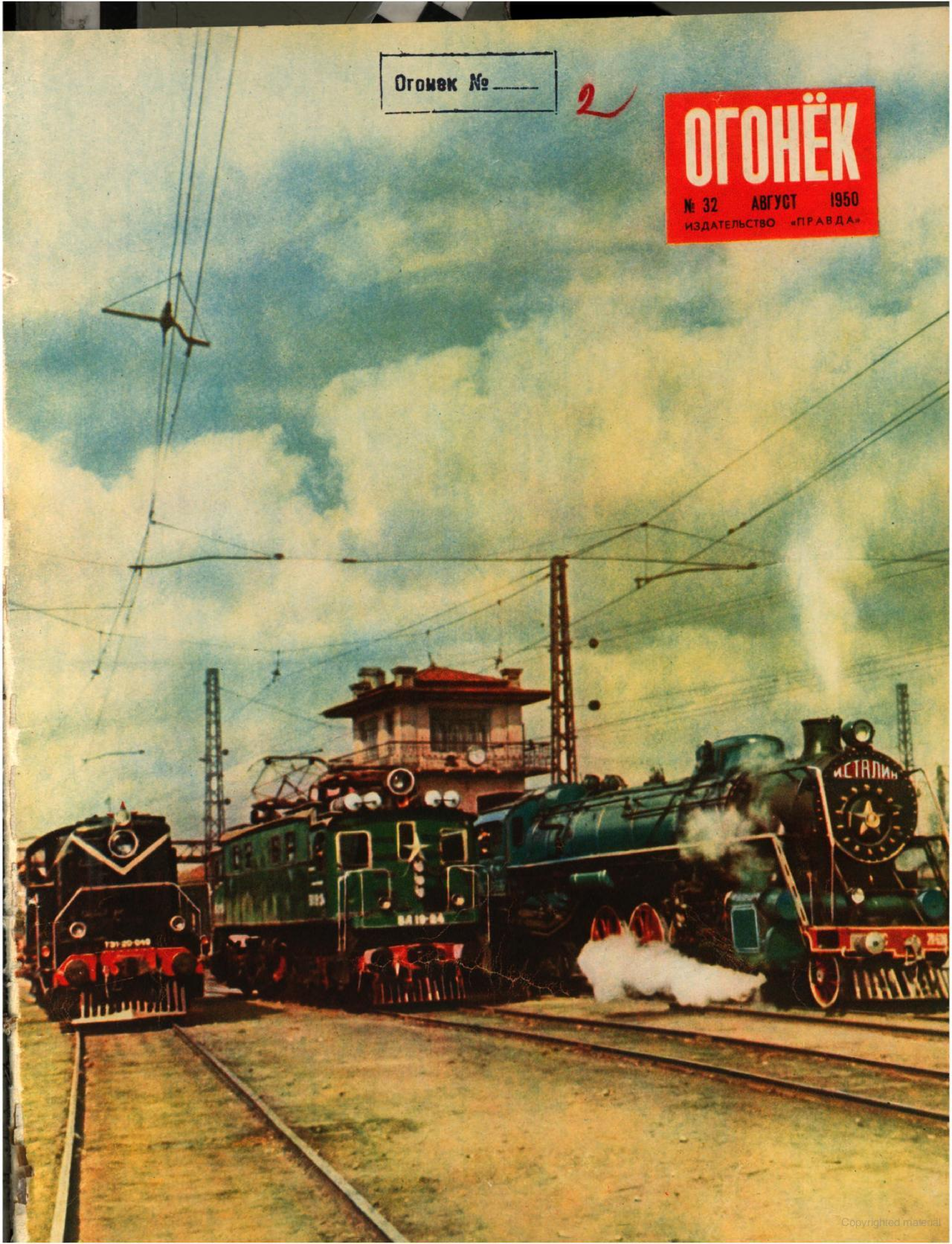

Огонек №
2
ОГОНЁК
№ 32 АВГУСТ 1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
И. СТАЛИН

Лозовская МТС, Харьковской области. Пахота под озимые трактором «С-80».

Фото О. Кнорринга

На первой стр… нице обложки: тр… богатыря советского же… лезнодорожного тра… спорта — тепловоз, эле… тровоз и паровоз.

Фото Дм. Бальтерман…

На последней стр… нице обложки: пое… в горах.

Фото Н. Козловско…

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

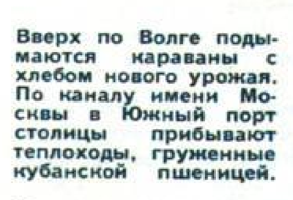
ОГОНЁК

№ 32 (1209)

6 АВГУСТА 1950

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

28-й год издания

Вверх по Волге подымаются караваны с хлебом нового урожая. По каналу имени Москвы в Южный порт столицы прибывают теплоходы, груженные кубанской пшеницей.

На снимке: выгрузка теплохода «Чита». Став на вахту мира, коллектив участка № 2 Южного порта скоростными методами выгрузил 1550 тонн хлеба за 15 часов, почти вдвое перекрыв норму.

Фото А. Гостева

ВСЕМИРНАЯ АРМИЯ БОРЦОВ ЗА МИР

Ал. СУРКОВ

Начиная с двадцать пятого июня нынешнего года человечество является свидетелем еще одного кровавого преступления империалистических поджигателей войны. В этот день презренная марионетка, предатель Ли Сын Ман начал по приказу своих заокеанских хозяев кровавую провокацию на 38-й параллели, разделявшей Север и Юг Кореи. Незадачливые «воители» Ли Сын Мана, наглость которых равна их трусости, получили сокрушительный отпор со стороны воинов корейской Народной армии. Нарушая все расчеты своих американских работодателей, лисынмановцы в панике побежали под натиском корейских патриотов. Победоносные войска Народной армии, восторженно встречаемые населением городов и сел Южной Кореи, двинулись на юг, тесня и рассеивая банды Ли Сын Мана.

Тогда, сбросив с себя фальшивую личину «миротворца», Трумэн приказал американским войскам начать вооруженную интервенцию против корейского народа. Над мирными городами и селами Кореи загудели моторы «летающих крепостей», обрушивая на них сотни бомб. Заокеанские «ассы» стали носиться на бреющем полете над улицами, школами, больницами, обстреливая из пулеметов и пушек мирное население, убивая женщин, стариков, детей. У побережий Желтого и Японского морей появились эскадры военных кораблей американских интервентов. В южных портах Кореи стали высаживаться сухопутные войска гаулейтера Японии Макартура.

Чтобы придать своей авантюре лживое обличье «международной акции», американские интервенты, ломая Устав ООН, задним числом приказали своим приказчикам из Совета безопасности и своему обер-лакею Трюгве Ли благословить это позорное, разбойничье деяние. Надругавшись над всеми принципами Организации Объединенных Наций как инструмента мира между народами, наемники Уоллстрита из Совета безопасности и генерального секретариата ООН разыгрывают перед всем миром позорный фарс, прикрывая агрессию, начатую американскими нарушителями мира, голубым, украшенным оливковой веткой флагом ООН.

Развитие событий на корейском фронте пошло так, что американские интервенты и их приказчики из ООН, посеяв бурю, пожинают бесславие. Они отступают под ударами корейских воинов-патриотов, беззаветно защищающих священное право народа быть хозяином своей страны и своего будущего.

Спровоцированная империалистами война на Корейском полуострове продолжается. Льется человеческая кровь. Множатся страдания мирного населения. Корейская авантюра поджигателей войны особенно ярко показала всему человечеству звериное лицо нынешних хозяев капиталистического мира, лицемерие их фальшивых разглагольствований о мире, свободе, демократии.

Едва американские империалисты начали свою военную авантюру, как в Америке и в Европе начался новый приступ военной истерии. Торговцы кровью народов стали требовать, чтобы на головы корейцев была сброшена атомная бомба. В этом хоре каннибалов слились воедино и голоса оголтелых реакционных конгрессменов, и голоса продажных воинственных писак, и голос матерого факельщика войны Уинстона Черчилля.

То, что атомщики еще не решались вчера сказать открыто, они сегодня говорят полным голосом. Так называемый «Международный комитет по изучению европейских проблем», в котором сидят за одним столом поджигатели войны всех мастей — от могильщика Франции Поля Рейно до «социалиста» Ле-Трокера и английского консервативного зубра Мур-Брабазона,— цинично провозгласил на днях: «Угроза атомным оружием признается не только оправданной, но и благотворной».

Народы всего мира, следя за развитием событий в Корее и в бассейне Тихого океана, осмысливая приказ Трумэна о прямом военном вмешательстве США в дела Филиппин, Индо-Китая и Китая (интервенция на Формозе), смогли еще раз убедиться в захватнических целях заокеанских «миротворцев» и в их полном презрении ко всем нормам международного права. Слушая людоедские призывы к использованию атомной бомбы против героического корейского народа, миллионы людей смогли еще и еще раз убедиться, какое жизненное значение имеет борьба сторонников мира за запрещение атомного оружия, за расширение фронта борьбы за мир.

Зарвавшиеся империалисты, отметая попытки мирного урегулирования, на всех парах катятся к превращению навязанной ими человечеству холодной войны в новую кровавую мировую бойню. Тем теснее сплачивается во всех странах армия мира и прогресса, собирая под свои знамена все трудовое человечество.

На всех континентах земного шара, под всеми широтами и на всех долготах, миллионы и миллионы людей всех языков, всех цветов кожи, всех профессий, верований и убеждений ставят свою подпись под самым гуманистическим документом нашего времени — Воззванием Стокгольмской сессии Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира.

Нет такой страны на земле, где бы мужественные, самоотверженные борцы за мир не обращались к людям труда с призывом скрепить своими подписями волю народов: запретить применение атомных бомб, объявить военными преступниками тех, кто первым применит это смертоносное оружие массового истребления.

Во Франции и в Италии, в Аргентине и Бразилии, на Японских островах, в дебрях Африки, в песках Ближнего Востока, на заводах и шахтах Англии и Соединенных Штатов с каждым днем все новые миллионы людей вписывают свои имена на страницы великой международной клятвы верности миру.

Чувствуя, как растут и крепнут с каждым днем ряды борцов за мир, поджигатели войны яростно обрушивают на них град репрессий. Сторонников мира травят на страницах продажной буржуазной прессы. В Нью-Йорке, Париже, Западном Берлине полицейские шпики арестовывают сборщиков подписей. Против честных борцов за мир мобилизуют хулиганские шайки фашистских молодчиков. Против защитников мира с пеной у рта выступают все «столпы» лагеря поджигателей войны — от инициаторов бесславной корейской авантюры Трумэна — Ачесона — Даллеса до папы римского и «социалистических» лакеев Уолл-стрита.

Но никакие рогатки, никакие репрессии, никакая отравленная ложь не могут остановить великого похода народа в защиту мира. Пусть иерархи католической церкви и других церквей капиталистических стран предают анафеме борцов за мир,— рядовые служители церкви и даже некоторые епископы и архиепископы, не смея противопоставить себя воле верующих, подписывают Стокгольмское Воззвание. Его подписали многие видные политические деятели буржуазных стран. В Западной Германии, вотчине американского сатрапа Макклоя, два миллиона трудящихся немцев скрепили уже своими подписями протест против преступных замыслов поджигателей войны. Подписывают Воззвание и солдаты американских оккупационных войск.

Кровавая авантюра поджигателей войны в Корее еще больше усилила энергию, решимость, самоотверженность простых людей в борьбе за мир. «Руки прочь от Кореи!» — этот клич народов гремит на всех языках мира.

«Корея — корейцам!» — громко раздавалось на улицах Парижа 14 июля, в день национального праздника взятия Бастилии. 11 миллионов подписей под Стокгольмским обращением — таков ответ французского народа поджигателям войны. В Италии рабочие, батраки, служащие, давшие уже более 10 миллионов подписей под Стокгольмским призывом, клеймят американскую авантюру в Корее и требуют: «Вон американские войска с корейской земли!». Австралийские докеры и моряки отказываются грузить и перевозить оружие для американской интервенции в Корее, и примеру их следуют рабочие портов других стран. Неграмотные негры Африки выражают братскую солидарность с героическим корейским народом, ставя отпечатки пальцев на листках Стокгольмского Воззвания.

Как могучая лавина, растет количество людей, подписавших великий документ мира. Уже двести миллионов скрепили собственной рукой свою волю к миру, к обузданию поджигателей войны. Число подписей под Стокгольмским Воззванием резко увеличилось именно после того, как Трумэн обнародовал свой приказ о военной интервенции в странах восточной Азии. За немногие дни после этого приказа в Соединенных Штатах было собрано несколько сот тысяч подписей.

И в первых колоннах великого похода за мир идут народы Советского Союза, стран народной демократии, многомиллионного демократического Китая.

Только за первые десять дней сбора подписей в Советском Союзе Стокгольмское Воззвание подписали свыше девяноста шести миллионов граждан. В странах народной демократии все взрослое население, вся молодежь своими подписями подтвердили волю народов к миру. Сорок шесть миллионов подписей собраны в народном Китае.

Каждая новая подпись под Стокгольмским Воззванием — это вступление нового борца во всемирную армию сторонников мира. Могуча эта армия. В борьбе за запрещение атомной бомбы и объявление военными преступниками атомных агрессоров идет размежевание между лагерем мира и лагерем войны. И поджигатели войны поневоле трепещут перед очевидным фактом непрерывного гигантского роста сил сторонников мира, перед отчетливо выраженной волей большинства человечества противопоставить свое властное «НЕТ!» желанию кучки империалистических хищников развязать новую кровавую мировую бойню.

Чем больше неистовствует банда империалистических хищников в своем стремлении навязать человечеству войну, тем сильнее сплачиваются для борьбы против поджигателей войны силы сторонников мира.

Они непобедимы, эти силы. Они растут с каждым днем. Последовательная борьба за мир народов Советского Союза, возглавляемая великим Сталиным, воодушевляет всемирную армию борцов за мир, закаляет ее волю и решимость.

Весь земной шар облетело заявление И. В. Сталина в ответ на предложение премьер-министра Индии Неру о мирном урегулировании корейского вопроса. В этом ответе великого вождя и друга трудящихся миллионы простых людей всех стран воочию увидели новое доказательство благородной и последовательной политики мира и защиты свободы и независимости народов, которую неуклонно проводит Советский Союз. Этот ответ товарища Сталина еще больше укрепил уверенность народов в том, что лагерь мира и демократии сильнее черного лагеря войны и империалистического хищничества.

Народы знают: мир победит войну!

Сердца у нас в одном порыве бьются...

«...Я стою у печи, чтобы дать как можно больше стекла, я хочу, чтобы остеклили школы, больницы, детские сады, клубы, жилые дома, а вы хотите, чтобы стекла дрожали в наших домах. Я был на войне. Я видел пустые окна, и я мечтал вернуться после войны на завод и дать столько стекла, чтобы его хватило вдоволь всем людям.

А вы мечтаете выбить стекла в наших домах...

Мы — мирные люди и хотим, чтобы наша работа принесла людям пользу и радость...»

Это строки из гневного письма, напечатанного в «Литературной газете». Автор его — рабочий Рижского стекольного завода, лауреат Сталинской премии, депутат Верховного Совета Латвийской ССР Жанис Зуймач. Протестуя против появления американского военного самолета над советской Прибалтикой, он требовал обуздать агрессоров, спасти человечество от ужасов новой войны.

Письмо Жаниса Зуймача встретило самый горячий отклик у советских людей. Взволнованность бывшего фронтовика, его тревога за судьбы миллионов тружеников, их детей, жен и матерей, тревога за мир на нашей планете близки и понятны каждому советскому гражданину. Многие захотели поделиться с рижским рабочим своими думами, чувствами, написать ему о том, что они вместе с ним стоят в одном ряду солдат великой армии борцов за мир.

Жанис Зуймач получил десятки писем — из Куйбышева, Якутска, с белорусской станции Злынка, из Орска, Измаила, колхоза имени Сталина, что в Геническом районе на Украине... Каждая строка этих писем проникнута патриотической любовью к своей Родине и ярой ненавистью к американским поджигателям новой войны.

Ниже мы приводим отрывки из некоторых писем.

Мы говорим войне: «Нет!» — так заявляют миллионы советских людей. Нет такого уголка в нашей стране, где бы граждане СССР не ставили своей подписи под Стокгольмским Воззванием.

Патриоты социалистической Отчизны подкрепляют свои подписи под Воззванием славными делами на стахановской вахте мира. С честью несет эту вахту коллектив Люблинского литейно-механического завода имени Л. М. Кагановича. Наибольших успехов добились рабочие колесно-механического цеха. На снимке: начальник участка В. С. Гребенкин проверяет изготовленную стахановкой О. П. Агафоновой деталь. Тов. Агафонова выполняет за смену 2—3 нормы.

«ВЫ СКАЗАЛИ ЗА ВСЕХ НАС»

Дорогой товарищ Зуймач! Вы сказали за всех нас. Благодарю вас. Очень сильные и правдивые слова. За этим небольшим письмом стоит весь трудовой латышский народ. Наша Латвия сейчас крепка, потому что мы в семье советских народов. И я поэтому уверена в будущем. **Я и мой муж в ульманисовское время были безработными. Мой сын пас у кулаков коров, жил в унижении. Сейчас он студент-отличник. Я взяла на воспитание девочку, отец которой погиб на фронте. Она, мой сын, муж и я передаем вам и вашим сыновьям самый горячий, дружеский привет. Вместе с вами мы в рядах борцов за мир.**

Вера ВАНАГ

«ЧТОБЫ СТЕКЛА НЕ ДРОЖАЛИ В ДОМАХ...»

Уважаемый товарищ Зуймач!

Я уверена, что к вашим словам присоединяются не только ваши избиратели, но и все советские люди. Конечно, американское правительство, к которому вы обращаетесь, не все поймет из сказанного вами. Американским дельцам не понять вашего желания «дать столько стекла, чтоб его хватило вдоволь всем людям».

У вас хорошая специальность. Как приятно, когда в школе большие окна, много света! Мы, учителя, это особенно ценим и сделаем все, чтобы стекла не дрожали ни в наших школах, ни в наших домах...

Учительница 19-й средней школы города Таллина Т. С. АРТЕМЕНКО

«У НАС ВСЕ, ОТ МАЛА ДО ВЕЛИКА, СТОЯТ ЗА МИР»

Здравствуйте, Жанис Зуймач!

Своим письмом вы выразили то, что у нас у всех лежит на сердце. Нам дорог мир потому, что он дает нам возможность свободно жить, работать и учиться. Вы вот работаете, а мы еще учимся, чтобы потом получить профессию и трудиться так же, как и вы. Я с подругами учусь последний год в школе, а там перед нами открыты двери любого вуза. Я уверена, что, окончив школу, мы станем полезными для своей страны людьми.

У нас все, от мала до велика, стоят за мир во всем мире. И мы вам очень благодарны за то, что вы выступили с простым словом советского рабочего в защиту мира. Желаю счастья в вашей жизни. Привет вам и вашим детям от моих подруг-одноклассниц.

Ученица 10-го класса И. ФЕДОТОВА

г. Куйбышев.

«НАС НЕ ЗАПУГАЕШЬ»

Здравствуйте, уважаемый товарищ Зуймач!

Вас, безусловно, удивит это письмо. Перед вами встанет вопрос: кто я? Мне придется ответить на этот вопрос коротко и ясно. Я такой же простой советский человек, как и вы. И так же, как вы, жажду мира.

Два года назад я окончил техникум в Киевской области, в городе Умани, и стал техником-механиком. Вырастила меня страна, воспитала партия. Недавно меня приняли в кандидаты партии. Я еще молодой специалист, но шаг за шагом иду вперед вместе со всем моим народом. И не остановить американским империалистам нашего движения вперед! Не удастся поджигателям войны запугать нас, людей мира!

Техник В. МАЗУРЕНКО

Измаильская область.

В колхозе «1 Мая», Пудожского района, Карело-Финской ССР, конюх Г. В. Ослоповских подписывает исторический документ.

Фото П. Беззубенко и В. Шаровского
(Фотохроника ТАСС)

«Мир — планете всей!»

Жму крепко руку, друг мой дорогой,
Сердца у нас в одном порыве бьются!
Пусть голос ваш и рядом голос мой —
Гнев латышей и гнев армян — сольются.
Прославленный стекольщик и поэт —
Мы честно служим Родине Советов:
Несем в стихах и в стеклах чистый свет,
Свою Отчизну наполняем светом.

...Мир — всем народам!
Мир — планете всей!

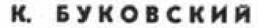
Мы охраняем мир народов зорко.
Пусть будет легким мирный сон людей
Москвы и Риги, Праги и Нью-Йорка.

Наири ЗАРЯН

Ереван.

Судьба ТЕРПИГОРЬЕВЫХ

Перед глазами председателя колхоза Героя Социалистического Труда Ивана Ивановича Хренова и секретаря партийной организации Василия Ильича Николаева широкий полевой простор. Это участок седьмой колхозной бригады, поля двух смежных деревень — Бобырева и Каравайкова, — объединившихся недавно с колхозом «Труд». Скоро обе эти деревни переедут на новое место.

К. БУКОВСКИЙ

Фото А. Гостева

Деревня Митино уже переехала. Она заняла всего одну «сторонку» будущей широкой улицы центральной усадьбы колхоза.

На северной окраине Московской области, у самой границы ее с Владимирской, в густых загорских лесах затерялось великое множество мелких колхозных деревушек. Это те самые Терпигорьевы, Гореловы, Нееловы, Босовы, чьи одни лишь названия служат как бы вечным укором их социальному прошлому. Как говорят крестьяне об этих местах: «некрасовский уголок».

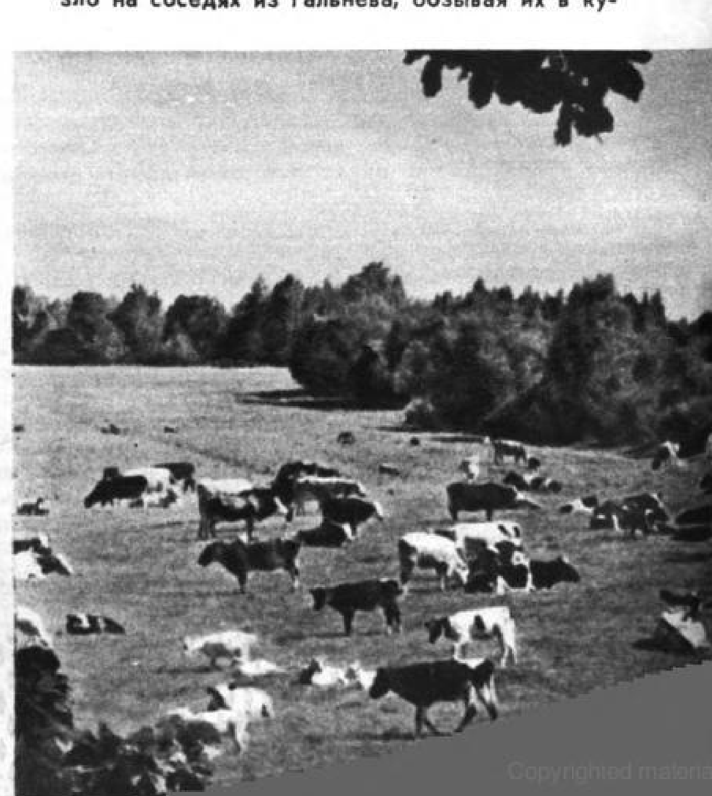
Теперь от тех времен тут уж ничего не осталось, кроме разве торчащих над деревнями монастырских стен, изрядного количества уцелевших помещичьих церквушек да некоторых, занятых большей частью под школы, бывших барских домов.

Впрочем, все это не более как след того, что было и кануло в вечность. Не о нем думают нынешние жители печальной памяти «некрасовского уголка». Мысли их более заняты будущим. Жизнь требует от деревушек новых, больших перемен. Чтобы шагать в ногу с прогрессом, им надо объединяться вместе, в большие колхозы.

Веками мыкало Терпигорьево свое горькое горе, свое злое бессилие против всяких крестьянских бед. Каждый праздник срывало зло на соседях из Гальнева, обзывая их в ку-

На просторные поля колхоза пришли машины. Идет культивация паров.

лачном бою и «голью» и «сундучниками», будто само оно обходилось без отхожего промысла. С уходом в прошлое помещичьих имений бои поутихли, а двадцать лет назад и вовсе прекратились. Каждая деревня нашла свою новую долю в дружном артельном труде.

Но и колхоз не на все способен, если он мал и землей небогат. Колхозу нужен простор в хозяйстве. Чтобы в поле машина могла работать. Чтобы скота было много, кормов для него в избытке. Чтобы мельница была своя, крупорушка, пруды для рыбы и птицы, сады свои, клуб в зеленом колхозном парке. Чтоб ребятам не надо было зимой, в метель, за пять километров в школу ходить. Чтоб электричество было: мотором воду качать, и хлеб молотить, и огороды поливать. Словом, нужно колхозу иметь миллионный доход, чтобы жить, как хорошие люди живут. А где ж у деревни столько доходов, если в ней всего 15—20 дворов?

Вот и пришло время Терпигорьеву объединиться с Гальневым. Они сделали это раньше других деревень, и потому соседям пришлось уже после ходить к ним с поклоном: «Примите и нас к себе!» Всего, год за годом, сошлись вместе 14 смежных деревень.

Так образовался нынешний «Труд», один из богатейших загорских колхозов. Колхоз, который первым в Подмосковье открыл широкую дорогу машинам на ставшие просторными поля; где вступил в свои права электромотор и сошлись под крышами новых, благоустроенных ферм мелкие колхозные стада. Колхоз, где бригады сеют хлеб под присмотром своего, колхозного агронома, доярки ходят за советом к своему, колхозному зоотехнику, где тесные избы-читальни уже переселились в новое, пахнущее свежими красками стен помещение сельского клуба и где переселяются даже сами деревушки, образуя большое село.

На наших снимках нет облика этого нового, не имеющего еще названия колхозного села. Но оно уже существует на кальке, и каждую ночь над его изображением идут горячие споры между председателем колхоза Иваном Ивановичем Хреновым и другим Иваном Ивановичем — московским архитектором Бирюлиным.

— Сселение — еще один шаг к коммунизму, — доказывает председатель. — Мне уже сейчас колхозники говорят: «Иван Иванович, зачем нам теперь приусадебные огороды? Давай их под парк определим». А вы хотите рощу свести. Какой же, скажите на милость, может быть коммунизм без зелени?!

В колхозе выросли свои Герои Социалистического Труда. Колхозница М. С. Дмитриева получила звание Героя за выращенный ею богатый урожай картофеля.

Возле Дивова, ныне второй бригады, отличные пастбища. В деревне построили молочную ферму и свели туда дойных колхозных коров. Стадо пасется на дивовских лугах.

Уборка клевера ведется теперь тракторными сенокосилками.

В прошлом году, весной, в «Труд» влились две деревни: Никульское и Шубино. Колхозы там были слабые, малодоходные: урожаи собирались низкие, коровы доились плохо, трудодень был невелик, дисциплина труда расшатана. Принимая эти хозяйства, старые члены артели «Труд» пошли на жертвы: уменьшили вес своего трудодня и для подъема новых хозяйств вложили в них более полумиллиона рублей. К концу года и Шубино и Никульское были электрифицированы. Там построили новые конные и скотные дворы, оборудовали теплые телятники, сменили бригадное тягло. Словно новые силы влил круп-

В Гальневе всегда помногу сажали картофеля. Тут лучше всего иметь свиноферму. Уже построен новый большой свинарник. Свинарка Пелагея Фроловна Замкова ждет, когда колхозные плотники закончат отделку кормушек.

На снимке показана только одна «сторонка» будущей широкой улицы нового села. Ее заняла переселившаяся сюда крохотная деревушка Митино. За Митиным начнут переезд самые отдаленные деревни: Путятино, Шубино, Каравайково, Бобырево...

Вот поля этих двух последних деревень. Они слились в один просторный участок седьмой бригады. Стеной стоит рожь, вымахавшая выше человеческого роста. Высоки и густы овсы. Сочные клевера готовы к укосу. Нет более наглядной картины для всякого, кто хочет убедиться в преимуществах крупного колхоза.

Всего в посевном клину артели теперь свыше 1300 гектаров земли. В хозяйстве большие лесные угодья. Сенокосов около 450 гектаров и 40 с лишним гектаров пастбищ.

На широких массивах легче поднять урожай. Глубокая тракторная пахота, машинная предпосевная обработка, рядовой сев, закрытие влаги прополкой и рыхлением, внесение в почву большого количества минеральных удобрений — это все и позволило колхозу собрать в прошлом году с гектара по 17,7 центнера зерна вместо довоенных 10 и более чем по 250 центнеров овощей вместо прежних 110.

Хозяйство стали вести разумно. Не родилась в дивовском поле столовая свекла — перенесли ее в путятинское, а дивовцам предложили выращивать кормовую. Нашлись возле Дивова, Шубина, Бобырева и Никульского хорошие пастбища — построили в этих деревнях новые крупные молочные фермы и свели туда всех дойных колхозных коров. В Гальневе всегда помногу сажали картофеля — там строится свинарник на пятьдесят свиноматок, ставятся на откорм колхозные свиньи. Возле Путятина большой водоем — колхоз решил, что тут лучшее место для фермы водоплавающей птицы.

Поле и скот — две самые крупные статьи колхозного дохода. Пока деревушки жили врозь, у них всегда не хватало кормов: мало было земли, не находилось места для трав. Сейчас укрупненный колхоз накашивает по 80 тысяч пудов одного сена, собирает тысячи тонн корнеплодов, закладывает в каждой бригаде силосные ямы. Скот колхозный тучнеет. Удой молока от каждой фуражной коровы вырос с 1500 литров до 3 тысяч. Раньше свинья приносила в среднем по 6 поросят, теперь по 17. Приплод ягнят увеличился вдвое.

ный, богатый колхоз в жизнь этих крохотных деревушек!

Даже люди в них будто бы переменились. Не могли раньше шубинские доярки из группы Екатерины Ямсковой надоить больше 840 литров молока от коровы в год. А нынешней весной они за 3 месяца надоили по 890 литров. На никульской ферме в 1948 году надой от коровы был 790 литров, а доярка Титова в прошлом году надоила 2350 литров.

Никульское и Шубино стали жить богаче. Но и сам укрупненный колхоз не оскудел, а, наоборот, прибавил в достатке и силе. К началу текущего года его неделимый общественный фонд оценивался в 4 миллиона рублей, по 13 500 рублей на каждый колхозный двор. Доходы колхоза выросли до 1200 тысяч рублей. Вырос, естественно, и трудодень.

Возле деревни Путятино большой водоем — удобное место для фермы водоплавающей птицы. Решено строить здесь птичник на тысячу голов.

Колхоз начал производство своего кирпича. Мастер Андрей Матвеевич Муравьев (в центре) и двое его помощников формуют его пока вручную. Но уже смонтирован механический пресс, и готовится кладка печи для обжига. В этом году кирпичный завод будет пущен.

Вот как начинал старый, бессменный председатель колхоза Иван Иванович Хренов свои ежегодные отчетные доклады.

Весной 1943 года:

— Товарищи, прошел 1942 год. Он был суровым годом для нашего народа. Наш колхоз, состоящий из 5 селений, имел всего 96 хозяйств. На фронте находятся 102 мужчины. Мы пахали всю землю тяглом, но с севом управились в срок.

Весной 1945 года:

— Мы уже не первый раз подводим итоги в дни жестокой войны. Теперь в нашем колхозе состоит 7 селений, 112 хозяйств. Укрупнение не помешало нам подготовиться к весне — и не хуже, а даже лучше, чем в прошлом году.

Весной 1947 года:

— Наш колхоз теперь состоит из 10 селений, хозяйств в нем стало 168. За зиму мы управились с работами так, что теперь для сева развязали руки всем нашим бригадам.

Весной 1948 года:

— Прием двух слабых колхозов не приостановил нашего движения вперед.

Председатель говорил: «укрупнение не помешало». Но лучше бы сказать иначе: именно благодаря укрупнению колхоз богател, становился сильным, способным справиться со всеми задачами.

Все теперь имеет колхоз: и электричество, и автомашины, жатки, сенокосилки. Есть у колхоза гараж, мельница, крупорушка, кузница, пилорама, кирпичный завод. Есть и клуб, и кино, и школа-семилетка, и библиотека на 12 тысяч томов...

Иван Иванович, председатель, еще спорит с Иваном Ивановичем, архитектором, о том, на каком месте быть колхозному стадиону в еще не имеющем названия селе. Но и Путятино, и Шубино, и Каравайково, и другие мелкие деревни уже собираются в путь, на новое место жительства, поближе к Терпигорьеву.

Здесь будет новое, большое село. Инженер-проектировщик Н. П. Васильчиков (слева), член правления колхоза по строительству Е. Г. Александров и архитектор И. И. Бирюлин определяют место, куда должны переселиться мелкие и дальние деревни.

ЧЕЛОВЕК ГОРЯЧЕГО СЕРДЦА

В январские дни 1920 года Красная Армия, выполняя гениальный сталинский план разгрома Деникина, преследовала белогвардейцев, отходивших к Черному морю. В эту пору Григорий Котовский получил приказ сформировать кавалерийскую бригаду.

И вот уже вышли на первый смотр полки бригады. Загрохотали пулеметные тачанки, закачались пики, и сразу после смотра кавалеристы отправились в свой первый рейд, в тыл к белым. Конники не знали передышки. Ежедневно с боями проходили они десятки верст. У комбрига глаза были воспалены от усталости, но он не давал покоя ни себе, ни людям. Григорий Котовский во главе своих всадников спешил к Одессе, которую он так любил и где его все знали, от мала до велика. Кое-кто из военных «специалистов» увещевал комбрига: «Куда, очертя голову, несешься? Под Одессой пятьдесят тысяч белогвардейцев!» Котовский с жаром отвечал:

— Пусть их будет вдвое больше, но это же не армия, а вороний корм! Они уже не могут оказать сопротивления. Я со своей бригадой помчусь вперед, пролечу через Одессу, создам панику, не дам гадам очнуться и развернусь за городом. Рабочие Одессы нас ждут, они нам помогут.

Так оно и было. 7 февраля 1920 года Котовский первым ворвался в Одессу со стороны Пересыпи. Начался бой, длившийся несколько часов. Красноармейцы и вооруженные рабочие очищали город от офицерских банд. Котовцы спешили к полотну железной дороги, чтобы заградить путь белогвардейским эшелонам...

За освобождение Одессы Григорий Котовский получил боевую награду — орден Красного Знамени, первый из трех орденов, которыми наградила его Родина.

Прошло с тех пор более 30 лет. Но в памяти советских людей не изгладился образ бесстрашного и талантливого полководца Г. И. Котовского, героя гражданской войны. Он был мастером смелых, внезапных налетов и сокрушительных атак. Его конница одинаково умело сражалась и в пешем и в конном строю. Котовцы появлялись там, где их меньше всего ждали. Они вихрем набрасывались на врага и, не дав ему опомниться, разбивали по частям.

Во время боя Котовский всегда бывал в самых опасных местах. Однажды, когда бригада действовала во вражеском тылу, противник занял господствующие высоты и пытался уничтожить кавалеристов, не дав им выйти из рейда. Несколько раз котовцы бросались в атаку, но безуспешно: противник встречал их ожесточенным огнем.

В минуту, когда даже у самых храбрых ослабела воля к победе, Котовский решил собственным примером воодушевить бойцов: дав шпоры коню, он выехал на дорогу. Бойцы увидели своего командира. Над головой его сверкал обнаженный клинок.

— Вперед! — пронесся клич комбрига.

Невдалеке разорвался первый снаряд. Недолет. Котовский, не опуская руки, не наклоняя головы, помчался к воронке. Опять дрогнула земля. Перелет. А за ним третий снаряд. Во все стороны летит земля. И вдруг бойцы увидели, что конь Орлик мчится без комбрига.

— Убит! — крикнул кто-то.

Охваченные жаждой мести за любимого командира, бойцы бросились в штыковую атаку, а несколько человек побежало к месту, где разорвался последний снаряд. Они увидели Котовского: сжимая ладонями землю, он силился приподняться.

— Комбриг жив! Жив! — передавали друг другу котовцы.

Теперь никакой огонь не мог их удержать...

Пример командира — великая сила. Котовский это хорошо знал. И много раз эта сила решала исход боя.

Однажды утром комбриг, как всегда, занимался гимнастикой. Через село в это время проходили отступавшие пехотинцы. Вслед за ними пронеслись конники. Котовский же, как ни в чем не бывало, продолжал упражняться с гирями. Один из командиров стал торопить Григория Ивановича:

— Товарищ комбриг, гимнастику сделаете потом.

— Без паники, — сурово ответил Котовский.

Одевшись, он спокойно сел на коня и выехал на окраину деревни, где бригада уже была в сборе, и тут же повернул конницу против наступавшего противника.

Талантливый полководец-самородок, не получивший специального военного образования, он черпал свои знания из практики каждого боя. Котовский учил бойцов опрокидывать врага, поражать его неожиданностью атак.

В 1921 году из-за рубежа в нашу страну была переброшена крупная диверсионная банда Тютюнника. Одно время она оставалась неуловимой, так как ей удавалось избегать открытых столкновений с частями Красной Армии. Михаил Васильевич Фрунзе приказал Котовскому в кратчайший срок ликвидировать диверсантов. Кавалеристы, совершив тяжелый, многоверстный переход, неожиданно настигли банду и разгромили ее.

Тов. Фрунзе внимательно следил за ходом всей операции. Он прибыл к месту боев, на станцию Тетерев, и после ликвидации банды Тютюнника вызвал к себе Котовского. Горячо поздравив его, Фрунзе обратился ко всем присутствующим командирам с призывом беспощадно громить врагов Страны Советов, как это делает Котовский.

* * *

Г. И. Котовского глубоко уважали и любили солдаты. Как же было не любить его, когда он дрался храбрее, лучше всех, когда не раз одно лишь его появление заставляло противника в панике бросаться прочь, когда каждый боец чувствовал на себе заботу командира! Простой в обращении, скромный, открытой души человек, он близко принимал к сердцу все радости и горести солдат. Много, очень много теплоты было в грубоватом тоне этого круглолицего, широкоплечего, внешне сурового человека. Комбриг никогда не подчеркивал своих заслуг, зато всегда с восхищением говорил о героях своих полков. Победы были ему наградой. Жертвы и кровь бойцов — его горем.

Как-то Котовского разыскала немолодая женщина, приехавшая в расположение бригады после того, как она получила извещение о гибели сына. Ее сын, только что окончивший курсы красных командиров, был убит в первом же бою. Мать поведала комбригу о том, что она и все родные хотели бы знать, при каких обстоятельствах пал в бою их мальчик и где находится его могила.

Человек горячего сердца, Котовский с большим участием отнесся к просьбе матери и тут же приказал начальнику штаба срочно разузнать обо всем, что ее интересовало. Ночью Григорий Иванович составил подробную реляцию о подвиге погибшего. Он знал, что семья будет с гордостью и любовью хранить этот документ.

Когда утром женщина пришла к Котовскому, он взял ее под руку и повел на могилу. Глубокая печаль была на его лице. Григорий Иванович словно видел перед собой матерей всех тех красных воинов, чьи могилы остались в степях Одесщины, лесах Подолии и Тамбовщины.

— Наши герои достойны больших почестей. Каждая капля крови, пролитая в боях за коммунизм, должна быть лучезарна в веках, — говорил Котовский.

Бойцы Котовского были лучшими друзьями местных жителей: то новую хату поставят погорельцу, то трофейных коней раздадут безлошадным беднякам. Григорий Иванович любил собирать вокруг себя крестьян. Иногда за полночь затягивалась его беседа со стариками. Он толковал с ними о прежней тяжкой доле землепашца и вдохновенно, красочно рисовал картину будущей мирной жизни советского государства.

И вот наступили эти радостные дни мирного труда. Котовский горячо взялся за укрепление боеспособности созданного им корпуса. Уже пожилой человек, он сел за военные книги и того же потребовал от подчиненных.

Агроном по образованию, Г. И. Котовский с увлечением помогал строительству первых колхозов на Украине. Григорий Иванович всегда помнил, что он не просто военный человек, а что он большевик, государственный деятель — член Центрального Исполнительного Комитета СССР, Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета и Центрального Исполнительного Комитета Молдавской АССР.

Гроза врагов советской власти в годы гражданской войны, Григорий Иванович с наступлением мирной поры с той же яростью обрушился на троцкистов, подрывавших мощь Красной Армии, и бандиты отомстили ему.

Г. И. Котовскому было 44 года, когда предательский выстрел из-за угла оборвал прекрасную жизнь кристально честного большевика, храброго, талантливого полководца.

Когда Фрунзе узнал, что 6 августа 1925 года на хуторе Чебанке, близ Одессы, на берегу Черного моря убит его друг и воспитанник комкор Г. И. Котовский, он продиктовал у прямого провода телеграмму бойцам осиротевшего корпуса:

«Умолк навеки тот, чей голос был грозой для врагов советской земли и чья шашка была лучшей ее оградой.

Рука преступника не остановилась перед тем, что она поднимается против лучшего из защитников республики рабочих и крестьян. Она решилась на позорнейшее, гнуснейшее, подлейшее дело, результат которого будет на радость нашим врагам!»

Г. И. Котовского, честнейшего и преданнейшего сына большевистской партии, убили злейшие враги народа, троцкистско-бухаринские выродки, агенты иностранных разведок.

Но враги не могли убить славу героя. Она бессмертна. На примере жизни Чапаева, Щорса, Лазо и Котовского воспитывались сотни и тысячи самоотверженных сынов и дочерей нашей Отчизны. Легенды и песни о народном герое рождались в садах Бессарабии и лесах Тамбовщины, неслись над Днестром и Дунаем.

...Котовский мечтал о том времени, когда на обоих берегах Днестра свободно заживет счастливый молдавский народ. Освобожденная Молдавия свято чтит память своего героя.

...С виноградником и нивой
Слит в одно герой Котовский.
Он живет в душе народа
Вечно юный, боевой!
В светлой памяти народа
Не стареет наш Котовский!
Дальше, дальше мчится время —
Все Котовский молодой!

Память о Котовском дорога́ всему советскому народу.

Лучший памятник полководцу, самая высокая посмертная награда ему — это слова И. В. Сталина о легендарном комбриге:

«Храбрейший среди скромных наших командиров и скромнейший среди храбрых — таким помню я т. Котовского.

Вечная ему память и слава».

Владимир ШМЕРЛИНГ

К. Д. КИТАЙКА

Заслуженный деятель искусств Молдавской ССР художник Константин Демьянович Китайка посвятил свое творчество Советской Армии.

Дипломной работой Китайки был конный портрет генерал-лейтенанта Белова. Впоследствии изображение воинов на горячих красивых конях стало любимым композиционным приемом художника. Из более поздних работ Китайки следует выделить портрет героя гражданской войны Г. И. Котовского. К образу легендарного полководца Китайка вновь возвратился в 1950 году в связи с 25-летием со дня смерти славного воина. Новый портрет Котовского впервые публикуется в этом номере «Огонька».

Герой гражданской **войны** Григорий Иванович КОТОВСКИЙ. **Портрет** работы художника К. Китайки.

ВОСЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТЬ ЛЕТ ВО ФЛОТЕ. Морская служба Иосифа Ивановича Юревича началась в год отмены крепостного права, в 1861 году. Он поступил тогда юнгой на парусную шхуну «Генерал-адмирал Чичагов». Восемьдесят девять лет служит во флоте И. И. Юревич. Он плавал и на ледоколе «Ермак», и на подводной лодке, и на других судах.

Художник Б. Щербаков писал портрет И. И. Юревича в дни, когда отмечалось столетие со дня рождения старейшего моряка страны.

Марш калек

(Из парижского дневника)

Юрий ЖУКОВ

Это было в Париже в жаркий летний вечер. В муниципальном совете «заботливые» отцы города знакомились с проектом советника Дебю-Брюделя, который требовал санкций против шоферов такси, отказывающихся перевозить собак. У станции метро возле больших рынков подобрали умиравшего от истощения 45-летнего безработного со страшной язвой на левой ноге.

Некая мадам Христиан Шадрен объявила поход за возрождение оптимизма, и газеты воспроизвели текст песенки, которую должны петь все желающие бороться с пессимизмом: «Я оп... я оп... я оптимист!». Газеты добавили, что специальные поезда повезут последователей мадам Шадрен на модный курорт Довилль, где состоятся их манифестации.

В школе, помещающейся на улице Мулен де Пре, рухнул потолок — здание не ремонтировалось с 1858 года.

На террасе большого кафе на Бульварах американские туристы, щурясь на солнышке, обсуждали последнюю телеграмму из Нью-Йорка: находчивый радиокомментатор Томас Ловелл, выступая с речью в штате Мичиган, предложил переселить Организацию Объединенных Наций на борт одного из американских линкоров; по мнению Ловелла, это была бы идеальная — нейтральная и мобильная — территория.

В это время на площади Оперы началась необычная суета: регулировщики спешно направляли машины и автобусы в переулки. На ступенях нарядного здания Оперы появились сиделки с красными крестами на белых косынках. Прикатили автобусы кино- и радиооператоров. На горячем асфальте разбили зачем-то палатки. На тротуарах начала собираться толпа.

Прохожий, к которому я обратился за разъяснением, пожал плечами: «Как, разве вы не знаете, что сегодня состоится марш калек?» «Калек?..» «Ну да, сюда сейчас придут 15 тысяч инвалидов, и они останутся тут до полуночи, это будет их походный бивуак...» Я понял: речь идет об очередной демонстрации инвалидов двух войн, которые долгое время тщетно требуют от правительства повышения пособий.

Прошлой зимой их можно было видеть на мерзлом асфальте против Лувра. Без пальто, без теплых шарфов, без перчаток, они лежали под пронизывающим ветром, били своими изношенными протезами по мостовой и громко кричали: «Наши пенсии! Наши пенсии!». А жены их раздавали прохожим листовки, на которых было написано: «Отречется ли Франция от своего долга признательности к тем, кто ее спас?». И дальше шли цифры — страшная в своей лаконичности и реальности статистика:

«В 1938 году на помощь жертвам войны расходовалось 6,5 процента бюджета. В 1950 году, после второй мировой войны, которая умножила число инвалидов, нам выделяют лишь 2,7 процента. По сравнению с 1938 годом официальный индекс стоимости жизни повысился в 20 раз. Наши пенсии остаются ничтожными.

Каждый год умирают 80 тысяч жертв войны. Это значит, что каждый год бюджет пенсий сокращается на 2 миллиарда франков. Куда идут эти деньги? Инвалиды войны не требуют никаких преимуществ. Но они уверены, что власти не вправе заставлять их погибать в нищете».

Я видел не раз такие демонстрации — здесь же, на площади Оперы, перед парламентом, на Бульварах. Иногда полиция атаковала инвалидов, пуская в ход против них дубинки. Иногда полицейские просто останавливали их, окружали тесным кольцом и тупо глядели на лежащих на земле безногих и безруких людей в ожидании, пока они кончат кричать и разойдутся.

Они спасли Париж в 1914 году... Участники битвы на Марне, потерявшие в этом бою ноги.

Но на этот раз демонстрация выходила из рамок обычных масштабов. На этот раз инвалиды съехались в Париж со всей Франции, чтобы пройти походным маршем по Большим бульварам и раскинуть здесь, в самом центре столицы, свой бивуак на весь вечер.

В ожидании походного сигнала инвалиды выстраиваются колонна за колонной на самом шумном перекрестке Больших бульваров: шеренги колясок, на которых сидят безногие старики; шеренги слепых солдат в мундирах цвета хаки — этим выел глаза иприт на берегах Соммы; шеренги безногих и безруких молодых людей в современных касках и в кургузых курточках образца 1944 года — эти стали инвалидами в войне против Гитлера.

— Простите нас, господин министр финансов, но мы еще не умерли! — кричит плакат, поднятый над передней колонной.

А за ним шелестят и переливаются красками трехцветные стяги, под которыми они ходили в бой.

Поет походный горн. Старики на колясках дрогнувшими руками нажимают на педали. Раздается глухой, но дружный стук протезов и костылей — эти люди не разучились ходить в ногу. И разом из тысячи глоток вырывается хриплый, дышащий отчаянием клич: «Наши пенсии! Наши пенсии!». Я оглядываюсь по сторонам. Женщина вытирает платочком глаза. Коммерсант, вышедший из своего маленького магазинчика, восклицает: «Это же позор, черт возьми! И о чем только они там думают в правительстве?!» Остановившийся на минуту рабочий в латаной спецодежде и в синем берете иронически отвечает: «О чем? Смею вас заверить, о новой войне!».

Они шли долго — около часа, эти люди, оказавшиеся за бортом жизни. Парижане глядели на них взволнованно. Только немногие черствые души пожимали плечами: «Что смотрит полиция?». Трое американских туристов, покинувших столики в большом кафе, чтобы поглазеть на необычное зрелище, защелкали фотоаппаратами. Хромой знаменосец — высокий седоусый старик в военной форме образца 1914 года, с грудью, увешанной орденами, — окинул их взглядом, исполненным презрения, и рявкнул: «Шапки долой!». Американцы растерянно заулыбались. Тогда к ним подошел другой инвалид. Он снял шляпу с обалдевшего холеного детины из Кентукки или Оклахомы, сунул ее ему в руку и пошел дальше. В толпе захохотали. Американец бросился к полицейскому, но тот сделал вид, что ничего не заметил. Ведь инвалидов были тысячи, и связываться с ними полиция не хотела.

Так они дошли до площади Оперы. Огромная толпа заполнила всю площадь. Инвалиды легли на мостовую. Те, кому стало плохо после похода из дальнего департамента, были помещены в палатки — ими занялись врачи и сестры. Здесь же, на асфальте, устроили походный ужин, делясь друг с другом по-братски...

На другой день в газетах появились лаконичные, скупые сообщения о марше калек. Буржуазная пресса старательно подчеркивала: это не была политическая демонстрация, о нет! Инвалиды выдвигали «чисто экономические требования»... Да, инвалиды требовали пенсий. Но самый тот факт, что им приходится в течение двух лет безрезультатно напоминать о себе; тот факт, что они показали Парижу свое бедственное, трагическое положение; тот факт, что десятки тысяч ветеранов двух войн обречены на голод и нищету, — это говорит о многом.

«Война» и «нищета» — эти два слова все чаще становятся рядом в сознании рядового француза. Он начинает сознавать, что инвалиды двух войн находятся ныне в бедственном положении именно потому, что правящая кучка страны готовится к третьей. Он наглядно видит, что при капиталистическом режиме солдат не может рассчитывать на заботу правительства в случае увечья. И рядовой француз делает для себя необходимые выводы, подписывая Стокгольмское Воззвание.

Так инвалиды Франции внесли свой вклад в дело мира. Так они внесли свою посильную долю в могучий натиск масс, требующих мира, хлеба и свободы.

Париж, июль.

Бивуак инвалидов на площади Оперы.

Советский Союз на международных ярмарках

«Да здравствует Советский Союз и его большое дело — социализм, общественный прогресс, демократия и всеобщий мир!».

Этими словами премьер-министра Германской демократической республики Отто Гротеволя открывается книга отзывов о советском павильоне на Лейпцигской международной ярмарке, состоявшейся в нынешнем году.

И, как бы развивая мысль премьер-министра, зачинатель движения активистов производства в Германской демократической республике Адольф Геннеке делает вслед такую запись:

«Выставка Советского Союза говорит сама за себя. Она скромно и просто доказывает нам, с какой могучей энергией и силой народ может трудиться для мира».

На трех международных ярмарках — в Лейпциге, Познани и Праге — показ продукции нашей промышленности и сельского хозяйства вылился в яркую демонстрацию успехов СССР. Бурное развитие советской экономики произвело сильное впечатление на широкие народные массы. Они невольно сопоставляли неуклонный рост производства мирной продукции в Стране Советов и перестройку на военный лад всей промышленности капиталистических государств. И простые люди неизменно делали вывод:

— СССР — знаменосец мира!

Перед нами несколько десятков книг отзывов посетителей международных ярмарок. Сколько в этих книгах теплых слов о нашей великой стране!

Когда В. Штейн из Западной Германии осматривал советский павильон Лейпцигской ярмарки, он сравнивал то, что видел, с гнусными выдумками, распространяемыми наемными писаками Уолл-стрита. Полный гнева и возмущения, немец записал в книгу:

«Эта выставка разоблачает ложь и клевету на СССР со стороны империалистических государств».

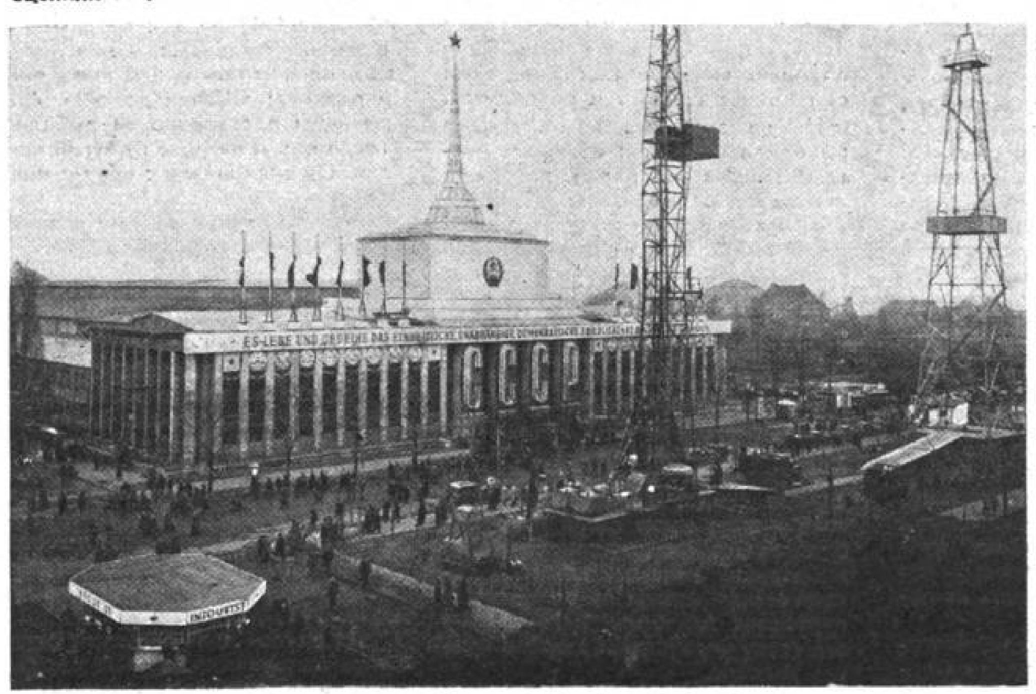
В. Штейн не одинок в своих выводах.

«Возвращаясь домой из плена, я рад видеть эту выставку Советского Союза, — читаем мы на той же странице. — Она поддерживает нас в нашей работе по распространению правды о Советском Союзе и опровергает лучше всяких слов ложь империалистов мира».

Теперь раскроем книги, привезенные из Познани. Они в яркокрасных переплетах. Тысячи записей сделаны в них то мелким и убористым, то размашистым почерком.

СССР в четвертый раз участвовал на международной ярмарке в Познани. Советский павильон непрерывно расширялся. В этом году для перевозок экспонатов из СССР потребовалось 190 вагонов.

В Познани посетители ярмарки любовались огромными фотографиями и цветными диапозитивами, рисующими созидательный труд советского народа, восторгались новыми нашими машинами, облегчающими труд человека. Простые польские люди по достоинству оценили творческий вклад советской державы в дело мира.

Советский павильон на Лейпцигской ярмарке.

«Мирное производство Советского Союза — это ответ поджигателям войны», — пишут рабочие одного металлургического завода.

«Мощная техника СССР дает нам, польскому народу, уверенность, что борьбу за мир мы выиграем. Пламенный привет народам Советского Союза!» — гласит следующая запись.

На прошедшей недавно 51-й международной ярмарке в Праге специальный стенд назывался «Помощь Советского Союза». Здесь было показано, какое ценное оборудование получает Чехословакия из СССР, как способствует его помощь развитию чехословацкой промышленности и сельского хозяйства.

Наибольший успех на Пражской ярмарке выпал на долю советского машиностроения, особенно сельскохозяйственного.

«Только страна, которая думает о мире и борется за мир, может производить столько замечательных машин для сельского хозяйства. Головы советских людей заняты добрым делом — они и не помышляют о войне», — такое заключение делает словацкий крестьянин.

Мы читаем записи, полные благодарности Советскому Союзу за опыт, который он передает странам народной демократии.

«Советский Союз, — говорит запись, под которой более десятка фамилий, — показывает нам чудесные машины для мирного строительства, а Америка пугает нас атомной бомбой. Вот разница между страной социализма и страной империализма».

Строки на французском языке: «Все эти экспонаты замечательны. Советский Союз — страна, куда обращены наши восторженные взоры. Да здравствует Сталин!»

Все передовое человечество видит в нашей могучей державе несокрушимого знаменосца мира.

КОРОТКО

СБОРНИК «ДЕКАБРИСТЫ» выпускает Институт русской литературы Академии наук СССР. Он выйдет к памятной дате — стодвадцатипятилетию декабрьского восстания в Петербурге. В сборник включаются неопубликованные письма и мемуары декабристов, неизвестные отрывки из их произведений, научно-исследовательские статьи советских литературоведов. Будет дано также научное описание богатой коллекции изобразительных материалов, хранящихся в Литературном музее института: портреты, рисунки, личные вещи декабристов.

«БИТВА ЗА УГОЛЬ» — новый полнометражный фильм — снимается Московской киностудией имени М. Горького. Это будет первый цветной художественный фильм о послевоенном Донбассе, вооруженном новой, социалистической техникой, о его замечательных людях. Ряд сцен наглядно покажет, каким невыносимо тяжелым был подневольный шахтерский труд до революции и каким радостным, вдохновенным стал он теперь, как стираются грани между физическим и умственным трудом.

На выставке Института этнографии Академии наук СССР. В зале Корейской народно-демократической республики.

Фото Н. Ананьева

«Хорошо иметь таких друзей...»

Институт этнографии Академии наук СССР открыл в Ленинграде большую выставку, посвященную народам Китая, Кореи, Вьетнама, Индии, Индонезии и Африки.

Выставка рассказывает о древней культуре этих народов, об их героической борьбе за свободу и независимость, против империалистической агрессии.

Вот отдел, посвященный Корее.

Здесь собраны произведения народного искусства, экспонируются образцы национальной одежды, отражен быт населения.

Перед нами два стенда. На первом — фотографии и документы, отображающие жизнь в Северной Корее: студенты на занятиях в университете имени Ким Ир Сена; новая гидростанция на горной реке; уборка урожая на полях коллективного хозяйства; текст закона о равноправии женщин. На втором стенде — фотографии, показывающие, как живут люди в Южной Корее под гнетом американских захватчиков и продажной лисынмановской клики.

Американские провокаторы, бросившие мирный народ в пламя войны, оскандалились. Карта наглядно демонстрирует победоносное продвижение доблестных войск Корейской народно-демократической республики, которые несут освобождение своим братьям и сестрам.

Выставка пользуется большой популярностью у ленинградцев. В выходные дни здесь бывает 10—12 тысяч человек. О чувствах, которые вызывают у посетителей материалы, экспонируемые на выставке, свидетельствует книга отзывов. Приведем некоторые записи:

«Хорошо иметь таких друзей, как народы Китая, Кореи, Вьетнама!»

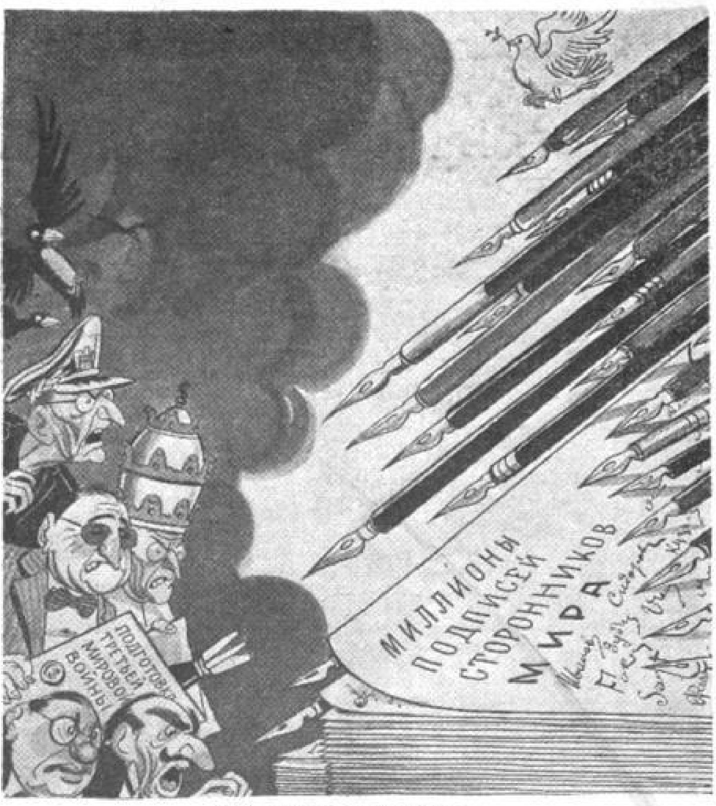
«Пусть растут и крепнут силы мира!»

«Приветствуем героев! Свободолюбивый Восток должен быть хозяином своих просторов!»

«Да здравствует Советский Союз — друг всех угнетенных и верный борец за их освобождение!»

Л. АНДРЕЕВ

НЕПРЕОДОЛИМОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ

И хочется и колется!..

Рисунок Ю. Ганфа

Замечания по поводу...

Комментарии излишни

Освобожденный американцами из тюрьмы гитлеровский военный радиокомментатор генерал Дитмар комментирует в одной из западногерманских газет события в Корее.

(Из газет)

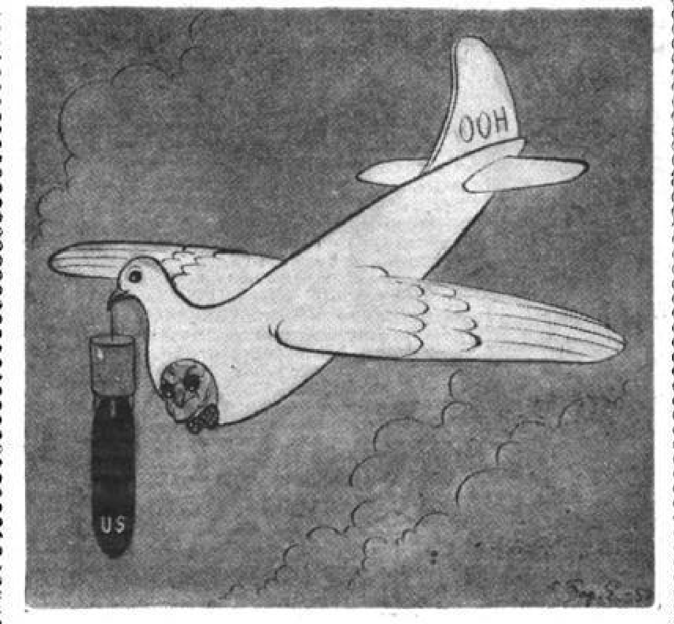
Он стал (знать, быстро входит в роль!)
Американским литератором...
А был при Гитлере давно ль
Его конвульсий комментатором!
Мертвец молчание прервал,
Он хочет вновь функционировать.
Ужель и Трумэна провал
Он подрядился комментировать?!

«Мирная» агрессия

В своем послании к конгрессу Трумэн пытается изобразить американскую агрессию в Корее в виде «полицейского мероприятия» для «мирных целей».

(Из газет)

Все разъяснилось (нам доныне
Был неизвестен этот факт).
Здесь нет агрессии в помине,
Здесь не война, а мирный акт!

В пространстве синего эфира,
С «посланьем» Трумэна спеша,
Летит в Корею «голубь мира»,
Реконструированный в США!..

Эмиль КРОТКИЙ

ОНА ВОСПИТАЛА 18 ДЕТЕЙ

Мария Павловна получила письмо от одного из своих воспитанников.

Фото Н. Капелюша

Почтальон Тамара Горбашева легонько постучала в дверь дома 42 по Калининской улице. Заслышав знакомые шаги, девушка крикнула:

— Мария Павловна, письмо!

— Слышу, слышу, Тамара. От кого?

— От Миши.

Горбашевой хорошо знакомы «корреспонденты» Марии Павловны Щербаковой. Это ее воспитанники. Вот и сейчас пришла весточка от Михаила — воина Советской Армии.

Мария Павловна вырастила и воспитала 18 детей, лишившихся родителей, поставила их на ноги, и они, расправив крылья, разлетелись в различные концы страны: Анна, Татьяна, Нина работают в Горьком, другая Татьяна — в Арзамасе, Галина учится в Сормовском ремесленном училище, Виктор уехал на Сахалин, Михаил служит в Советской Армии. Четырех сынов Мария Павловна лишилась во время войны с гитлеровской Германией. Прошло с тех пор уже несколько лет, а рана в сердце старой женщины не заживает.

— Ребята-то были какие! — вспоминает она. — Жили дружно, как родные братья.

И старушка — ей 77 лет — рассказывает о шалостях двух Михаилов, прилежности Юрия, скромности Николая.

Дети Марии Павловны — это сироты. Она, работница родильного дома, взяла их к себе, когда им было 3—4 года.

Жители города Лукоянова, Горьковской области, хорошо знают эту женщину с добрым сердцем. Она поселилась здесь после смерти мужа, более 45 лет назад. Щербакова стала для сирот горячо любящей матерью. Радостно было слышать ей вечером, после работы, детские голоса:

— Мама! Мамочка!

Советская власть помогла патриотке воспитать своих приемных детей. Городские организации заботились о дровах для нее, о ремонте дома, помогали деньгами.

Все сыновья и дочери Марии Павловны получили образование. Большинство из них уехало в другие города страны. Но женщину, ставшую для них любимой матерью, они не забывают. Часто пишут ей, присылают деньги, подарки.

Государство назначило Марии Павловне пенсию. Старушка продолжает хлопотать по хозяйству, нянчить внуков. В доме попрежнему многолюдно и шумно, хотя семья значительно уменьшилась. С Щербаковой живут сейчас жена Михаила Анна Панфиловна с сыном Александром, дочь Валя — она учится в 9-м классе — и сын Александр — он работает в Лукояновской МТС.

Ф. БОРОНИН

Большой пионерский костер

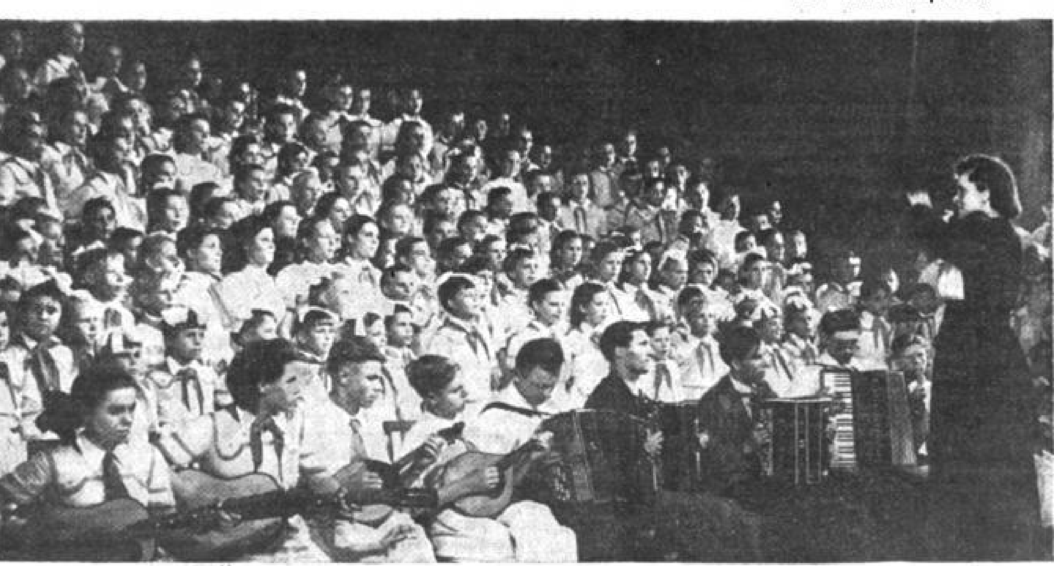
Это стало хорошей традицией города-героя. Каждое лето со всей области в Сталинград съезжаются обитатели 39 детских домов на свой радостный праздник.

Так было и на этот раз. 1500 мальчиков и девочек собрались на площади Павших борцов. Высоко в небо взметнулись яркие языки пламени и десятки разноцветных ракет. Тысячи сталинградцев собрались здесь, чтобы посмотреть большой пионерский костер, зажженный в честь гостей. Это был костер мира.

Начался показ художественной самодеятельности. Песни, пляски, декламация — все выступления посвящены одной теме: мирному, созидательному труду советских людей, их борьбе против поджигателей войны.

Олимпиада художественной самодеятельности воспитанников детских домов длилась несколько дней. Недавно юные гости попрощались со Сталинградом до будущего года. Многие выехали в пионерские лагери. Большая группа ребят отправилась в пловучем лагере в Москву.

П. ЧЕРНУЩЕНКО

Сводный хор воспитанников детских домов Сталинградской области.

Фото А. Брянцева

Лаборатория на полях

Солнечный день. Поля Новосибирской селекционной станции. Под открытым небом возле маленькой мастерской сияют огни электросварки, гудят электрические сверла. Здесь работают научные сотрудники лаборатории механизации Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР. Под руководством инженера А. А. Кикина они заканчивают монтаж улучшенного дискового лущильника.

Тесные узы творческого содружества связывают А. А. Кикина с научным сотрудником селекционной станции Г. А. Наливайко, который открыл эффективный способ борьбы с ползучим пыреем — основным сорняком сибирских полей. Еще недавно земли селекционной станции были так засорены пыреем, что на каждом гектаре оказывалось 6—8 тонн живых корневищ этого злостного сорняка. Сейчас поля совершенно чистые. Уничтожить сорняк помогли дисковые лущильники.

Новая конструкция лущильника позволяет не только лучше обрабатывать почву, но и дает возможность экономить 150 килограммов металла при изготовлении каждой машины.

А. А. Кикин в прошлом году побывал в сорока пяти МТС. Сейчас инженер снова направляется в большую поездку по колхозам Сибири. Он поможет трактористам и бригадирам освоить новую машину. В одной Новосибирской области улучшенными лущильниками Кикина в нынешнем году будет обработано 400 тысяч гектаров парового клина.

А. КОПТЕЛОВ

На наших вкладках

«КРЕСТЬЯНИН С УЗДЕЧКОЙ»

Одна из отличительных черт русской живописи XIX века — обращение художников к народным образам. Много работал над портретами крепостных еще Венецианов. Перов, а за ним Крамской в своих крестьянских портретах подчеркивали глубокую любовь к русскому народу и веру в его силу и ум.

Иван Николаевич Крамской (1837—1887) широко известен своими портретами Толстого, Некрасова, Шишкина. Не меньшее значение в его творчестве занимают и образы простых крестьян, в которых художник увидел благородство души, чистоту помыслов, стойкость.

Результатом долгих дум, внимательного и любовного отношения Крамского к труженикам русской земли явилась картина «Крестьянин с уздечкой» — одна из жемчужин искусства передвижников.

«СРЕДИ ДОЛИНЫ РОВНЫЯ...»

Великий русский художник Иван Иванович Шишкин (1832—1898) воспел величественную красоту родной природы. И больше, чем в произведениях какого-либо другого мастера, в его полотнах обыкновенный пейзаж порождает эпические, героические образы.

Именно к таким эпическим пейзажам, где ярко сказалось восхищение художника силой, могуществом русской земли, относится картина «Среди долины ровныя...», написанная в 1883 году.

«Среди долины ровныя
На гладкой высоте
Цветет, растет высокий дуб
В могучей красоте...»

Шишкин не случайно назвал свое произведение строкой из народной песни. Все картины Шишкина писаны для народа и говорят о народной любви к отчизне.

«КУРСИСТКА»

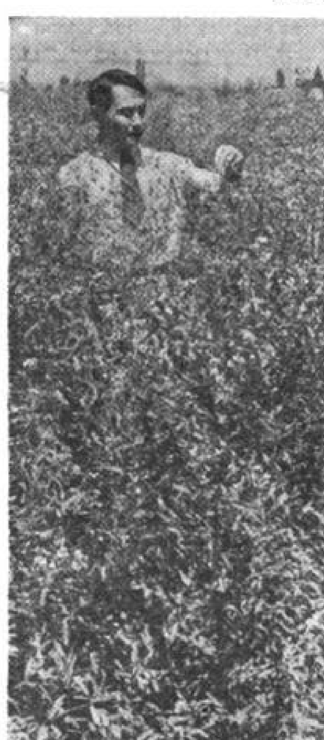
В галерее картин замечательного русского художника Николая Александровича Ярошенко (1846—1898) особое место занимают полотна, посвященные образу передовой русской женщины.

Вот как отозвался о «Курсистке» Глеб Успенский: «Девушка... бежит «с книжкой подмышкой» на курсы или на уроки. Таких девушек, «с книжкой подмышкой», в пледе и в мужской круглой шапочке, всякий из нас видал и видит ежедневно...

Художник... передает вам, «зрителю», «публике», самое главное, самое важное... Это главное: чисто женские, девичьи черты лица, проникнутые на картине, если можно так выразиться, присутствием юношеской, светлой мысли... Вот это-то изящнейшее, не выдуманное и притом реальнейшее слитие девичьих и юношеских черт в одном лице, в одной фигуре, осененной не женской, не мужской, а «человеческой» мыслью, сразу освещало, осмысливало и шапочку, и плед, и книжку, и превращало в новый, народившийся, небывалый и светлый образ человеческий».

«Курсистка» — одно из лучших произведений русской живописи 80-х годов.

КЕНДЫРЬ

Опытная плантация кендыря Казахского института земледелия имени академика В. Р. Вильямса.

Фото П. Редько

С незапамятных времен в низовьях рек Или и Чу, среди камышовых зарослей, растет ценное волокнистое растение — кендырь. Старожилы давно открыли редкие свойства кендырного волокна: вьют из него веревки, изготавливают рыболовные снасти, ткут полотно. Казахи часто веревку называют кендырь. Поныне бытует в казахском народе сказка:

...Встретились как-то в степи два каната — кендырный и шелковый. Заспорили, кто крепче.

— Я крепче, — заявил кендырный канат.

— Тебе ли тягаться со мной в крепости! — надменно возразил канат шелковый.

Спорили, спорили, наконец порешили: сцепиться и тянуться до тех пор, пока кто-нибудь не перервется.

Сказано — сделано. Долго продолжалась борьба. Оба каната выказали большую крепость. Вдруг кендырный канат начал сдавать, почувствовал: вот-вот лопнет.

— Погоди,— закричал он,— я забыл напиться!

— Напейся, — разрешил великодушно канат шелковый.

Побежал кендырный канат к ручью, напился вдоволь, даже взмок весь.

— Ну, теперь держись!— усмехнулся он, напрягся и легко разорвал шелковый канат на две части.

Сказка эта о правде: кендырное волокно отличается необыкновенной крепостью и долголетием. Смолы в лубе кендыря охраняют изготовленные из него снасти, морские канаты и полотно от гниения и порчи.

Сейчас в Казахской ССР осуществляется большая работа по внедрению кендыря в севообороты. Минувшей осенью Министерство легкой промышленности республики заготовило значительное количество необходимых семян, а нынешней весной сто семьдесят два колхоза Казахстана заложили питомники и рассадники этой культуры, отведя под нее значительные посевные площади.

Сейчас на полях появилась кендырная сеялка конструкции В. М. Пелевина. Сто двадцать таких сеялок уже изготовлены. Каждая из них заменяет труд двенадцати — пятнадцати человек.

В. М. Пелевин в творческом содружестве с А. К. Ирхеном и К. Г. Климцовым сконструировал также молотильную машину. Выход семян при машинном способе увеличен против ручного в 2,5 раза. Применение кендырной молотилки уже позволило государству сэкономить около двух миллионов рублей.

Дм. Снегин

МАТЧ ДРУЖБЫ

СОРЕВНОВАНИЕ ЛЕГКОАТЛЕТОВ СССР и ВЕНГРИИ

В прошлое воскресенье на московском стадионе «Динамо» начался легкоатлетический матч между сборными командами СССР и Венгерской Народной Республики. Более 50 тысяч москвичей приветствовали венгерских спортсменов в момент торжественного открытия соревнований и затем с большим вниманием следили за борьбой отличных бегунов, прыгунов и метателей.

С самого начала парада, когда московские пионеры преподнесли букеты живых цветов венгерским спортсменам, и до конца соревнований на стадионе царила дружественная атмосфера. Гости радовались, когда советский атлет устанавливал новый рекорд СССР, московские зрители награждали дружными аплодисментами каждое удачное выступление венгерских гостей.

Первый же день матча принес немало интересных эпизодов борьбы и у финишной ленты, и при взлете над планкой, и в момент передачи эстафеты. Пока на гаревой дорожке шло состязание в беге с препятствиями, у восточных трибун спортсмены показывали искусство длинного прыжка, у западных Т. Хоммонаи (Венгрия) с шестом перелетал через планку, установленную на высоте четырех метров, а Нина Думбадзе легко и красиво посылала диск в центр поля.

Напряжение матча чувствовалось все

Нина Думбадзе беседует с венгерской метательницей Д. Ежани.

время. Тем не менее в нем были такие моменты, которые особенно волновали и захватывали зрителей. Это относится прежде всего к бегу на 1 500 метров. Встретились едва ли не сильнейшие «средневики» Европы. Несмотря на то что соревнование длилось всего около 4 минут, оно было полно настоящей борьбы, в которой зрители видели и великолепную технику, и тактический расчет, и спортивный азарт. Такое соперничество всегда приносит отличные достижения. Так было и на сей раз. И хотя Эрик Веетыусме на финишной прямой в острой борьбе проиграл венгру Ш. Гараи, он все же показал великолепный результат и установил новый рекорд страны: 3 минуты 50,4 секунды.

Увлекательно проходили состязания в эстафетном беге. Женская команда в рекордные секунды (47,5) пробежала 400 метров, а сильнейшие бегуны на короткую дистанцию В. Сухарев, Л. Каляев, Л. Санадзе и Н. Каракулов хорошо пронесли эстафетную палочку и закончили бег с отличным результатом — 40,9 секунды. Это также всесоюзный рекорд.

В прошлом году в Будапеште талантливая венгерская спортсменка Ольга Дьярмати, соревнуясь с А. Чудиной, оказалась победительницей в прыжках в длину с разбега. Весной текущего года в Берлине они снова состязались. На сей раз победила Чудина. И, наконец, в третий раз встретились эти замечательные спортсменки. Обе они показали свое мастерство в прыжках, исполняли этот трудный номер великолепно. Судейская рулетка зафиксировала:

Ольга Дьярмати — 5 метров 84 сантиметра.

Александра Чудина — 5 метров 80 сантиметров.

Имре Немет — олимпийский чемпион и рекордсмен мира по метанию молота. Его

Эстафетный бег четырех по 100 метров. В. Сухарев передает эстафетную палочку Л. Каляеву.

заочное соревнование с лучшим советским метателем Александром Канаки давно уже вызывало интерес любителей спорта. И вот мы увидели двух сильнейших в мире метателей в очном соревновании. Быстрые движения, отчеканенная техника метания, стремительный полет снаряда каждый раз встречались шумными рукоплесканиями москвичей. Победителем оказался Александр Канаки. Из остальных результатов следует отметить тройной прыжок Леонида Щербакова, метание диска Р. Шумской (вне конкурса), уверенную победу Е. Васильевой в беге на 800 метров, хороший результат (48,6 секунды) П. Кияненко в беге на 400 метров.

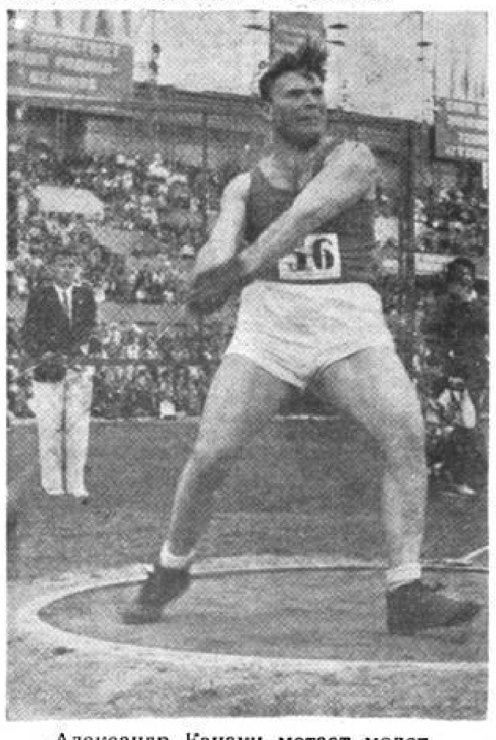
Второй день соревнований также ознаменовался достижениями. Из них наиболее важное — новый всесоюзный рекорд неутомимого Никифора Попова. Показав блестящий финиш, Н. Попов закончил дистанцию за 14 минут 27,8 секунды, что на две с лишним секунды превышает прошлогодний рекорд В. Казанцева.

В крайне напряженной борьбе на каждом этапе прошло состязание в эстафетном беге 4 по 400 метров. Его выиграли венгры, но сборная команда Советского Союза в составе П. Чевгуна, Х. Поттера, С. Комарова и П. Кияненко установила рекорд СССР — 3 минуты 16 секунд.

Успешно выступала венгерская спортсменка Ольга Дьярмати. Она выиграла бег на 80 метров с барьерами и бег на 200 метров.

В соревновании по спортивной ходьбе, метанию диска и копья как у мужчин, так и у женщин первенствовали спортсмены СССР.

В общем итоге легкоатлетический матч СССР — Венгрия выигран спортсменами Советского Союза со счетом 218 : 128 очков. Установлено 5 рекордов СССР и 4 — Венгерской Народной Республики.

Александр Канаки метает молот.

Фото А. Бочинина

КИНО СВОБОДНОГО КИТАЯ

История новой китайской кинематографии начинается с 1938 года, когда в Яньани, где в то время находилась Китайская академия искусств, выпускались первые хроникальные фильмы, посвященные героической 8-й Народно-освободительной революционной армии.

В 1946 году в Чанчуне была создана первая национальная киностудия северо-востока Китая. Вначале студия выпускала лишь документальные фильмы об освободительной войне. Ее отважные операторы шли с киноаппаратами вместе с бойцами и участвовали в боях. Трое из операторов — Чжан Шао-кэ, Ван Цзинь-ань и Ян Иньсюнь — погибли смертью героев.

В освобожденном Китае созданы необходимые условия для дальнейшего развития народной кинематографии. Государственные киностудии в Чанчуне, Пекине и Шанхае и пятьдесят восемь передвижных операторских групп развернули большую работу.

В течение 1949 года китайская национальная кинематография выпустила восемь документальных и шесть полнометражных художественных фильмов.

Два художественных фильма — «Мост» и «Искра» — рассказывают о трудовых подвигах китайских рабочих.

Фильмы «Дочери Китая», «Возвращение в отряд» и «Воины в белых халатах» воспроизводят славные боевые дела отрядов народного сопротивления, боровшихся с японцами. Кинокартина «Невидимый фронт» посвящена героической борьбе народа с гоминдановской «пятой колонной».

Главные герои художественного фильма «Мост», выпущенного в 1949 году,— рабочие. Режиссеру Ван Биню, сценаристу Юй Минь и актерам Люй Баню и Бай Лу удалось показать вдохновенный и напряженный труд патриотов, восстанавливающих в невиданно короткий срок стратегически важный мост. В этом фильме китайский зритель впервые услыхал радостные песни труда и победы, увидел людей, никогда ранее в китайских фильмах не участвовавших.

В картине «Искра» рассказана история восстановления рабочими электростанции одного города. Инициатор восстановления электростанции старый рабочий Чжоу Мин-ин, преодолевая всяческие трудности, увлекает за собой коллектив строителей и добивается намеченной цели.

В основу сценария картины «Искра» положены подлинные события. В герое фильма Чжоу Мин-ине зрители узнают делегата Народного политического консультативного совета Китая героя труда Лю Ин-юаня.

Этот фильм, впервые отобразивший в китайском киноискусстве пафос созидательного труда, посвящен руководящей роли рабочего класса в промышленном строительстве. В рабочем Чжоу Мин-ине воплощены черты новых людей из гущи китайского рабочего класса, становящихся героями труда.

Из новых художественных картин на военные темы самая значительная — «Дочери Китая», с которой недавно познакомился наш советский зритель.

Главное действующее лицо фильма «Дочери Китая»—молодая патриотка Ху Сю-чжи. Японские оккупанты заживо сожгли ее мужа, и она решает отомстить врагам за страдания своего народа, за смерть любимого человека. Ху Сю-чжи вступает в партизанский отряд и мужественно борется с японцами. Лучшим другом и руководительницей Ху Сю-чжи (артистка Чжан Чжэн) становится политрук отряда Лынь Юнь (артистка Яо Шень), бывшая учительница.

Ху Сю-чжи участвует во многих боях партизан с японцами. Наступает торжественный для нее день, когда ее принимают в коммунистическую партию. Простая деревенская женщина стала стойким борцом-коммунистом.

В одной из стычек с японцами небольшая группа партизан получает задание — отвлечь японцев от основного отряда. В бою погибает почти вся группа и в том числе политрук Лынь Юнь. Лишь восемь партизанок под командованием Ху Сю-чжи остаются в живых и отбивают многочисленные атаки врагов.

Израсходовав патроны и не желая сдаться врагу, партизанки бросаются в реку и находят смерть в ее водах.

Фильм «Дочери Китая», построенный на подлинных событиях, поставлен режиссерами Линь Цзы-фун и Дьи Тьян по сценарию Ян И-янь. Кинодраматург и режиссеры сумели передать в картине героику всенародной борьбы с японскими захватчиками. На экране развертывается одна из легендарных страниц этой многолетней, тяжелой, но победоносной войны.

Маленькая группа операторов, зародившаяся когда-то в Яньани, выросла ныне во внушительный отряд, насчитывающий более трех тысяч человек. Среди них есть много талантливых режиссеров, операторов, сценаристов, квалифицированных технических работников.

В 1950 году Центральное управление по делам кинематографии Китая значительно увеличило производство картин. План предусматривает выпуск двадцати шести полнометражных фильмов, семнадцати документальных и одного мультипликационного.

Недавно в Чанчуне было закончено производство двух художественных картин: одна из них — «Партизанка» — повествует о героине-патриотке Чжао И-мань, поднимавшей народные массы на борьбу с японскими оккупантами и отдавшей жизнь за счастье родины; другая — «Заря над Монголией» — рассказывает о борьбе за свободу народа Внутренней Монголии.

В честь 30-летия советской кинематографии в городах Китая были проведены фестивали. В одном только Шанхае десятки тысяч зрителей во время фестиваля просмотрели пятнадцать советских картин.

Ныне в Китае с огромным успехом демонстрируются советские фильмы «Рядовой Александр Матросов», «Русский вопрос» и «Великий перелом».

Режиссеры, операторы, сценаристы и актеры Китая стремятся овладеть крупнейшими достижениями советского киноискусства. Они поняли, что успехи эти кроются прежде всего в методе социалистического реализма, в идейности и целеустремленности произведений советского кино.

На торжественном собрании, проведенном в Пекине в связи с 30-летием советской кинематографии, заместитель министра культуры Чжао Ян сказал:

«Советская кинематография, так же, как и Советская Армия, обладает одинаковым великолепным оружием, это оружие — мощь духа... Славный путь, который пройден советской кинематографией,— путь, по которому должна развиваться и будет развиваться наша народная кинематография».

Н. ДЕВОНИСКАЯ,
Г. ГРЕБНЕВ

НА СНИМКАХ:

1. Кадр из фильма «Искра». Чжоу Мин-ин (в центре) убеждает рабочих взяться за восстановление электростанции.

2. Кадр из фильма «Искра». Спор Чжоу Мин-ина (справа) с инженером электростанции.

3. Кадр из фильма «Дочери Китая». Крестьяне принесли партизанам продовольствие.

ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ

Рассказ

Юрий БОНДАРЕВ

Рисунки А. Кокорина.

На песчаной косе большой реки у весело полыхающего костра сидели двое: дядя Максим, старик с крепкой морщинистой шеей, в телогрейке и резиновых сапогах выше колен, и Семен, молодой парень с серьезным безусым лицом. Ворот его холщевой рубахи расстегнут и открывает крепкую загорелую грудь. Поодаль от них, возле разбросанной на песке мокрой сети, укрывшись с головой тулупом, лежала жена Семена — Надежда. Она не шевелилась и, казалось, спала.

За костром смутно видимая в потемках тихо и устало дышала река; в тиховодье у косы плавился в темных затопях такой же красный месяц, как и на небе, выплывавший в белых, сияющих разводах облаков.

На противоположном берегу, где небо чуть светлей от зарева города, вспыхивает и гаснет огонек и глухо шлепает и сопит буксирик. Изредка из темноты взвивается хлесткий крик: «Эй, на барже-е-е! Сгружа-ай!..»

Там пристань.

На костре варилась уха. Семен стоял на коленях возле огня и лениво мешал ложкой в ведре.

Дядя Максим недовольно вертел в руках промокший кисет, сушил его над огнем; приготовленная для цыгарки бумажка была зажата у него в зубах, будто прилипла к бороде.

— Не будет дела,— сердито поглядывая на месяц, проговорил дядя Максим.— Рыбе — как днем...

— Ну, вот и подождем,— не поднимая головы, с удовлетворенным вздохом сообщил Семен,— покуда месяц зайдет... А за это время и починим...

— Как это подождем? — резко повернулся к нему дядя Максим.— Это что, до рассвета ждать будем?..

— Да что вы говорите, дядя Максим, право слово! — поморщился Семен.— Куда тронем-то без мотора? Скажут же! На веслах, что ли?

— А ты думал, как?

— Сами погребете,— отворачиваясь, сказал Семен.— У меня мозоли на ладони — цыгарку не свернешь... Три тони дали на закате — и хватит. Куда вам боле-то?

— Тебе, ленивому, смотреть нужно было! — неожиданно округлив глаза и тараща их на Семена, рассердился дядя Максим.— Полез на отмель с мотором, как щука на блесну! Вот и сидим. «Сами погребете»! Ну что ж, и погребем, коли нужно! — с сердцем заключил он.

За островом трижды пронзительно закричал гудок пассажирского парохода. Разноголосое эхо понеслось по прибрежным лесам и смолкло. Потом, мерцая огнями и хлопая лопастями, прошел пароход.

Надежда зашевелилась под тулупом. Откинула полу, повернулась лицом вверх и вздохнула.

— Обленился весь! Совсем, с ног и до головы! Как это в бригаде его еще держат? — проговорила она громко. Она села, зябко повела плечом; досадливо дрогнули ее черные тонкие брови. — Три тони сегодня дали — и хватит! Вот твои рассуждения... Вся бригада, поди, уж у Косой балки, по пять тоней сделали. Э-эх, ты! Не могу я сейчас смотреть на тебя, вот что! — внезапно вспылила Надежда.— Знала бы, что обленишься, так замуж ни в жизнь не пошла! — не то насмешливо, не то снисходительно заключила она и, нахмурившись, встала, принялась готовить посуду для ухи.

— Да это что такое? — растерялся Семен.— Я то, я се, да кто я: злодей? Мотор у всякого может испортиться! Темнища была — вот и налетел на мель-то... Да что уж, нарочно, что ли? Напали — отбою нет!..

Дядя Максим взял тарелку и сказал с ухмылкой:

— Вот поедим — разберемся, где отбой, а где прибой, а где и лень вперед тебя родилась. Нечего сидеть нам тут! Чинить надо и ехать...

Ели молча.

Надежда вынула из ведра разваливающуюся на куски рыбу и вдруг подняла голову, отставила тарелку в сторону и сказала, вглядываясь в темноту:

— Никак, идет кто?

Все перестали есть и стали смотреть в ту сторону, где в потемках хрустела галька.

— Небось, Глебыч бригаду проверяет,— сказал дядя Максим, щурясь и озабоченно привставая.— Эй, Глебыч, ты, што ль?..— крикнул он.

Темное пятно превратилось в человека. Высокого роста и, как всем показалось, молодой, он подошел к огню и, улыбаясь, стоял в красных бликах костра, перекинув плащ через руку. В другой руке у него был желтый небольшой чемодан.

— Здравствуйте, товарищи! — сказал он громко.— Вот шел, шел и набрел...— и, немного помолчав, добавил: — Простите, помешал...

— Чего там,— промолвил дядя Максим,— помешать не помешали, мы работой не заняты...

— Садитесь, садитесь,— заторопилась Надежда, приветливо и торопливо подтягивая телогрейку к костру.

— А вы, может, ухи... не откажетесь? Надежда, протри ложку,— предложил дядя Максим.

— Спасибо...— обрадованно сказал человек.— А я — на чемодане... Вот так вот.

Он сел к костру, бросил плащ на песок и оглядел всех, не скрывая любопытства в молодых глазах, которые освещали его широкое, загорелое лицо с высоким лбом. Прядь волос по-мальчишески упала на висок, он откинул ее широкой ладонью назад.

— Значит, вы из рыболовецкого колхоза? — с интересом спросил незнакомец.

— Угадали,— с достоинством ответил дядя Максим, оглаживая бороду и выпрямившись.

— Рыбак рыбака видит издалека! — засмеялся человек. — А от ухи я не откажусь...

Надежда торопливо почерпнула ухи с самого дна ведра, подала полную до краев тарелку, подвинула хлеб, еще раз протерла ложку и, глядя на человека чуть смущенно улыбающимися глазами, сказала:

— Кушайте. Может, и на свадьбу когда пригласите.

— Ну, что вы, на свадьбу! — засмеялся неловко человек.— Опоздали... Я женат... может быть, буду...— добавил он медленно, и взгляд его немного дольше остановился на Надежде, как бы спрашивая с тревогой: «А вы почему спросили об этом?»

Надежда неожиданно смутилась, на щеках проступил румянец.

— Тебе только о свадьбах и говорить,— покосился на жену Семен.— Помолчала бы...

Надежда, сама чувствуя неловкость, с досадой сверкнула на него глазами, но ничего не ответила.

Человек вздохнул, сел поудобнее и большой загорелой рукой взял ложку. Она показалась игрушечной в его руке.

Дядя Максим, внимательно разглядывая гостя, кашлянул в бороду, разгладил ее ладонями.

— Случаем, может, не откажетесь? — с неуверенностью проговорил он и, вынув фляжку, бултыхнул ею несколько раз.— Это я на случай, если озябнет кто в воде.

Человек улыбнулся одними глазами.

— Ну что же, ради приезда разве...— и потом быстро добавил: — Нет, нет... Спасибо!

— Мда-а...— протянул дядя Максим, но, видимо, остался доволен: выдержка ему всегда нравилась.

Человек начал есть с удовольствием, потом задумался, осторожно кусая хлеб маленькими кусками.

Все подумали, что он стесняется, и отвернулись. Дядя Максим и Семен стали сворачивать цыгарки. Надежда настороженно наблюдала за человеком и вертела указательным и большим пальцами пуговичку на телогрейке.

— Удивительно! — сказал человек, кончив есть.— Дымом пахнет.

— Равной пищи нет,— довольный, улыбаясь в бороду, подтвердил дядя Максим.— Ежели сюда бы еще ершишку,— пальцы пообкусишь... Мда-а-а!

— Вы еще покушайте,— сказала Надежда, решительно беря тарелку и встречаясь взглядом с глазами незнакомца.

— Нет, нет, спасибо, не хочу! — запротестовал тот, улыбаясь.— Спасибо большое!.. Да...— сказал он, неожиданно пристально глядя на реку.— Зарево над городом... И река, она, как прежде, течет.

И, достав портсигар, протянул его, раскрыв на ладони.

— Ну, что ж... Побаловать можно,— согласился дядя Максим и долго копался в портсигаре: никак не мог вынуть папиросу. От этого смутился, крякнул и бросил далеко от костра горящую свою цыгарку.

— Вы московский, выходит? — спросил Семен, ловко достав папироску и лихо кидая ее в рот.

— Ну-у, московский! — весело удивился человек.

— С пристани, что ль, вы? — понял Семен и усмехнулся, не выпуская папиросы из губ.— Как же вы попали-то сюда? Это далеко-то от пристани, однако...

Человек закурил и сразу не ответил, задумавшись, потом, стряхивая пепел в костер, будто вспоминая что-то, сказал:

— Да так, брел, брел... и к вашему костру...

— На плащ-то у вас искры полетели,— сказала Надежда и осторожно махнула ладонью по плащу.

Семен метнул на нее недовольный взгляд. Надежда, заметив это, показала ему язык и наморщила нос. Дядя Максим в мгновение перевел взгляд с одного на другого: мол, перед чужим человеком!

— Значит, приехали? — продолжал дядя Максим.

— Приехал. И очень издалека,— охотливо ответил незнакомец,— с Сахалина. Я инженер-нефтяник.

— Нефтя-яник? Во-он что! — воскликнул дядя Максим понимающе.— А ведь вон завод у нас нефтяной строится! Во-он, видите огонек? Буксирчик шипит, лес сгружает, всякие ящики привозят, стало быть, всякие аппараты для производства... Во-он что! Вы что, не туда ли?..

— Туда,— подтвердил человек и улыбнулся.— Так, значит, завод строится здесь, на берегу реки?..— он встал, прошелся по песку вдоль берега.— Ну, вот и еще новость,— радостно сказал он,— не доезжая до родного города, увидел место работы!.. Странная ночь у меня сегодня...— Он подошел к костру, опять сел около огня, с удовольствием протянул большие ладони к нему.

— Вы здешний? — удивилась Надежда.

— Здешний,— со вздохом согласился инженер,— но четыре года войны и три года строительства на Сахалине — итого семь лет... А воздух, воздух здесь! На Сахалине он пахнет морем, и летом там душно, ночи темные, а здесь — простор... Кажется, воздух все время движется...— проговорил он задумчиво и, немного помолчав, добавил, оборачиваясь к тому берегу: — Да, завод... Я когда-то думал о большом городе на нашей реке... и вот... наконец...— человек поднялся и стал закуривать, но пальцы у него слегка вздрагивали.

— Постой, ты чей будешь? — с беспокойством и нетерпением спросил дядя Максим, всматриваясь в лицо инженера.

— Кириллова, садовода, знали? — тихо спросил инженер.

— Ну, как же! Семена Петровича? Сын? Его, что ли, сын ты? Сопливый, курносый, бегал, голубей гонял. Ах, укуси меня сом, да неужто?! — воскликнул дядя Максим и поднялся. Он быстро взял руками инженера за плечи, притянул к себе, бородой прижался к лицу.

— Ну, вот! — засмеялся инженер.— Бегал сопливый и голубей гонял!..

— Да что ж ты сразу?.. Да чего ты молчал?! — прерывисто говорил дядя Максим, оглядываясь, будто потерял что-то.— Семен, Надежда, да это Семена Петровича сын! Вроде Витька тебя звали, извиняюсь, Виктор... Так, что ли?.. Ах, память! Или ошибся?.. Да что же это?.. Отца-то ведь нет!.. К кому же ты? Да ведь семь лет!..

Инженер не ответил, только дрогнула бровь.

— Ну, Витька... то есть Виктор Семеныч, садись. Это ты брось! — закричал дядя Максим.— Как же так: с приезда да откажешься?.. А я думал... Нет, нет, садись!

Виктор Кириллов улыбнулся. Семен недоуменно глядел то на дядю Максима, то на инженера. Надежда смеялась радостно, глаза ее искрились.

Инженер внезапно взял дядю Максима за локоть, отвел его немного в сторону.

— Что такое? — спросил дядя Максим, и борода его оттопырилась от удивления: таким серьезным было лицо инженера.

— Я хотел у вас... — неловко проговорил Кириллов. — Я хочу спросить. Вы Олю... Олю Петляеву не знали?.. Она врач. С ней что?

— Да погоди! Какую Олю?— изумленным шепотом, так, что было слышно далеко, спросил дядя Максим, заглядывая в лицо Кириллову и тяжело дыша. — Да найдем мы эту Олю!.. В городе, что ль?..

— Значит, вы не знали ее?— переспросил инженер. — Не знали... Ну, что же, — как бы про себя проговорил он. — Значит, не встретила! Конечно, семь лет... — и он усмехнулся, и лицо его на минуту отразило какое-то горькое чувство. Он отвернулся от дяди Максима резко. — Ладно! Я пойду! — внезапно сказал он и, тряхнув головой, направился к костру за своим плащом. — Паром работает у вас?

Дядя Максим пошел вслед за ним, обеспокоенно хватаясь рукой за бороду.— Посиди-ка...

Надежда тихо сказала:

— Куда вы пойдете? Ведь паром сейчас не перевозит.

Вероятно, она слышала все. Глаза у нее были широко раскрыты, и верхняя губа с белым пушком легонько вздрагивала.

Она отодвинулась почему-то от костра, когда инженер приблизился. Он сел возле нее и молча некоторое время шевелил палкой головешки в гаснущем огне. Его широкоскулое, бронзовое от загара лицо было сосредоточенным, ожидающим. Надежда часто дышала за его спиной.

— Оля? — тихо спросила она.

Инженер вздрогнул, быстро повернулся.

— Оля! Вы ее знаете? Олю Петляеву?.

— Нет,— глубокий вздох и опять: — Вы не видели ее... семь лет? И... теперь приехали?

Инженер усмехнулся.

— Да, но дело не в этом, — и, прервав самого себя, спросил уже другим голосом: — А вы давно... простите... замужем?

— Недавно,— немного смущенно ответила Надежда и посмотрела на Семена.

— А такая и побить может! — сказал с какой-то неестественной веселостью Семен. — Берегитесь такой жены!..

Надежда вспыхнула, вскочила и пошла к реке от костра.

— Ну, зачем вы обидели ее? — сказал инженер.

— Ее обидишь! — усмехнулся Семен.— Ох, Надька!..— он с каким-то восхищением посмотрел во тьму, куда убежала Надежда, и почему-то радостно сказал: — Мы же с ней тоже вместе голубей гоняли, по заборам лазили, вместе в бригаду пошли и поженились тут... Надь, а, Надя, ну, ладно уж! — вдруг ласково позвал Семен.— О тебе тут говорю, слышь?..

Не отвечая, тихо подошла Надежда, села ото всех поодаль и сердито прогнала кулика, попискивающего у самого костра: «Кышь ты, бессонница!» Потом расстелила тулуп, молча легла и укрылась, выглядывая только из-под полы блестящими глазами. Помолчали. На реке темнело: на месяц ползли тучи. У самого берега бултыхнула рыба. Месяц в воде закачался и пошел двоиться, делать восьмерки.

— Да-а, любовь!.. Э-эх! — протянул задумчиво молчавший дядя Максим и крякнул: — Сомишко ударил! На перекат пошел... к рассвету. Вы извиняйте, Виктор Семеныч, нам лодку починить надо...— добавил он виновато.— Пока месяц не скатился... Ну, поднялись, пошли! — сказал с глубоким вздохом.

— Давайте, что ли! — Семен поднялся и глянул на Надежду.

Она тяжело вздохнула и тоже встала. По выражению ее лица, по движению рук, по тусклому, чуть грустному взгляду ее глаз было видно, что она хотела сказать что-то инженеру, но не решилась. Накинув на плечи телогрейку, она пошла к баркасу.

— Мы тут на моторном баркасе рыбачили,— пояснил дядя Максим извиняющимся голосом.— У нас шпонка полетела... На мель наскочили, значит. Так что мы починим и быстро вас на тот берег подбросим... А вы здесь, Виктор Семеныч, посидите, погрейтесь.

Инженер решительно встал.

— То есть как, позвольте, починим? — спросил он и оглядел всех.— Что вы будете чинить?

Семен усмехнулся.

— Авария у нас...

— У вас что, моторная лодка? Какой мотор? Где ваша лодка? — сказал инженер и решительно направился в темноту впереди дяди Максима.

Подошли к лодке. Дядя Максим, очень смущенный и хмурый,

Чайки

Вероника ТУШНОВА

Тучи наливаются дождем,
Чайки пролетают над Кремлем,
Кружат над столицею моей
Белые посланницы морей,
В сумраке заката золотом
Плавают над Каменным мостом...

Вот холодный воздух рассекло
Выпуклое острое крыло,
И души коснулся ветерок
Дальних странствий, вспененных дорог,—

Может быть, привет от рыбака,
Может быть, поклон от моряка,
Сердца беспокойного тепло
Чайки принесли издалека.

Может, другом посланы сюда,
Где над башней древнею ярка
К ночи загорается звезда
Самого большого маяка.

Может, порученье им дано,
Чтоб, в обратный собираясь путь,
В самое заветное окно
С птичьего полета заглянуть...

...Тучи наливаются дождем,
Чайки пролетают над Кремлем
И в закатной исчезают мгле
С отблеском багряным на крыле.

Иранская тетрадь

Ярослав ШПОРТА

1. Мехабадская баллада *

Что это в бубны стучат с рассветом,
Что там сарбазы [1] кричат при этом!
На площади средь Мехабада
Сарбазов плотные ряды,
И ветер дышит в час прохлады
Живым предчувствием беды.
Трех виселиц чернеют планки...
И, сжав до боли кулаки,
Беззвучно плачут курдиянки,
Уткнувшись в темные платки.

Что это в бубны стучат с рассветом,
Что там сарбазы кричат при этом!
Когда их привели, три брата,
Гремя цепями, обнялись.
И Мохаммед сказал: «Солдаты,
У нас троих пути сошлись!»
И молвил Садр: «Страх перед смертью
Борцам за правду незнаком,
Народ воспрянет, и, поверьте,
Заря взойдет в краю родном».
А Сейф добавил: «Наши братья
Завоевали жизнь в борьбе,
Хочу вам, люди, пожелать я
Добиться воли и себе!..»

Что это в бубны стучат с рассветом,
Что там сарбазы кричат при этом!
Когда же закружились в танце
Дома и камни мостовых,

Мы видели: американцы
Фотографируют троих...
И все!.. Лишь ветер утром рано
Унес тысячегрудый стон,
Лишь бился желтый лев Ирана
На шелке воинских знамен.

2. Караваны

Трудно июнем дышать раскаленным,
Ветер в заливе гудит голубом,
В розовом мареве зыблются склоны,
Пыль над шафрановой далью столбом.

Стонут верблюды, громоздкие вьюки
Мерно качая на рыжих горбах,
Плачет бубенчик о долгой разлуке,
Свищет нагайка в шершавых руках.

Жажда томит, бесконечны барханы,
Кажется, здесь начинается ад.
Месяц в пустыне бредут караваны,
Будто столетье иль десять назад.

Может, и нет паровозов на свете
И не построен еще самолет!!.
С зорьки до вечера — огненный ветер,
Легкой прохлады и ночь не даст.

Едут купцы, чтоб в Дамаске и Мекке
Порох, шелка и зерно продавать;
Только с верблюдов сойдут на ночлеге,—
Алчность в дорогу торопит опять.

Незабываема эта картина,
Будто из древних принесена стран...
Желтых барханов горбатые спины,
За караваном бредет караван.

Перевел с украинского
Марк Шехтер.

* В 1947 году в городе Мехабаде были повешены три брата: Мохаммед Кази, Садр Кази и Сейф Кази — видные курдские демократические деятели. Приговор военного трибунала о повешении их был заранее утвержден шахом.

[1] Сарбаз — солдат.

взял пылающую головешку, стал освещать масляно блестевший мотор.

— Ну, показывайте, в чем у вас здесь дело...— бормотал инженер, нащупывая руками мотор.— Держите пиджак... У вас есть какие-нибудь запчасти?..

Семен и Надежда отстали немного.

— Разве ты меня любишь? — спросила строгим голосом Надежда.— Разве так любят, как ты? Вот человек... семь лет ждал!..

— И не дождался...— пояснил Семен и притянул ее за локти к себе.— Характер ты мой капризный! Вот ты у меня такая!.. Ведь любишь, любишь?

— Эх, если бы я могла помочь ему!..— вздохнула Надежда, пряча голову на груди у Семена.

— В этих случаях очень трудно помочь,— серьезно сказал Семен.— Не встретила,— значит, не любит, забыла. Кто же семь лет будет ждать?

На реке потемнело. Бакены засветились еще ярче, а огни на горе, где спал город, высвечивали и искрились, точно почищенные наждаком. Луна медленно заходила в тучи, сузилась в линеечку и исчезла. Только сейчас, перед рассветом, стал виден Млечный путь — белый, точно вытертый,— снежной дорогой в небе. Костер погас, и на косе стало совсем темно, только у баркаса беспрестанно мерцала папироска инженера.

Через полчаса дядя Максим, нетерпеливый и повеселевший, сказал, залезая в баркас и разматывая шнур мотора:

— Ну, спасибо вам, Виктор Семеныч! От сердца спасибо! В долгу... Мы бы тут возились! Садитесь. Мы сейчас вас мигом в город!

Инженер вымыл руки, не отвечая, молча вытирал их тряпкой, которую принесла ему Надежда, и лишь чуть улыбался, сморщившись от едкого дымка, тянущегося от почерневшего костра. Они оттолкнулись от берега, и быстрина понесла их, развертывая баркас боком. Дядя Максим солидно кашлянул, старательно вытер руки и завел мотор.

Баркас понесся в потемки. Инженер молча стоял на носу баркаса. Плащ его хлестал по борту. Инженер держал в руках кепку, смотрел вперед. Надежда подошла к инженеру сзади. Она хотела что-то сказать, сказать то, что трудно выговорить, но что необходимо, может, было ему сейчас, приехавшему сюда и ожидающему эту там незнакомую ей Олю. А когда баркас несло мимо пристани и там мелькнули фонарь и одинокая черная фигура под фонарем,— должно быть, дежурного,— она не вытерпела, тихо тряхнула инженера за полу плаща, сказала неровным голосом не то, что хотела сказать:

— Вы куда... сейчас?..

Он повернулся к ней:

— На пристань.

— Ждать? — ахнула она.— Ведь вы приехали с пароходом и уже ждали ее?

— Вы знаете,— ответил он тихо, решительно,— мне не хочется говорить сейчас... о ней.

— И ее не было тогда на пристани, да?—негромко спросила Надежда.

Инженер не ответил, отвернулся и посмотрел в ту сторону, где шипел буксирик, где шла разгрузка.

— Давно возят лес? — с интересом спросил он.

— А может, она... Ведь, знаете, паром ведь сейчас не ходит, а лодочника трудно найти ночью...— настойчиво продолжала Надежда.— Может, запоздала она...

Дядя Максим подошел.

— На пристань, значит? — и, понимающе опустив глаза, вздохнул.

— Да, я... подожду.

Они прощались на берегу, и инженер долго тряс всем руки и улыбался успокаивающе.

— Какой человек! — сказал с чувством дядя Максим, когда высокая фигура инженера двинулась вверх по берегу, к пристани.

Надежда вздохнула. Семен в темноте обнял ее и поцеловал в шею.

— Надюшка моя! Характер!..

Когда они отталкивали лодку от берега, то увидели, что инженер с чемоданом в руке вышел на бугор и направился к дебаркадеру. Фигура, стоящая под фонарем, вдруг бросилась ему навстречу и глухо вскрикнула:

— Виктор?!.

Они не услышали, что она ему сказала, но увидели, как инженер, выронив чемодан, тоже бросился к ней навстречу.

— Ой, она!..— вскрикнула Надежда.

Дядя Максим ухмыльнулся и, не говоря ни слова, включил мотор — фонарь на пристани стал удаляться, во мраке пропадали у перил пристани две темные фигуры, плотно стоящие рядом... А в потемках, совсем недалеко от баркаса, смутно чернея, шлепал лопастями паром, совершенно пустой, возвращаясь к противоположному берегу, и было слышно, как кто-то сердито кашлял.

— Никифорыч! — с любопытством окликнул дядя Максим, приглушив мотор.— Ты ли? Чего ночью-то?

— А, неладное! Спать не дали,— ответил заспанный голос паромщика.— И чего людям ночью-то?.. Ладно бы днем. А то вези... Ей-бо, дня не хватает, что ли, для жизни-то?.. Беспокойный народ пошел. Нету тебе спанья — и все!

— Ладно бормотать-то, состаришься! — весело, бесшабашно и помолодому закричал дядя Максим.— И ночью жизнь идет! А ты думал, как? То-то!..

И уже не услышал за ревом мотора ответа паромщика.

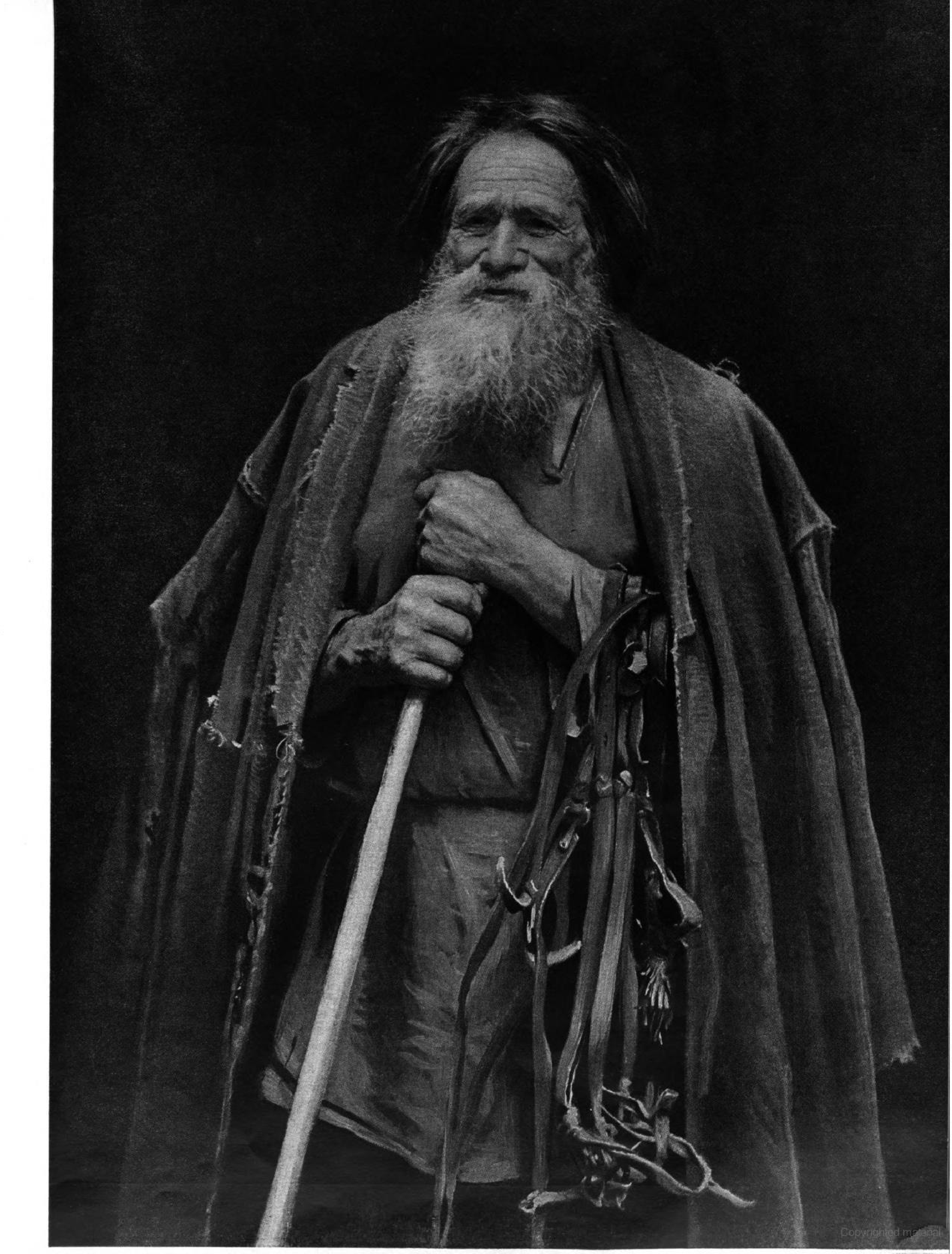
Семен и Надежда укладывали для спуска сеть. Оба смеялись чему-то.

Где-то за островом взревел гудок буксирного парохода, тянущего нагруженные баржи к огоньку. И потом над рекой понеслось:

— Э-эй на барже!.. Сгружа-ай!

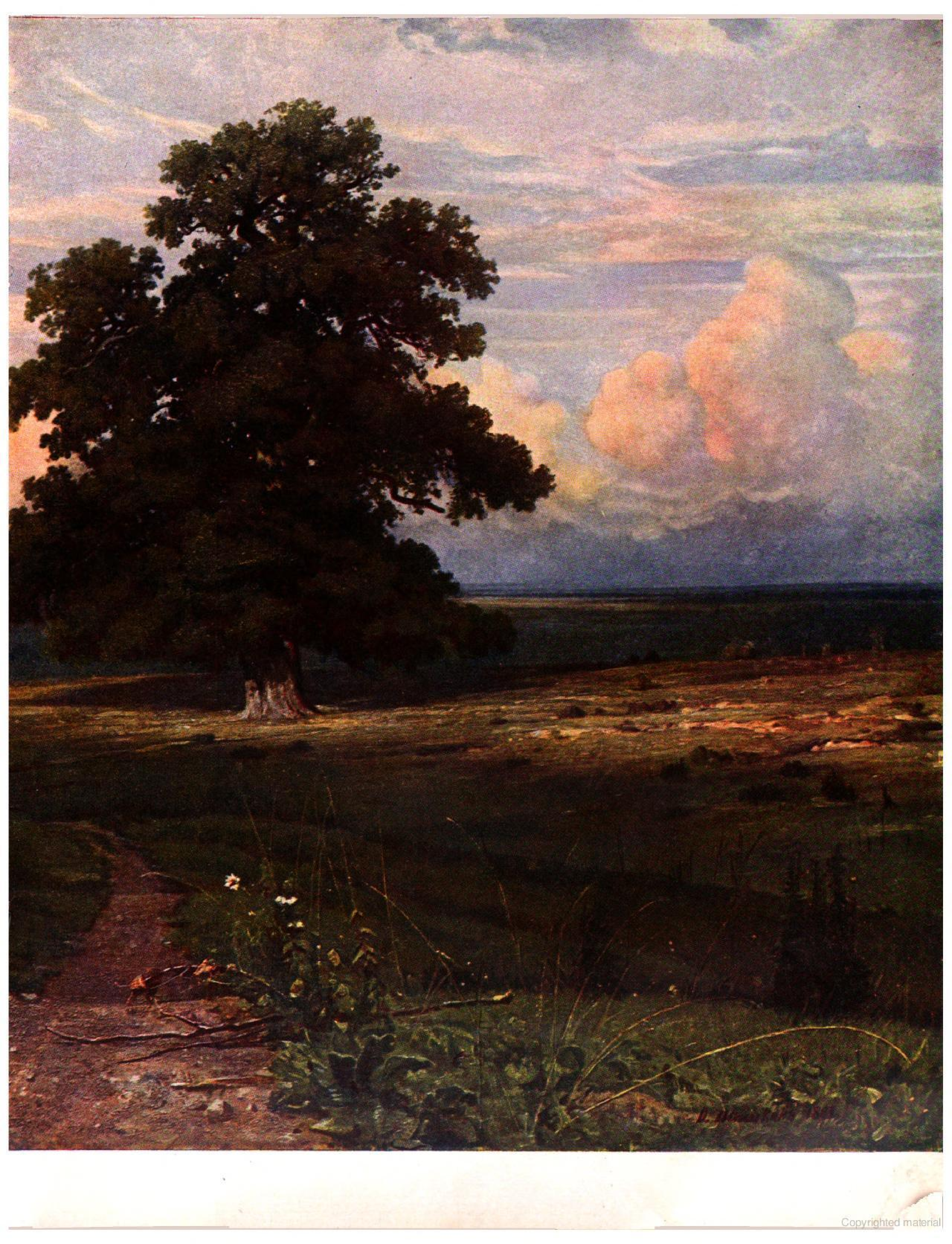
Брезжил рассвет.

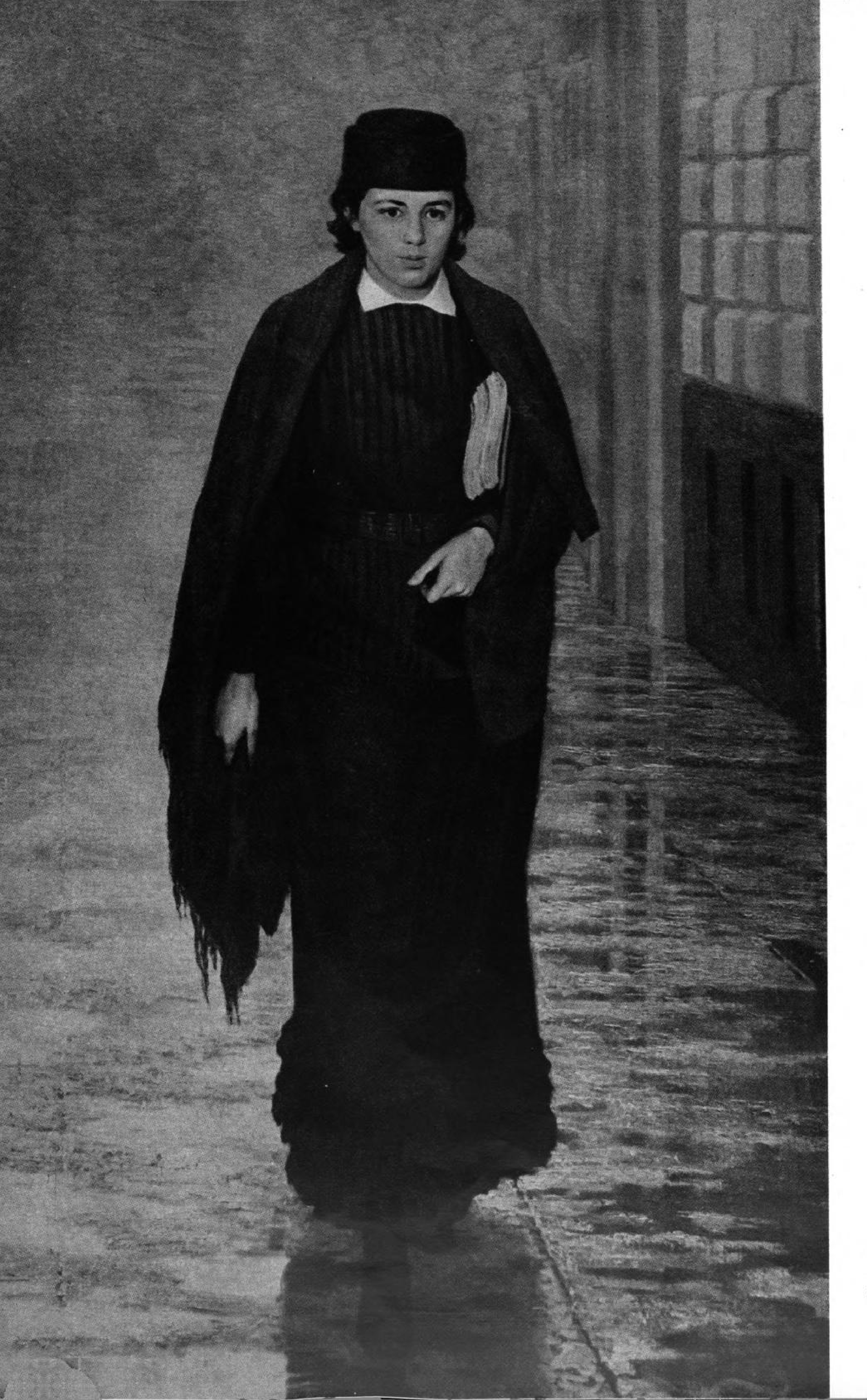
И. Н. Крамской. *КРЕСТЬЯНИН С УЗДЕЧКОЙ.*
Государственный музей русского искусства. Киев.

И. И. Шишкин.
СРЕДИ ДОЛИНЫ РОВНЫЯ...
Государственный музей русского искусства. Киев.

Н. А. Ярошенко.
КУРСИСТКА.
Государственный музей русского искусства. Киев.

Письма читателей «Огонька»

На родине изобретателя радио

Урал...

Всякий, кто побывал на Урале, навсегда сохранит память об этом замечательном крае и уж обязательно захватит с собой малахитовую шкатулку или чудесную миниатюрную пирамидку из уральских минералов.

Неутомимые геологи, «рудознатцы» нашей страны, изучают Урал и даже там, где, казалось, все уже изведано, изучено, делают новые открытия.

Богат Урал, но бережно хранит он свои сокровища. Многие протягивали к ним руки, но «богатыревы рукавицы» и «дозор-сороки» русского народа, о которых вдохновенно говорит в своих сказах П. П. Бажов, не давали хищникам растаскивать ценности Урала. Только советскому народу в эпоху Ленина — Сталина открылись понастоящему несметные богатства края.

...Там, где недавно шумела нетронутая тайга, хаживали волки да медведи, теперь высятся копры шахт и заводские трубы, раскинулся новый город—Североуральск, а несколько южнее находится его родной брат, город Краснотурьинск. Первый добывает бокситы, второй превращает их в алюминий.

Одновременно родились на севере Свердловской области эти два новых советских города. В прошлом году отметили они свое первое пятилетие. В торжестве не был забыт и их «отец» — старинный горняцкий поселок Турьинские рудники, начало истории которого относится к 1760 году.

В этом поселке, отдельные рудники которого существуют уже почти 200 лет, в 1859 году родился Александр Степанович Попов, открывший новую эру в развитии техники.

На одном из домов Краснотурьинска установлена мемориальная доска с надписью: «В этом доме проводил свои детские годы с 1859—1867 гг. уроженец нашего города великий русский ученый Александр Степанович Попов — изобретатель радио».

Краснотурьинцы свято хранят память о своем замечательном земляке и патриоте Родины. Его имечем названы улицы и площадь города, клубы, школы. Его имя носит и центральный радиоузел, размещенный в здании, где не раз бывал А. С. Попов.

Турьинцы много сделали для преобразования родного края. В годы своего детства А. С. Попов мог видеть на берегу речки Турьи лишь глухие заросли, непроходимую таежную глушь. Теперь на этом месте раскинулся социалистический город. На речке Турье сооружено водохранилище — «Краснотурьинское море», где весело проводят свой отдых жители города. По широкому простору водохранилища летит звонкая песня, раздается радостный смех. Зеркальная гладь воды отражает стройные здания нового города, красивую набережную, по которой вечерами и в выходные дни любят гулять краснотурьинцы. Далеко разносится музыка, передаваемая по радио из Москвы, и как тут снова и снова благодарно не вспомнить его изобретателя А. С. Попова, родившегося в этом поселке!

В городе и его поселках 8 радиоузлов, которые обслуживают 4 тысячи радиоточек. Только за прошлый год построено 22 километра радиотрансляционных сетей. За последние полтора года количество радиоприемников в квартирах, в красных уголках, в клубах увеличилось более чем в три раза.

В городе сейчас 35 школ, в которых обучается около 10 тысяч детей, есть техникумы, школы ФЗО.

Краснотурьинск растет и непрерывно строится. На площади имени Попова будут воздвигнуты Дом радио и монументальный памятник великому изобретателю. Впереди строительство жилых домов, трамвая, кинотеатра, клубов, продолжение работ по асфальтированию улиц, прокладке новых километров усовершенствованных дорог, тротуаров, открытие парков, спортивных площадок, дальнейшее озеленение города.

Жители города дорожат памятью и других своих знаменитых земляков. Здесь родился сталинский сокол Анатолий Серов, чье имя носит сейчас город Надеждинск, находящийся рядом с нами; здесь учился ныне покойный президент Академии наук СССР А. П. Карпинский,— его именем назван Богословск, расположенный в 12 километрах от нашего города.

Краснотурьинцы активно участвуют в социалистическом соревновании за досрочное выполнение послевоенной сталинской пятилетки. Около 10 тысяч передовиков производства показывают образцы социалистического отношения к труду. В городе широко известны имена стахановцев Макарычева, Конькова, Колесникова, Полякова, Сорокина, Таланкина, Сологуба, Крикуна и многих других передовиков производства.

Трудящиеся Краснотурьинска в 1949 году досрочно выполнили план жилищного строительства, перевыполнили план по выпуску продукции, завоевав во второй половине года первенство в соревновании городов Свердловской области.

С энтузиазмом трудятся краснотурьинцы и в этом году. Их усилия направлены на то, чтобы выполнить обязательства, данные трудящимися Свердловской области товарищу Сталину, и вновь занять первое место в соревновании городов области.

И. ЖУРУХИН,
секретарь горкома ВКП(б).
г. Краснотурьинск
Свердловской области.

«Мягкое золото»

В семи километрах от города Минусинска расположено старинное сибирское село Малая Минуса. Колхозники здешней сельхозартели «Спартак» заслуженно гордятся богатыми урожаями зерна, тысячными стадами овец, прибыльным свиноводством.

За селом раскинулся колхозный фруктовый сад, а близ сада, в березняке, огороженном высоким забором, находится колхозная звероводческая ферма. В шестидесяти клетках-вольерах здесь сейчас помещаются 158 самок, самцов и щенят серебристо-черных лисиц.

Пятнадцатый год на колхозной звероводческой ферме работает Григорий Михайлович Павлюченко. В 1936 году он привез из зверосовхоза 10 серебристо-черных лисиц и побывал на курсах в зверосовхозе близ Красноярска; с тех пор он и руководит пушным делом в колхозе.

Много труда пришлось положить Павлюченко, чтобы овладеть техникой ухода за зверями, изучить нравы своих питомцев, сохранять и выращивать приплод. В 1941 году удалось получить от каждой взрослой лисы по 5 щенков.

С первых дней войны Г. М. Павлюченко ушел защищать Родину. Все годы войны его заменяла на ферме жена Антонина Степановна. Когда после ранения в 1945 году Григорий Михайлович возвратился домой, на колхозной зверoферме насчитывалось уже 74 серебристо-черных лисицы и щенка.

С каждым годом растет приплод на колхозной звероферме. Только за последние пять лет от сдачи государству шкур серебристо-черных лисиц колхоз получил около 400 тысяч рублей. Немало доходов получает колхоз и от продажи лисиц зверофермам соседних колхозов.

— Вот уж, поистине, «мягкое золото»! — говорят колхозники.

Окот серебристо-черной лисицы проходит в конце марта и в начале апреля. В это время в Сибири еще бывают большие морозы. Но как заботится о своих питомцах колхозный зверовод! Павлюченко задает маткам лучший корм: мясной фарш с кашей, рыбий жир, свежую морковь, костную муку, а щенят подкармливает коровьим молоком.

— Посмотрите,— говорит тов. Павлюченко, показывая на вольер, где бегает белоснежный зверек.— Это платиновая лисица. Ее шкурка ценится в два раза дороже, чем шкурка серебристо-черной. Приобрели мы нынче пару платиновых для разведения. Вот приезжайте к нам в ноябре, полюбуйтесь, каким серебром будут отливать шкурки лисиц!

В 1949 году Григорий Михайлович Павлюченко и его жена Антонина Степановна получили на трудодни 576 пудов пшеницы и более 12 тысяч рублей деньгами. Недавно колхозный зверовод приобрел себе дом, мотоцикл. Дом Павлюченко — полная чаша.

Звероферма колхоза «Спартак» — не исключение в Минусинском районе. Больших успехов в развитии пушного звероводства добились колхозы «Ударник», «12 лет Октября» и другие. В районе насчитывается сейчас двадцать две колхозных зверофермы. Только в минувшем году колхозы района получили от звероводства свыше миллиона рублей дохода. Вот оно, «мягкое золото»!

И нынешней осенью страна получит от колхозов района не только золотую минусинскую пшеницу, но и многие сотни чудесных серебристых лисьих шкурок.

И. ТУРОВ,
ответственный редактор газеты «Власть труда».
г. Минусинск,
Красноярского края.

Зверовод Г. М. Павлюченко и районный зоотехник тов. Патлина за осмотром платиновой лисицы.

Колорадский жук

Профессор Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ

Вся советская общественность, все передовое человечество с чувством глубокого возмущения узнали о том, что американские самолеты сбрасывают на поля Германской демократической республики и Чехословакии колорадских жуков — опасных врагов картофеля.

Что же представляет собой это насекомое, избранное американскими империалистами для небывалой в истории преступной диверсии?

Мне лично довелось увидеть колорадского жука не только в Западной Европе, но и на его родине, в штате Колорадо (США), от которого он получил свое название.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

В начале прошлого века территория Соединенных Штатов Америки простиралась от Атлантического побережья на запад только до реки Миссисипи. Дальше раскинулись необъятные прерии Французской Луизианы, где паслись стада бизонов и антилоп, тянулись пустыни с причудливыми громадными кактусами.

Преодолевая бескрайние равнины, нередко вступая в стычки с индейцами, коренными жителями Америки, которым принадлежали захватываемые европейцами земли, переселенцы двигались все дальше на запад, к Скалистым горам, поднимавшимся в знойном мареве над горизонтом.

Сюда в 1823 году попал мистер Томас Сэй, большой любитель природы и коллекционер насекомых.

Он бродил по склонам гор, покрытых неведомой растительностью, собирая удивительных жуков и бабочек. На колючих кустиках с цветами, похожими на картофельные, и с колючими, как репьи, ягодами Сэй заметил ползающих соломенно-желтых блестящих жуков, размером немного больше сантиметра, с десятью черными полосками на спинке. Они грызли листья колючей травы.

Вернувшись с богатой добычей, Сэй описал новое насекомое, назвав его «листоед десятиполосый». Растения, на которых жили жуки, оказались диким пасленом. Он относится к тому же семейству, что и картофель, помидоры, баклажаны, перец, табак и ряд сорных растений — белена, белладонна и другие.

Конечно, в те времена никому в голову не приходила мысль, что полосатый жучок станет грозным врагом сельского хозяйства. Он скромно сидел на булавках в коллекциях музеев, и только.

После первой находки жуков мистером Сэйем прошло четверть века. Потоки переселенцев устремились в прерии. Они сеяли кукурузу, пшеницу, овощи и сажали картофель. Картофель наконец достиг и склонов Скалистых гор, где на диких пасленах размножался листоед.

Жуки очень подвижны и свободно пролетают несколько километров. И вот с колючих пасленов они опустились на культурный вид паслёнового растения — картофель. Специфический запах его листьев безошибочно подсказал им, что это пища.

Питаются эти жуки преимущественно растениями, которые содержат алкалоид соланин, и превосходно улавливают его запах. Картофельное поле как бы притянуло к себе листоеда с колючих сорняков, и новое, мягкое и сочное растение пришлось ему по вкусу.

Самки впервые отложили на листья картофеля кучки своих яиц — и от этой первой искорки вскоре разгорелось бурное пламя на всех картофельных полях США и Южной Канады.

БЕЗУСПЕШНАЯ БОРЬБА

Фермеры не знали, откуда на картофельные поля налетает какой-то жук и быстро объедает ботву. Образ его жизни был неведом. Борьба с ним сводилась только к сбору вручную, но, несмотря на это, полосатых врагов и их красноватых личинок становилось даже как будто больше, особенно осенью.

Жуки широким фронтом продвигались на восток, оставляя позади оголенные огороды, кишевшие насекомыми и их личинками. Вначале они делали в среднем 80 километров в год. Затем картофельные поля стали обширнее, и жуки удвоили скорость движения к океану. За 16 лет они заняли всю страну и Южную Канаду.

Жители называли их «пришельцами из прерий», а потом «колорадскими жуками», поскольку из этого штата они хлынули на восток.

Мог ли предполагать Сэй, собирая полосатых листоедов, что открытый им жук через 50 лет превратится в бич сельского хозяйства?! В наши дни уже более 6 миллионов квадратных километров американской территории захвачено этим вредителем, и тысячи фермеров лишаются из-за него картофеля.

Колорадский жук, его личинка и отложенные самкой яички на картофельной ботве.

Разрекламированная американская техника была и остается бессильной перед картофельными жуками и их личинками. Коренные противоречия в капиталистической системе США не позволяют развернуть планомерную борьбу с бедствием. Только крупные землевладельцы могут расходовать средства на уничтожение колорадского жука, а средние и мелкие фермеры разоряются, становятся нищими.

Надо отметить, что опыливание или опрыскивание зараженных земельных площадей ядовитыми веществами по 3—4 раза, а в некоторых случаях даже по 5 раз в сезон не дает желаемых результатов. Американские фермеры, по самым скромным подсчетам, ежегодно теряют не меньше трех миллионов тонн картофеля.

Жук облагодетельствовал тресты, выпускающие малоэффективные химические средства. Они не могут пожаловаться на прожорливое насекомое, которое гарантирует им миллионы долларов прибыли.

Полосатый жучок оказался сильнее американской техники. Приведу один факт. Мне пришлось побывать в Вашингтоне, на Центральной научно-исследовательской опытной станции министерства земледелия. В живописном пригороде на картофельных делянках, где изучаются приемы возделывания этой культуры, я сам сотнями собирал колорадских жуков.

Они как бы говорили: «Мы пришли в научный центр самого министерства земледелия, мы безнаказанно срываем важные опыты в самой столице. И что может сделать с нами американская наука и техника? Ничего! Мы сильнее!»

Да, там жуки сильнее земледельца, которому не под силу победить жука, полновластного хозяина даже в центре сельскохозяйственной науки Америки.

Если бы заправилы агрессивной политики США — магнаты Уолл-стрита и покорные их воле правители Белого дома — вместо миллиардных затрат на атомные бомбы и борьбу с прогрессивными, демократическими силами Америки и всего мира употребили сотую часть этих средств против злейшего врага тружеников земледелия — колорадского жука,— его снова увидели бы только на булавках в витринах музеев, как и сто лет назад.

Зараженные колорадским жуком просторы Америки — это обвинительный приговор капиталистическому строю.

ПЛОДОВИТОСТЬ И ПРОЖОРЛИВОСТЬ ЖУКА

Зиму жуки проводят в земле. С осени, при похолодании, они зарываются на глубину до 70 сантиметров и замирают до весны.

На поверхность они выбираются весной, когда температура воздуха поднимается до 15 градусов тепла, и жадно пьют капельки росы. С едой жуки могут подождать месяц—два. Опыт показывает, что они остаются живы без пищи в течение года. Чувство голода и тонкое обоняние приводят жуков к пасленовым растениям.

Плодовитость самки очень велика. В теплую погоду при хорошем питании она может отложить до 2½ тысяч яиц, кучками от 30 до 150 штук. Из блестящих желтых яичек через несколько дней, в зависимости от температуры, вылупляются личинки. Их жизнь длится 2—3 недели.

Каждая личинка за это время съедает около грамма пищи, то есть почти 40 квадратных сантиметров листа. Затем она спускается с куста и зарывается в землю, где превращается в куколку. Из куколок дней через десять на поверхность выходят прожорливые жуки.

Летом они продолжают размножаться и дают второе, а в более жарком климате третье и даже частично четвертое поколение. Именно высокая плодовитость и быстрота развития — конечно, при подходящей погоде, обилии корма и отсутствии систематической, напряженной борьбы с ним — делают колорадского жука грозным бичом картофелеводства.

Проверим это простейшими арифметическими подсчетами, приняв во внимание, что сам жук съедает в 5 раз больше, чем его личинка. Возьмем уменьшенную в 5 раз плодовитость, то есть 500 яичек. Сколько корма потребуется потомству одной пары в одно лето?

Первому поколению: 500 личинкам — 500 граммов листа, а 500 жукам (в 5 раз больше, чем личинкам) — 2500 граммов. Второму поколению: 125 000 личинок (считая, что половина жуков были самками) — 125 000 граммов; 125 000 жуков съедят 625 000 граммов. Третьему поколению: 33 500 000 личинок потребуется 33 500 000 граммов листа.

Допустим, что эти личинки не успеют превратиться в жуков и погибнут осенью,— иначе говоря, — третье поколение не завершит своего развития. И в таком случае, чтобы прокормить 30-миллионное полчище насекомых, потребовалось бы свыше 30 тысяч килограммов пищи. Ее могут дать около 100 тысяч кустов, то есть 2,5 гектара картофельного поля. И это все для потомства одной только пары колорадского жука в течение одного года!

Конечно, это теоретические подсчеты. В природе так не бывает. Значительное число жуков и их личинок гибнет в первые дни существования. Их истребляют многие животные, поедают жабы и хищные жуки, ими питаются птицы. Божьи коровки и их личинки охотно кормятся яичками колорадского жука.

Однако все это не может его подавить.

Стойкость вредителя заключается еще и в другом: некоторые экземпляры могут прожить 2—3 года. Уйдя в землю на зимовку, они вылезают на поверхность не в первую, а во вторую весну. Можно истребить всех жуков и их личинки на поле, а на глубине около 70 сантиметров скроется резерв, который вновь заразит посадки картофеля.

Очень много жуков улетает в поисках зимних убежищ в сады, плодовые питомники и зарывается во взрыхленную землю. Если жуки попадут в воду, река унесет их за десятки километров, и они доберутся до берега: дни, проведенные в воде, не вызовут их гибели.

КОЛОРАДСКИЙ ЖУК В ЕВРОПЕ

Невзирая на все свои летные и плавательные «качества», колорадский жук, конечно, не смог бы самостоятельно перебраться через океан в Западную Европу. Ему «помогли» американцы, которые завезли жука во Францию в годы первой мировой войны.

Точная дата прибытия в порт Бордо жуков неизвестна. Но самый факт завоза их именно во Францию и именно американцами бесспорен.

Попав после долгого морского пути на землю, проголодавшиеся жуки добрались до картофельных полей. Их влекло туда тонкое обоняние, улавливающее запахи пасленовых растений. Сначала они не обращали на себя внимания земледельцев: жуков не знали, и они беспрепятственно расползлись по окрестным огородам.

В 1922 году американского вредителя впервые заметили на французских полях. Один крестьянин обнаружил, что ботва на его картофельном поле заметно поредела, чего раньше никогда не бывало. Осматривая кусты, у которых сверху остались только объеденные стебли, он заметил виновников повреждений — желтоватых жуков с черными полосками на спинке.

Крестьянин послал собранных насекомых в агрономическую организацию Жиронды. Там сразу же, к великому ужасу, узнали американского жука и сообщили о находке в Париж. Только через 10 дней оттуда прибыл специальный отряд, который обследовал ряд департаментов. Оказалось, что жук расселился на площади свыше 250 квадратных километров. Начали проводить химическую борьбу, но уже было поздно.

Первичная искорка разгорелась сотнями очагов, — словом, американский жук благодаря преступной небрежности, если не сознательному вредительству американцев, успел прочно обосноваться во Франции. Он широким веером растекся по всей стране и за ее пределы — в Голландию, Бельгию, Швейцарию и Испанию.

Колорадский жук ежегодно отнимает у французского народа 3—4 миллиона тонн картофеля. Таков был «дар» американцев.

После второй мировой войны колорадский жук — опять-таки вместе с американцами — появился в западных зонах Германии.

Германская демократическая республика напрягает все силы, чтобы восстановить свое народное хозяйство. Мы хорошо знаем: там, где хозяином является народ, это восстановление идет очень быстро. И для того, чтобы погубить ожидающийся богатый урожай картофеля и подорвать экономическое развитие республики, американские варвары сбросили на территорию Восточной Германии полчища колорадского жука.

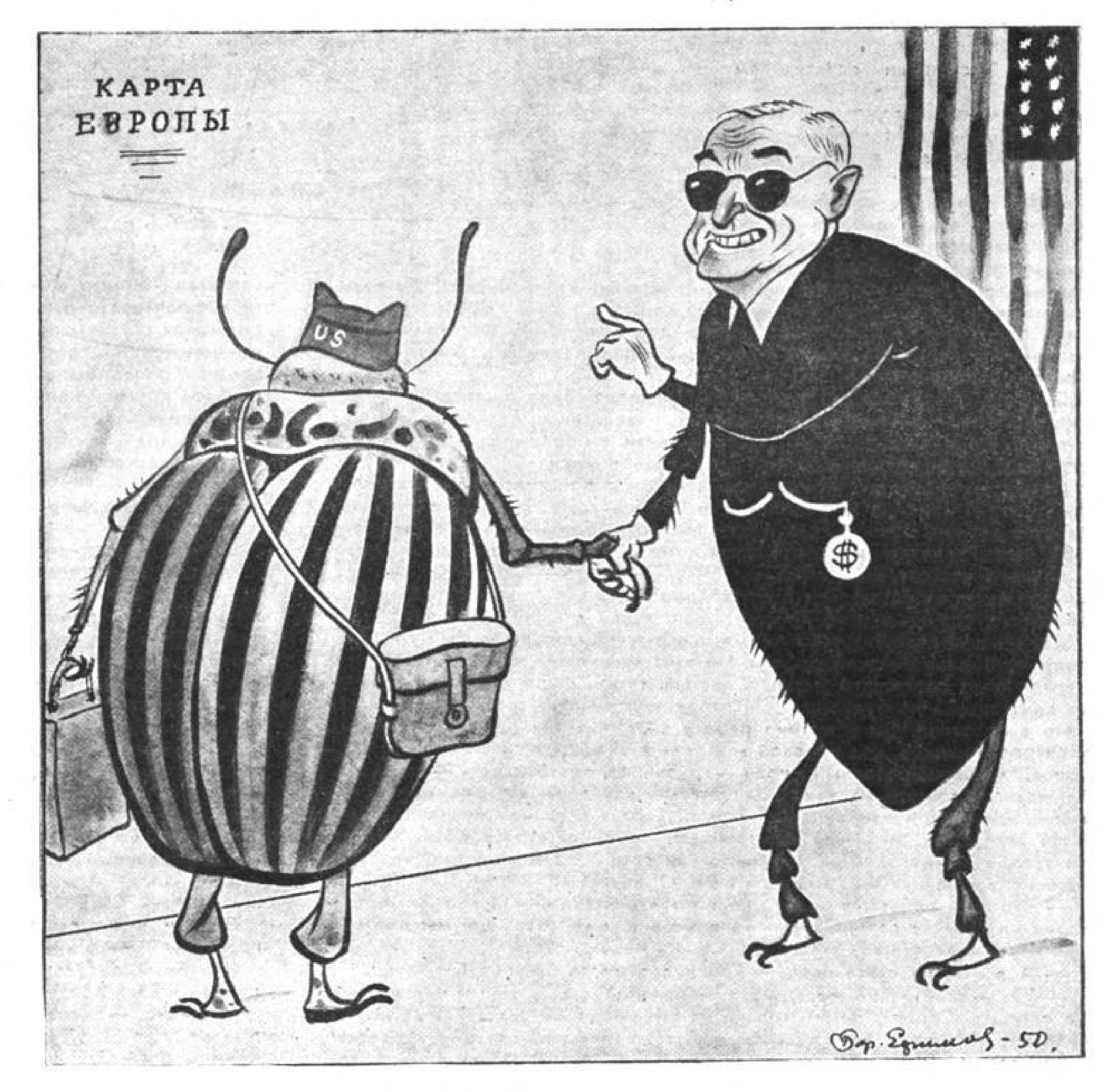
ГРОЗИТ ЛИ НАМ КОЛОРАДСКИЙ ЖУК!

В пределах Советского Союза колорадского жука не было и нет. Но опасность его проникновения к нам реальна и велика.

К охране нашего картофелеводства привлечен весь советский народ. Картофель — культура, которую окучивают не менее двух раз в лето. Значит, обследовать фактически можно каждый кустик. На полях и на своем индивидуальном огороде каждый, кто работает, должен внимательно осматривать кусты, особенно если заметит, что верхние листы объедены. Все найденное, все подозрительное надо немедленно умертвить хотя бы кипятком и доставить в земельный отдел.

В Советской стране делается все, чтобы охранить мирный труд народа. В свое время благодаря энергичным мерам удалось уничтожить такого вредителя, как озимая совка, врага крестьянских огородов до революции. А в США я видел, как опустошают поля северо-западных штатов «стригущие черви». Только социалистическому государству под силу ликвидировать любого вредителя сельского хозяйства — капитализм этого сделать не мог и не может.

Задание из Белого дома

Жуки — колорадский и вашингтонский.

Рисунок Бор. Ефимова

КОНЦЕРТ

Рассказ

Лев СЛАВИН

Рисунки П. Голубь.

1

Работа подходила к концу.

В последний раз вспыхнули сказочные голубые зарева электросварки.

Коля Косовицын снял шлем и оглянулся.

У сварочных автоматов еще работали. Коля пошел туда, громыхая по стальным плитам, разложенным на полу для сварки. Его небольшая фигурка даже в мешковатом комбинезоне выглядела ловкой.

О Коле Косовицыне говорили только хорошее, но всегда в уменьшительных степенях: «крепенький», «умненький», «ладненький». Действительно, все было в нем невелико, но скроено чисто. Глазки живо ходили под тонкими бровками. Подбородок маленький, но отлично вылепленный. Глядя на Колю, думалось: «Малый хватает, быть может, недалеко, но сильно...»

Он остановился возле Вениамина Орликова. Веня тщательно вымеривал расстояние от стыка двух листов до рельсиков, по которым ходит автомат. Добившись строгой параллельности, он присыпал будущий шов флюсом, желтовато-серым, как древесные опилки.

Потом он включил ток. Маленький автомат покатился по рельсикам. Он доходил Вене до щиколотки. Это было похоже на игрушечную железную дорогу. Веня следовал за аппаратом, большой и могущественный, как Гулливер в стране лилипутов. С электрода, как чернила с вечного пера, стекал огонь.

Коля смотрел на автомат с жадностью. Он даже сделал глотательное движение, словно у него действительно текли слюнки.

Да, он завидовал! Не потому, что его труд «ручника» был грязней. Коля не боялся никакой работы. Но этот маленький чудесный аппарат, изобретение советского ученого, чистый, тихий, почти разумный, казался пришедшим из будущего. Он отодвинул ручную сварку куда-то далеко в прошлое. Он убыстрил работу вчетверо. Он развенчал ручных электросварщиков, как паровой молот — кузнецов, экскаватор — землекопов, механизированный кран — грузчиков, автомобиль — ямщиков. Он казался гонцом из века коммунизма, как леса, выращенные в пустыне, как сила, извлеченная из атома. Да, тут есть чему позавидовать!

Но автоматов, или, как их прозвали рабочие, «тракторов», покуда на заводе немного. И не кто иной, как сам Коля Косовицын, настоял, чтобы один из них был передан Вене Орликову.

— Что же, ребята, я сам горюю по «трактору»,— заявил он месяц назад на летучке сварщиков,— но я же вижу: на автоматы мы должны бросить наших лучших стахановцев.

— А я что, не стахановец? — крикнул с места Сережа Сучилкин.

— Ты? — язвительно сощурился Коля.— Ты стахановец тире лентяй. Не сердись, Сергей, ты же только на штурмовщине вылазишь, к концу квартала. Как это у тебя там называется? «Дни высокой цикличности»? Обыкновенная штурмовщина. А Венька — во как работает! У меня, товарищи, нет милых. А что, разве я сам не управился бы с «трактором»? В механизме его я все чисто понял. Потому что для меня техника всякая доходчива. Тем более, я человек терпения. Но, прямо сказать, разве меня можно приравнять к Веньке? Он сварщик ровный, ученый, лютый. Одним словом, профессор своего дела. Извините, больше говорить нечего. Слова не клеятся.

— Да что ты, Коля! — крикнул Веня, вскочив со стула.— Как раз на автомате может работать каждый. Даже ученик. Недели две подучишься...

Коле это сравнение с учеником показалось неуместным.

После летучки отношения между тремя друзьями охладились. Сережа Сучилкин из цеха ушел. Говорили о нем, что и вечерний техникум он бросил, увлекся с обычной для него горячностью чем-то другим. Его только и видать было на собраниях, где он щеголял своим бойким красноречием. Веня Орликов по вечерам исчезал: у него подошли зачеты в музыкальном училище. В общем эта тройка, когда-то неразливанная, постепенно разбрелась по разным путям. Все трое жалели об этом. И колино предложение провести сегодняшний вечер вместе было встречено с радостью.

Веня кончил работу и собрал инструмент. Коля нагнулся и уважительно пощупал шов, покрывшийся шлаковой коркой, свежепропеченной, выпуклой, цвета дубовой коры.

— Доломит, верно, кладете в шихту? — сказал он тоном знатока.

Теперь он понимал, что прав-то был Веня: работать с «трактором» не в пример проще.

Веня вытирал концами свои длинные сильные пальцы.

— И доломит,— сказал он,— и графит, и кварц, и марганец... Так ты освободился на сегодня?

— А как же,— сказал Коля радостно,— с мастером я утрес...

— Не утрес, а утряс,— поправил его Веня.— А где Сергей?

— Будет ждать нас возле Дворца культуры. Заграничный музыкальный фильм. Я вчера смотрел...

Коля замолчал, увядая под пристальным взглядом Орликова.

— Я же знал, что у нас ни черта не выйдет! — с досадой сказал Веня.— Я лично пойду в Консерваторию.

— Музыка? — вежливо и кисло осведомился Коля.

У себя в 10-м классе вечерней школы Коля сейчас шел первым по химии, физике и математике. На уроках литературы ему было скучновато. Музыка, как и стихи, казалась ему несущественной, каким-то баловством, к которому иногда почему-то привержены и умные люди, например, Веня.

Гораздо больше расположения было у Коли к кино, которое он помещал в одном ряду с пивом, футболом и прочими развлечениями мужчины в свободные от работы часы.

— Эх ты, кремень-мужичок! — сказал Орликов с сожалением.

— Да брось ты! — торопливо заговорил Коля.— В чем дело? Давай рванем на концерт. Не знаю, как Сергей. В общем столкуемся... Там, между прочим, в фильме тоже музыка, одна певица так дает жизни!

2

К Дворцу культуры вела широкая аллея. Коля Косовицын шагал между липами. Он приоделся. Веня и Сережа были городские ребята, москвичи. Коля приехал из деревни, правда, уже порядочно времени, но летний отпуск проводил в колхозе, обычно во время уборки, и оттуда, из родной Ольшанки, он вывез свой идеал щегольства. Черные в полоску брюки были заправлены в русские сапоги и франтовато пузырились над приспущенными голенищами. Тесный пиджачок с узким перехватом в талии плотно обтягивал торс. Большой мясистый узел галстука лежал на груди основательно, как висячий замок. Голова была пострижена наголо, только впереди из-под маленькой круглой кепки, сделанной на заказ у кустаря, спускался на лоб роскошный чуб.

Когда Коля приходил в гости к Вене, отец венин, старый вальцовщик листопрокатного цеха, оглядывал Колю и говорил с притворно восхищенным видом:

— Ц-ц-ц! До чего шикарный, спасу нет!

Коля краснел, но не сдавался.

Сейчас он шел по благоухающей аллее, бойко стуча каблучками по асфальту. Он с удовольствием посматривал на цветущие липы, а иные, не умеряя шага, похлопывал по шершавым стволам с белыми подтеками извести. Многие деревья были посажены им лично: нынешней весной Коля включился в бригаду по озеленению района. И сейчас во взгляде его светилась хозяйская гордость: «Черт побери, а здорово мы переделали наши улицы!»

Ему казалось, что улицы переменились только в самое последнее время, когда были высажены липы и проложена линия троллейбуса. Коля был так юн, что память его простиралась не далее чем до середины второй пятилетки. Он не застал ни деревянных хибарок, ни вечно разбитой булыжной мостовой, ни огромного пустыря со зловонной свалкой. Все это он видел только на старых фотографиях в читальне Дворца культуры и ощущал их как седую древность, как безработицу, как неравенство людей. Он знал, что эти беды сохранились в зарубежных странах, и жалел людей, живших в дикости капиталистического мира.

Дворец культуры выходил фасадом на небольшую полукруглую площадь.

Нарядный дизельный автобус сделал крутой вираж, отчихнулся солyаркой и стал против Дворца. Из автобуса вышел Веня.

— Давно? — сказал он, подойдя к Коле.— А Сергей, конечно, опаздывает...

Но Сергей Сучилкин был здесь. Он стоял, прислонившись спиной к постаменту громедного уловителя, высасывавшего из воздуха фабричную копоть.

Как всегда, Сережу обступила кучка ребят, и он им что-то увлеченно рассказывал. Это был высокий красивый юноша, одетый с тем особым шиком, который выражается в нарочитой небрежности костюма. Ворот шелковой рубахи распахнут, пиджак просторный, чуть мятый, брюки ниспадают на башмаки широкими мягкими складками. Голова непокрытая, светлые волосы красивой копной поминутно валятся на лоб, что давало Сереже повод эффектным жестом отбрасывать их назад.

Увидев друзей, он быстро пошел к ним навстречу.

Они поздоровались немного смущенно, оттого что отвыкли друг от друга.

Сучилкин, самый бойкий из троих, оправился первый.

— Обсуждали с ребятами участие комсомольцев в конкурсе на рационализаторские предложения,— горячо заговорил он.— Есть у нас, понимаешь, такое явление: предложений до черта, а с внедрением отстаем. Так я что предлагаю: провести собрания по цехам и выявить, где мы технически отстаем. И сигнализировать наверх.

Говоря, он повелительно и даже гневно вперял в собеседника свои круглые глаза с крупными, как у птиц, веками.

— Собрания собраниями,— сказал Веня,— а лучше всего сделать, как мы сделали у нас в цехе. Мы составили список по агрегатам и по процессам, где в первую голову нужна рационализация. И так по списку и идем. А если бросаться от одного к другому, как попало, ни черта, Сергей, не выйдет. Знаешь, есть такие ребята: надкусил и бросил...

— Ты к чему это? — беспокойно спросил Сергей.

Пока они говорили, Коля тихонько и, как ему казалось, незаметно для Вени и Сережи вел их ко Дворцу.

Однако, оказавшись у самых дверей, Веня остановился.

— Ну чего ты модничаешь, Венька? Пошли в кино,— сказал Коля.

— Да знаю я эту картину,— сказал Орликов с досадой.— Сентиментальная чепуха...

— Целиком и полностью поддерживаю тебя, Вениамин! — пылко воскликнул Сережа.— Я вынесу вопрос на правление Дворца культуры, чтобы нам не присылали подобной дряни. А тебе, Николай, я прямо удивляюсь!

Веня одобрительно хмыкнул. Нет, нельзя отрицать, Сережка — парень с головой. Вот если бы только он, говоря, не посматривал на окружающих так победоносно: дескать, примечаете, ребята, какие умные мысли я высказываю и до чего толково...

3

Коля торжествовал. Он добился своего: друзья шли вместе, как когда-то, неразливанной тройкой. Но и Веня добился своего: они шли в Консерваторию.

Им наскучило трястись в такси, поминутно останавливаясь у светофоров. Вечер был славный, ясный. У Кривоколенного переулка они расплатились с шофером и пошли пешком.

— А здорово красиво! — сказал Веня.

Коля добросовестно уставился перед собой. Ох, эти вечные венькины причуды! Дома как дома. Направо — обыкновенные новые здания. Налево — обыкновенное метро. Из-за крыш выглядывает верхушка обыкновенной высотной стройки. Коля покосился на кафетерий, который уже зажег свою синюю неоновую вывеску на углу Черкасского переулка. Вывеска так гостеприимно подмигивала...

Солнце закатывалось где-то за Минским шоссе. Продольные улицы налились золотой пылью. Стекла в домах превратились в пылающие щиты. Посреди асфальта цвела большая круглая клумба. Вокруг нее лакированной каруселью скользили машины. Больше всего Веня любил смотреть вниз, в зеленую котловину Охотного ряда, где таким ладным, плечистым молодцом возвышался дом Совета Министров.

— Вот это, вправду, красота! — воскликнул Коля, когда друзья спустились в долину площади Свердлова.— Я и не знал, что тут целых два фонтана. С каких пор?

«Только заметил»,— хотел было сказать Орликов, мрачно покосившись на без умолку говорившего Сучилкина, да удержался, чтобы не обидеть его.

— У меня по четыре, по пять заседаний в день,— говорил Сережа.— Вас, между прочим, ребята, я там почти не вижу, никуда не годится такая практика. Да вы не обижайтесь, я по-товарищески бичую. Конечно, не надо сползать в заседательскую суетню...

«Лихо говорит! — думал Коля, смотря на Сережу с чисто спортивным интересом.— Язык у него ходит, как на шарикоподшипниках».

— Ты лучше расскажи,— не выдержал наконец Веня,— как ты развалил кружок политучебы.

— Я?

Сережа опешил. Но только на одну секунду. Он картинно откинул прядь волос, и слова опять быстро, вольно и ловко принялись выкатываться из его большого красивого рта:

— Ты допускаешь ошибку в отношении меня, Вениамин. Конечно, с моей стороны были допущены организационные ошибки на почве стеснения инициативы ребят. Но в дальнейшем мне удалось...

...Покойное широкое здание Консерватории величественно стояло в глубине двора. Со всех сторон стекалась публика. Друзья поднялись по нарядной лестнице и вошли в зал.

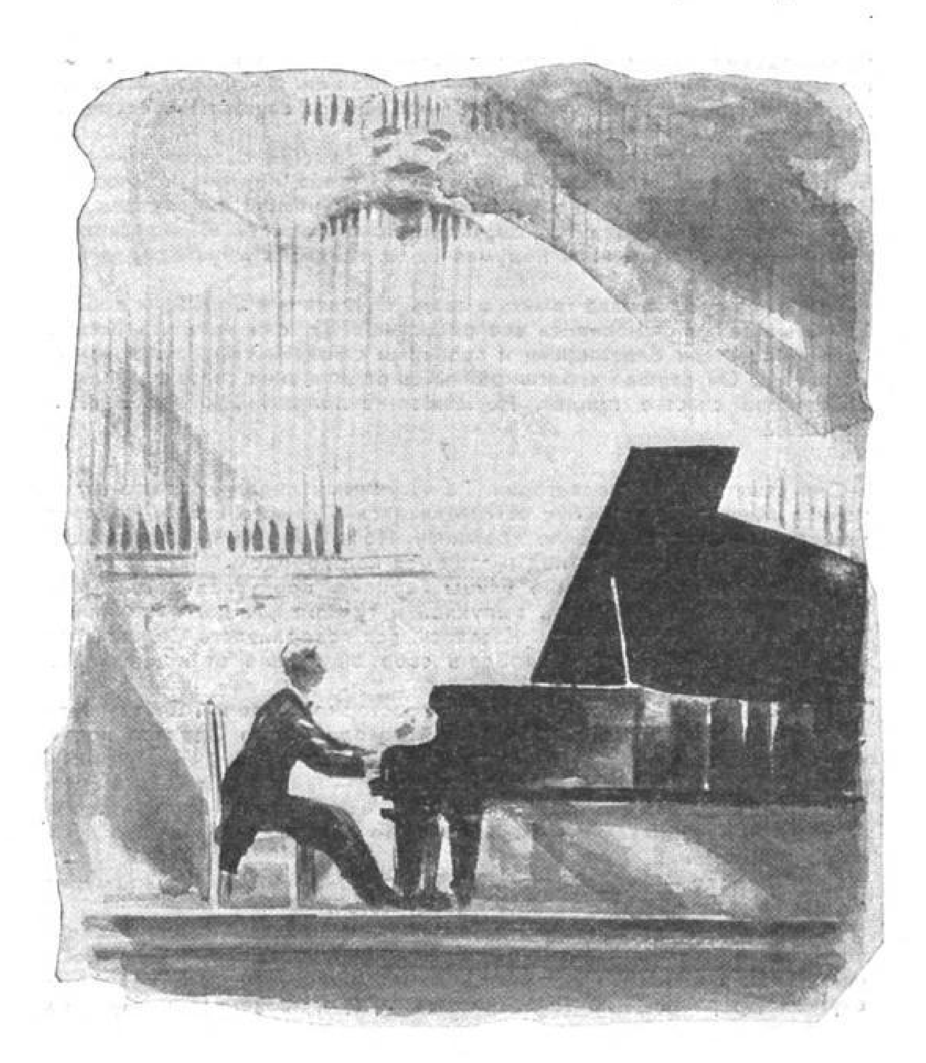
Веня глубоко вздохнул. В нем подымалось знакомое торжественное и радостное чувство.

4

Коля вслушивался в музыку со свойственной ему добросовестностью. Но звуки, которые пианист извлекал из рояля, казались ему лишенными значения. Они не складывались в мелодию. Как ни тужился Коля, он слышал только разрозненные звучания.

С досадой вгляделся он в пианиста, высокого белокурого юношу. Казалось, тот шарит руками по клавишам как попало, не заботясь о том, чтобы людям было приятно.

Коля зевнул и испуганно оглянулся. Он все-таки понимал, что не зря такое множество людей собралось в этом зале. Они все что-то слышат, и что-то очень важное, судя по их сосредоточенному вниманию.

Коля сделал над собой усилие и снова стал вслушиваться. Нет! Звуки попрежнему ничего не выражали. Если бы их можно было связать в какую-то систему! В этом, вероятно, весь секрет. Но они не связывались. Каждый существовал отдельно. Коля чувствовал скуку и утомление. От нечего делать он занялся наблюдениями.

Эстрада показалась ему похожей на внутренность гигантского яйца. Рояль понравился: он был отлакирован на славу, как новенький «ЗИС-110». Он был широко открыт — распахнутое окно из мира звуков. В стороне стоял другой рояль, закрытый. Один работает, другой спит. Как солдат на войне, он привык спать в шуме.

Позади — огромный орган. Он похож на вокзальный буфет. Некоторые из его гигантских дудок помяты. Коля усмехнулся. И, чтобы скрыть это, притворно закашлял. На него зашикали, сердито оглядываясь. Коля сделал строгое лицо, подражая соседям.

Вдруг стало тихо. Коля поднял руки, собираясь из вежливости похлопать пианисту. Но тут на эстраду вышел человек с черной бабочкой под подбородком и сказал жестяным голосом:

— Часть третья — менуэт.

Коля весь напрягся. На этот раз ему удалось уловить в музыке последовательность. Он обрадовался. Звучало что-то бальное и милое. Словно танцевала пара, юноша и девушка, и они были влюблены друг в друга. Но потом все опять распалось. И сколько Коля ни собирал звуки, они сыпались из распахнутого рояля, как из лопнувшего мешка.

Он оглядел публику. Все поглощены музыкой. Впереди сидел молодой майор в щегольском кителе. Он уставился на эстраду с таким волнением, словно оттуда ему рассказывают что-то необыкновенно существенное для его жизни. Рядом женщина поднесла к глазам платок. Коля с досадой отвернулся. Он не мог отделаться от мысли, что эти переживания притворны, что люди прикидываются друг перед другом для того, чтобы подчеркнуть тонкость своей натуры.

«Форсят»,— подумал Коля с раздражением и откинулся на спинку кресла. Глаза его уставились на потолок. Он с удивлением обнаружил, что потолок простеган, как тюфяк. Он стал размышлять, для чего это сделано. Глаза его слипались. Тюфячный потолок располагал ко сну. Коля таращил глаза, щипал себя, тряс ногой. Но чувствовал, что в промежутках между этими усилиями он все глубже погружается в сон...

В это время грянули аплодисменты.

Человек с черной бабочкой вышел к краю эстрады и металлически прошелестел:

— Антракт!

5

Они гуляли в фойе. Коля сказал:

— Ребята, видите эту женщину?

Проходила немолодая женщина с гладко зачесанными волосами и в белом воротничке. Рядом — девочка, вероятно, ее дочь: то же выражение доброты и задумчивости, такой же высокий чистый лоб.

Сережа живо сказал:

— Знаешь, кто это?

— Нет, да не в том дело. Она сидит недалеко от нас, и я видел, как во время концерта она вытирала слезы. Вот чудачка!

— Что ж тут такого? — холодно сказал Веня.— От хорошей музыки вполне можно взволноваться.

— От музыки? — Коля засмеялся.— Брось, Венька! Ты меня разыгрываешь.

— Да вы знаете, ребята, кто она? — таинственно шепнул Сережа.

Но они его не слушали.

— Ну хорошо, допустим! — горячился Коля.— Зачем тогда ходить на музыку, если она расстраивает?

— Да не расстраивает она! — с досадой сказал Веня.— Плачешь не потому, что она расстраивает. Бывают слезы восторга. Это трудно объяснить. Плачешь потому, что восхищен.

— Это товарищ Своеземцева. Я с ней знаком. Она, знаете, кто? — Сережа значительно произнес: — Инструктор цека союза!

И, тщательно нацелившись, Сережа поклонился женщине, красиво тряхнув волосами. Своеземцева удивленно посмотрела на него, но ответила.

Сережа повернулся к Коле и сказал строго:

— Ты неправ, Николай. У тебя наблюдается определенная недооценка музыки. Роль искусства в деле развития...

Он продолжал говорить, плавно поводя рукой, но друзья его не слушали. Да и сам он говорил без увлечения. Когда им не восхищались, он увядал. К тому же другое сейчас занимало его. Он любил антракты. Пестрое мельканье толпы, множество лиц, гул разговоров, обмен взглядами, неожиданные мимолетные встречи — весь этот беспорядочный парад публики приятно возбуждал Сережу. Конечно, он возмутился бы, если бы кто-нибудь обвинил его в том, что больше, чем действие, он любит всякий перерыв в действии, заполненный шумным, показным и бестолковым снованьем по жизни.

После третьего звонка они вернулись в зал. Коля уселся на свое место, неприметно вздохнув. Еще не поздно, во Дворце культуры скоро начнется лекция о последних достижениях в телевидении, потом танцы... Но ничего не поделаешь. Придется во имя дружбы терпеть до конца.

Пианист энергичными шагами пересек эстраду и сел за рояль, взмахнув фрачными фалдами, очень похожими на ласточкин хвост. Человек с черной бабочкой провозгласил жестяным голосом: «Торжественная увертюра»! — повернулся и тоже энергичными шагами пошел прочь. Коля заинтересованно посмотрел ему вслед. Его занимало: неужели вся работа этого рослого малого состоит в том, чтобы пять или шесть раз в течение вечера выкрикнуть несколько коротких фраз? Коля причислил это к несообразностям странного мира музыки. А вот и другая

несообразность: почему некоторые композиторы, изображенные на стенах зала, имеют такой неартистический вид? Сонные толстяки, с неряшливыми бородами и в мятых костюмах, словно опухшие от послеобеденного валяния на диване. Мысли текли, лениво цепляясь друг за друга. Почему в театрах, в зрительном зале, темно, а в концертах — светло? Почему...

И вдруг эта беспорядочная вязь мыслей резко оборвалась. Коля услышал музыку. Всю, целиком, а не отдельные звуки.

И даже не услышал, а увидел. Как это странно! Перед ним словно возникла лестница, величественная, дворцовая. На нее брошен ковер, вытканный длинными светлыми звуками. А вдоль ступеней стоят трубачи и дуют в золотые фанфары, из которых вылетают цветы, вздуваясь пестро и округло, как парашюты.

«Почему я все вижу? — Коля даже испугался.— Наверно, это только я так. Наверно, я неправильно слушаю. Наверно, другие слышат совсем другое...»

Он снова вслушался. Но понимание музыки вдруг пропало. Он уже ничего не видел. Опять отдельные звуки. Он яростно подстегивал внимание. Ага! Вот, вот! Оказывается, сначала это похоже на чтение по складам, а потом вдруг, как и в книге, видимые знаки отступают и ослепительно вспыхивает смысл... Да, это — нечто парадное, праздничное, официальное!..

Но сквозь эту внешнюю пышность начал постепенно и все настойчивей пробиваться другой голос, не такой нарядный, но хватающий за душу своей чистотой. Музыка как будто раздвоилась, боролись две стихии, и к этой борьбе невозможно было остаться равнодушным.

И по мере того как второй голос, извлекаемый пианистом, казалось, из самых глубин инструмента, становился все явственней, у Коли отчетливо складывалось одно видение его детства: березка, которую он както видел в роще подле родной деревни. Это было стройное, славное деревце. Его опутывал от корней до верхушки вьющийся паразит. Своими яркими ремневидными стеблями и мясистыми преувеличенно желтыми цветами паразит совсем закрывал скромную березку, так что можно было подумать, что он-то и есть в этой паре самое главное.

Коля покосился на Сережу Сучилкина. Тот сидел, значительно склонив голову и храня на своем крупном красивом лице важную сосредоточенность. Почувствовав колин взгляд, он повел на него бровью. Коля быстро отвернулся, даже покраснел, словно его уличили в том, что он подсматривает в замочную скважину.

Тут музыка кончилась. Пианист снял с клавишей руки и положил их себе на колени с таким видом, будто руки были не частью его тела, а посторонними, но послушными и умными существами. В зале зааплодировали.

Коля повернулся к Вене Орликову. Он хотел рассказать, что ему открылось в музыке. Но он не мог определить словами эту новую бурю ощущений. Да и времени не было. Человек с черной бабочкой уже шел по эстраде. Коля успел только шепнуть, кивнув в сторону пианиста:

— Профессор своего дела!

На его языке это было высшей похвалой.

Веня удивленно посмотрел на Колю. Потом, видимо, поняв, что он чувствует, ласково кивнул головой.

Коля прослушал, что объявил человек с черной бабочкой. Он посмотрел в программу. Там было написано: «Девятая симфония».

6

Коля поудобней устроил в кресле свое маленькое тело и приготовился слушать с приятным сознанием того, что он уже понимает музыку. «Быстро, однако, я ее освоил», — подумал он не без самодовольства. Он благожелательно оглядывал зрителей, ощущая себя равноправным членом этого высококультурного коллектива.

Пианист поднял руки, помедлил мгновение, потом они стремглав понеслись по клавиатуре.

Коля беспокойно заерзал. Он опять ровно ничего не понимал. Снова хаотическое смешение звуков. Все счастливые приобретения, которые Коля сделал в предыдущем отделении, куда-то провалились. Он снова отщепенец среди людей.

Понимание опять пришло внезапно. Снова кто-то вынул затычки из колиных ушей — и туда хлынул удивительный мир.

Музыка была многослойной. На заднем плане гудело что-то мощное и неиссякаемое, как природа. Коля понял: это народная сила. Она стояла, как стена. То были глубокие, бездонные, низкие звуки, и все остальное происходило на их фоне. А поближе звучали ясные человеческие голоса и слышались взрывы — Коля воспринимал это как взрывы народных страстей. Все вместе складывалось в знакомый и дивный образ революции. Коля явственно слышал шаги — такой гигантской поступью мог шагать только народ.

В богатстве звуков он различал линейную глубину, как на чертеже, исполненном в перспективе. Да, там пересекалось много планов. По музыке можно было странствовать, как по просекам леса: удаляться, достигать опушки, склоняться над цветком и уединенно созерцать его, а потом все бросать и бежать вместе со всеми сквозь шумящее хвойное воинство напролом к свету, брезжущему вдали, — он воспринимался как счастье. Оно близко, оно достижимо, оно сейчас придет!

Сзади зашептались. Кто-то говорил о работе левой руки пианиста, о том, что в каких-то тактах он допустил ускорение темпа. Коля прислушался: это напоминало разговоры в цеху. Но шепот мешал слушать. Он недовольно оглянулся. Две девушки, видимо, студентки Консерватории, виновато замолчали.

Теперь Коле пришлось опять долго сосредоточиваться, пока он не вернул себе понимание музыки. Это понимание было перемежающимся. Когда он находил ключ, музыка сразу прояснялась.

Иногда ему слышалась словно тонкая, прекрасная речь. Иногда виделись мятущиеся облака. Деревья гнулись под ветром. И шли толпы, шли и пели. А в стороне кто-то страдал, отставший, может быть, раненый.

И все это казалось Коле неизбежным — иначе не скажешь. Он даже предугадывал дальнейшее течение звуков. Это его изумляло. «Может быть, я прирожденный музыкант?» — подумал он. Он повернулся в жажде поделиться этим открытием с Веней. Но тот слушал так сосредоточенно, что Коля не захотел отвлекать его.

Да, музыка выражала колины мысли и чувства с такой точностью, будто он сам сочинил ее. Он поискал на стене портрет композитора. Вот он! На Колю глянуло изрытое оспой трагическое лицо, глаза, которым глухота сообщила почти безумную пристальность. «Профессор своего дела!» — с уважением подумал Коля, глядя на мучительную маску гения.

А музыка продолжала томить и звать. Она звала к борьбе, к победам. Ее литые звуки становились все радостней. Да, они казались Коле отлитыми из стали блестящими и звонкими слитками, выколоченными из изложниц. Он слушал с расширенными от волнения глазами, зная, что обещанное счастье придет. Не может не придти! Да, вот оно! Как хорошо!..

7

Они вышли из Консерватории. За чугунными лирами ограды шумела ночная Москва. Троллейбус останавливался у самого входа. Но друзья решили сделать небольшую проминку. Ночь была теплая, луна блекла в электрическом зареве, подымавшемся над городом.

Они постояли на обочине улицы Герцена, пропуская поток машин, стремившийся по мостовой, выпуклой и гулкой, как дека скрипки.

Коля без умолку говорил. Казалось, вся говорливость Сережи перешла к нему. Он пытался передать свое ощущение от концерта. Это было трудно.

Но Веня понимал его. Высокий, в просторной зеленой блузе из рубчатого бархата, крупной размашистой походкой шел Орликов посреди друзей, держа их под руки, и довольно улыбался. Он был рад, что музыка дошла до Коли. Как всегда, не сразу — так было у Коли и со сварочным автоматом. Но в конце концов этот маленький цепкий паренек непременно ухватывал суть, и она прочно входила в состав его душевных приобретений.

Другое дело — Сергей, тут посложнее. Веня озабоченно нахмурился и бессознательно зашагал еще размашистей.

«Сережка мельчает,— думал Веня под немолчный колин говор,— а ведь какая светлая голова была! Все новое сразу увлекает его. Но ненадолго. Он быстро остывает. Оттого и жизнь у него рваная, лоскутная. Прерванный на половине техминимум, неоконченные курсы ма-

Из армянского цикла

Вл. ЛУГОВСКОЙ

1. ПОГРАНИЧНИКИ

Армения.
Звезда над Араратом.
Аракс. Граница.
Сумрак. Тишина.
И вечер пахнет
персиковым садом.
В глубоком мире
древняя страна.
Смежает мягкий сон
детей ресницы.
В колхозах
зажигаются огни.
И мы стоим
на страже,
на границе,
Чтоб разгорались,
множились они.
Огни работ
пылают в Ереване.
В Ленинакане
девушки поют.
В глухой ночи
и в самой ранней рани
Мы охраняем
их веселый труд.
Каналы, фабрики,
земли богатство,
И в золотистом свете
города,—
Мы всё храним,
и крепнет наше братство
С Арменией
на вечные года.
Мы здесь стоим,
покуда будет длиться
В кромешном старом мире
лязг и вой,
Покуда
в день торжественный
с границы
Не будет снят
последний часовой.
Звезда вечерняя
над самым Араратом.
Уснули дети,
и летают сны.
Будь стражем мира
и прощупай взглядом
След, камень, ветвь
на рубежах страны.
Течет Аракс.
Гудит комар проклятый,
Назойливый,
как голос Би-би-си...
Они урок забыли
в сорок пятом.
Будь стражем мира —
автомат носи!

2. АРАРАТ

До самых сине-золотых высот
Встает весна,
встречаясь с юным летом.
И Арарат
над Турцией плывет,
Льды и снега
горят зеленым светом.
И кажется, он приплывет сюда
Издалека
огромным светлым телом.
Течет Аракс.
Чуть шелестит вода,
Ночная птица
с юга пролетела.
Ночь острая, как лезвие ножа.
Над пышным миром
лунные просторы,
И, автоматы на весу держа,
Уходят в ночь
безмолвные дозоры.
Темна, темна
чужая сторона...
Костер далекий.
Дым печально розов.
И в эту даль
глядит моя страна
Бесчисленными лампами колхозов.
Дозор уходит в синий, синий свет
И расплывается,
невидим и неслышим,
И только ветерок ему во след
По-над Араксом
тростники колышет.
Здесь осторожен, сдержан
каждый шаг.
Твой тихий шаг
и мрак —
два кровных брата.
Такая тишина,
что звон стоит в ушах,
И свет луны
рябит
на складках маскхалата.
Овчарка тянет узкий поводок,
Большие острые поднявши уши.
Чтоб сон людей был ясен и глубок,
Ты на границе
слушай,
слушай,
слушай!
И кажется
сквозь лунной ночи звон,
Что в тишине
замрут
Аракса воды
И Арарат шагнет,
как белый слон,
Стремясь в отчизну,
к своему народу.

3. НА ГРАНИЦЕ

Ветер, ветер хлещет в рамы,
Снег и ливень пополам.
Однозвучный и упрямый
Шум по склонам и полям.

Беспокойная мигает
Лампа на простом столе,
Огоньком отодвигает
Струи тусклые во мгле.

Склоны гор печально серы,
И луны невидим взгляд.
Пожилые офицеры
О границах говорят.

О Приморье, Закавказье,
О полярных островах,
О пустынях Средней Азии,
О болотах и лесах.

Случаи перебирая,
Крепкий попивают чай.
За окошком ночь сырая,
Чуть шумит Караханчай.

Тихо стукают приклады,
Пар поднялся от земли,
И полночные наряды
В дождь мятущийся ушли.

Это все весна балует,
Горных рубежей весна:
То снежит напропалую,
То вздохнет теплом она.

На границе постовые.
Впереди ни огонька...
Пальцы Трумэна кривые
Тянутся издалека.

Этой ночью все возможно.
Неизвестна дней судьба.
Пограничный столб
тревожный —
Две страны и два герба.

И на нашем солнце всходит,
Вся земля озарена.
А у них печально бродит
Кривобокая луна.

Бьют часы на Спасской башне.
Шумный ливень, темнота.
Провожает день вчерашний
Пограничная черта.

Ну, а завтра солнце встанет,
Наше солнце — сто лучей —
И ходить по небу станет,
Все светлей и горячей.

Репродуктор на заставе
Гимн Союза запоет.
Выйдет Родина, блистая,
В кипень утренних работ.

Родина, людей отрада,
Солнце мира, цвет земли!..
Пограничные наряды
В дождь мятущийся ушли.

стеров, брошенный первый курс техникума... Дело дрянь! А сам-то, небось, уверен, что делает что-то важное. Всюду мелькает, везде выступает... Вечно занятый лентяй! Не зря на него уже косятся и в редколлегии и в комитете. Как только Сергей это учует, он прыгнет куда-нибудь в другое место... Парень может выродиться в пошлого карьериста... И как это мы проморгали в нем! Нет, надо вытягивать Сережу. И в первую голову вернуть его на учебу. Придется ему попыхтеть, он ведь здорово отстал. Поможем!..»

Они шли по Моховой. В воздухе запахло паленым. Здесь асфальтировали мостовую. В ночной прохладе звонко раздавались веселые голоса рабочих. Невдалеке шумели деревья Александровского сада. Сквозь зеленый разлив глядели двурогие зубцы старой кремлевской стены. Высоко в небе горела иллюминованная стрела строящегося высотного здания.

Тяжелый каток уминал дымящийся гудрон, медлительно двигая огромными маслянистыми валами. На катке за штурвалом сидела девушка. И хотя она была в грубой брезентовой робе и лицо ее в копоти,— во всей ее наружности, в посадке головы, во взгляде было что-то такое свободное, изящное, гордое, что Коля, глядя на нее, даже засмеялся от удовольствия.

— Сколько на свете прекрасных вещей! — вскричал он.— Возьми, например, сегодняшний концерт. Здорово это было, правда, Сергей, а?

— Я еще не осмыслил,— неохотно отозвался Сучилкин.

Орликов взглянул на него. Сережа отвернулся. Он боялся, что Венька с его чертовской проницательностью сразу разгадает, что с ним происходит. Сережу томило глухое недовольство собой. Это уже не первый раз за последнее время. До сих пор он избавлялся от подобных мыслей тем, что прогонял их. Но сейчас — оттого ли, что он провел вечер со старыми и хорошо его знавшими друзьями, а может быть, то было действие музыки,— но недовольство своей жизнью, похожее на тупую, непроходящую боль, не исчезало.

Коля обеспокоенно смотрел на Сережу. Он не понимал его необычной молчаливости. «Обижен он, что ли? На кого и за что?»

Он посмотрел вопросительно на Веню. Тот улыбнулся хитро и понимающе. А сам думал, дружелюбно поглядывая на Сергея: «Ничего, ничего, пусть помучается, завтра возьмем его в работу...»

Коля не отрывал глаз от Вени: как и в той девушке на катке, было в Орликове что-то вольное, большое, щедрое, сильное.

— Кем же ты все-таки будешь, Венька,— сказал он, любуясь своим другом,— инженером или музыкантом?

— Не знаю,— сказал Веня мечтательно.

Он поднял руки, широко развел их, расправил легкие. Казалось, он обнимал Москву, страну, мир.

— Не знаю...— повторил он.— Кем захочу, тем и буду. Всем буду.

Ги де Мопассан

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Французский писатель Ги де Мопассан (1850—1893) — замечательный мастер новеллы. Лучшие его произведения по заслугам ценят и любят в Советском Союзе. Последний представитель французского критического реализма XIX века, Мопассан с едкой насмешкой и негодованием разоблачал убожество и низменность буржуазной культуры.

«Мы живем, — писал он, — в буржуазном обществе. Оно ужасающе посредственно и трусливо. Никогда, может быть, взгляды не были более ограниченны и менее гуманны».

После несчастливой для Франции войны с Пруссией в 1870—1871 гг. и после гибели Парижской Коммуны, в 80-х годах укрепился строй французской Третьей республики. Стоявшая у власти буржуазная реакционная клика преступно предавала интересы Франции и народных масс ради обогащения кучки банкиров и биржевиков. Торжество реакции усилило вражду Мопассана к буржуазному строю.

Мопассану посчастливилось учиться литературному мастерству у двух крупных писателей своего времени — у Г. Флобера и у И. С. Тургенева. Влиянию Тургенева Мопассан обязан своим гуманизмом и знакомством с русской литературой. Именно благородным воздействием русской литературы, в частности влиянием Льва Толстого и самого Тургенева, объясняется стремление Мопассана, обличая социальные язвы собственнического строя, изобразить ту, как он писал, «беспощадную, страшную и святую правду, которую не знают или делают вид, что не знают, люди, живущие на земле».

Тургеневу французский писатель во многом обязан и своим искусством короткого рассказа.

В 1880 году Мопассан напечатал повесть «Пышка», сразу же принесшую ему большой успех. Участник франко-прусской войны, писатель-патриот высказал здесь резкую и смелую правду о войне и об отношении к ней французского общества. Он показал, что собственнические и эксплуататорские классы Франции были втайне равнодушны к бедствиям родины и думали только о своих корыстных интересах. Одна лишь народная Франция была полна патриотической самоотверженности.

В повести «На воде» Мопассан выразил свое резко отрицательное отношение к войне, губительной для созидательного человеческого труда, для достижений человеческой культуры. Обществу, заявил он, следовало бы поднимать восстание против правительств, навязывающих ему войну.

«Почему бы, — писал Мопассан, — не судить правительства за каждое объявление войны? Если бы народы поняли это, если бы они сами расправлялись с кровожадными властями, если бы они перестали позволять убивать себя без всяких причин, если бы они воспользовались оружием, чтобы обратить его против тех, кто им дал его для истребления других людей, — в этот день война умерла бы... Но этот день никогда не придет».

В этих своих словах замечательный художник-гуманист как бы предвидел то, за что сейчас в наши дни борются миллионы передовых людей, ставящих свои подписи под Стокгольмским Воззванием.

Ги де Мопассан.

По-иному Мопассан относился к войнам оборонительным. Участие в таких войнах он считал «священным долгом» патриота. В своих «военных» рассказах он обрисовал простых людей Франции, мужественно и самоотверженно боровшихся против прусских захватчиков («Отец Милон», «Дуэль», «Тетка Соваж», «Пленные», «Два приятеля», «Мадмуазель Фифи» и др.).

В последующих за «Пышкой» сборниках рассказов Мопассан высмеивал уродливость буржуа, жадно и всеми неправдами жаждущих богатства, готовых для этого на любую низость и даже на преступление, спокойно продающих свою супружескую честь, отвратительно скупых, завистливых и бездарных. Иронией и насмешкой боролся Мопассан против лицемерия буржуазной морали, стремясь, подобно Рабле, оправдать человека на земле таким, каким его создала природа. Но в этой борьбе Мопассан нередко сбивался на эротику.

Первые сборники рассказов Мопассана неизменно очаровывали современников своей жизнерадостностью, задором и тем заразительным смехом, который давно уже не звучал во Франции. Мопассан в начале своего литературного пути, безусловно, был самым веселым французским писателем XIX века.

Но это была только одна сторона его таланта. В других своих произведениях он выказал себя художником, полным лиризма, редкой нежности, проникновенной грусти. Он писал о трагедиях маленьких людей, забитых и несчастных чиновников, о горькой судьбе внебрачных детей, о муках одиночества.

В 1883 году Мопассан издал роман «Жизнь», заслуживший высокую оценку со стороны Тургенева и Льва Толстого. Он рассказал здесь о том, как старинную дворянскую культуру вытесняет низкая, торгашеская, буржуазная культура.

Правящие верхи Третьей республики являлись в глазах Мопассана воплощением духовного ничтожества, низменной корысти, умственной вульгарности. Вести вперед страну, заботиться о национальном величии они были неспособны. В обстановке всеобщей продажности, свойственной капиталистическому строю, они торговали и собою, и интересами народа, и родиной.

В книге «Под солнцем» (1884) Мопассан разоблачил насилия и преступления французской колониальной администрации в Алжире, а в социальном романе-памфлете «Милый друг» (1885) рассказал о том, как делается политическая карьера при Третьей республике и что представляют собою люди, приходящие к власти и собирающиеся править Францией.

Жорж Дюруа, главное действующее лицо романа, делает карьеру, эксплуатируя женщин и печатая в буржуазных газетах трескучие шовинистические статьи. Грубый, хитрый и жадный, он грабит собственную жену, принимает деньги от своей любовницы, жены банкира, и, наконец, женится на дочери банкира, предварительно скомпрометировав ее. Он становится «сильным» человеком и на последней странице романа уже мечтает быть депутатом. Он станет и министром: много ли надо, чтобы быть министром Третьей республики, вроде изображенного в романе министра иностранных дел Ларош-Матьё?

В интересах группы банкиров-биржевиков Ларош-Матьё тайно, без ведома Палаты депутатов, затеял танжерскую экспедицию, развязал империалистскую войну для захвата Марокко. Этот эпизод романа Мопассан построил на действительных фактах. В начале 80-х годов Третья республика, обманывая общественное мнение, вела войну для захвата Туниса и Тонкина. Захватнические походы и обман народа правящими кругами Третьей республики продолжаются и ныне — с тою лишь разницей, что теперешние министры служат не только французским банкирам, но и чужеземному американскому империализму. Ему они продают всю Францию, по его указке ведут войну во Вьетнаме.

Мопассан много писал о народе. С правдивостью реалиста изображал он отрицательные стороны деревенской жизни при капиталистическом строе, темноту и дикость нравов, страшную власть мелкособственнических инстинктов. Первоначально он относился к крестьянам даже с некоторым высокомерием.

К чести Мопассана, он со временем стал видеть в крестьянине не только скупого, черствого и жадного собственника, но и труженика. Он создает такие рассказы, проникнутые теплым отношением к крестьянам, как «Дочка Мартена», «Отец Амабль», «Отец и сын Ото», «Фермер».

Менее противоречивым было отношение Мопассана к тем людям из народа, которые, выйдя из крестьянской среды, ушли к другому труду, где мелкособственническая психология не так тяготела над ними и где поэтому черты народного гуманизма проявились с гораздо большей ясностью и силой. Это рассказы, в которых Мопассан писал о ремесленниках, рабочих, слугах, солдатах, моряках: «Папа Симона», «Буатель», «Плетельщица стульев», «Клошет», «Мадмуазель Кокотка», «Правдивая история», «Сторож», «Александр», «Отцеубийца». Мопассан с любовью говорит здесь об отзывчивости, сердечности, широте взглядов, чувстве чести, преданной и бескорыстной любви, о чертах, присущих в буржуазном мире только труженикам.

Персонажи этих рассказов образуют дорогую для Мопассана категорию «простых и честных людей».

Отрицая капиталистический мир с его корыстью и всеобщей продажностью — мир где преуспевают только Жоржи Дюруа, Мопассан противопоставлял бесчеловечности буржуазного строя народный гуманизм. Понять и оценить это было новым достижением его реализма. Но, стоя вдали от революционной борьбы, Мопассан не видел тех творческих сил, которые были бы способны создать иные, лучшие общественные отношения. И он остался лишь отрицателем буржуазного мира, недоверчивым пессимистом. Социальные противоречия казались ему неразрешимыми. Это чувство безвыходности и определило поворот Мопассана к декадансу. В произведениях последних лет его жизнерадостность угасает, писатель приходит к мистицизму.

Немало было писателей, заблудившихся, подобно ему, в джунглях капиталистического мира, но не каждый был в преобладающей части своего творчества таким могучим и неумолимым разоблачителем буржуазного строя. Французская буржуазная критика знает это и ненавидит Мопассана. Она обвиняет его во всех смертных грехах, главным образом в «безнравственности». Вишийские литературные проститутки в своей наглости пытались даже отрицать страстный патриотизм Мопассана.

Но писателя защищает народная Франция. Критик-коммунист Клод Морган, автор статьи о Мопассане, напечатанной в 1942 году в подпольной газете, называл его «великим писателем, ...одним из самых великих, какие у нас были», «самым волнующим из наших прозаиков». Клод Морган утверждал, что «чистая слава Мопассана... составляет часть наших сокровищ, которые мы намерены защищать и спасти».

Народная Франция не случайно защищает Мопассана. Как в 1870—1871 годах боролась она против прусских захватчиков и их французских пособников, так и ныне борется она против американского империализма и его космополитической пропаганды. Верная лучшим своим традициям, народная Франция в этой борьбе и дальше будет защищать память писателя-патриота Мопассана.

Ю. ДАНИЛИН

КАДРЫ ИЗ ФИЛЬМА «СМЕЛЫЕ ЛЮДИ»

Вася Говорухин — артист С. Гурзо.

Надя Воронова (артистка Т. Чернова) изучает немецкий язык.

Надя Воронова — Т. Чернова, Вася Говорухин — С. Гурзо, Воронов — А. Грибов. Вася привез к Воронову заболевшего жеребенка.

Табун молодняка.

Иоганн Себастьян БАХ

В истории искусства есть исполины, олицетворяющие собой творческий гений целых эпох и народов. Такие люди, даже уходя из жизни, сохраняют величие духа, и последние вспышки их гения бывают ослепительно прекрасны.

И теперь, спустя двести лет, можем ли мы без глубокого внутреннего волнения представить себе изнуренного тяжелой болезнью, ослепшего музыканта, диктующего торжественный хорал «Перед престолом твоим предстаю я ныне»?

Это был последний хорал, продиктованный умирающим Бахом своему зятю — органисту Альтниколю. В этом предсмертном шедевре нет ни тени слабости, нет ни единого вздоха, нет ни жалоб, ни рыданий. Это — последнее слово великого мужа, расстающегося с жизнью. Спокойно, величаво и плавно звучит мелодия хорала, органные голоса слагаются в дивные гармонии. Но и в этом хорале чуткий слух уловит страстное волнение, в котором была прожита вся жизнь замечательного художника, для поверхностного взгляда лишенная блеска, романтической увлекательности.

Вдова французского композитора XVII века Люлли украсила надгробие своего мужа надписью: «Смерть, тебя считают слепой, но, сразив Люлли, ты доказала, что ты еще и глуха».

По всей справедливости эта эпитафия должна быть высечена и на могиле Баха. Но могила величайшего из музыкантов была позабыта и только в 1894 году случайно обнаружена во время ремонтных работ на городской площади в Лейпциге. Что же касается вдовы Баха — Анны-Магдалины, верной и самоотверженной его помощницы,— то ей почтенные господа, заседавшие в Лейпцигском муниципалитете, отказали в пенсии, и она умерла в нищете. Лейпцигские патриции рассчитались с бедной женщиной за непокорность ее мужа, сохранившего свою гордую независимость на протяжении всех 27 лет службы в качестве кантора церкви св. Фомы в Лейпциге.

Наша статья посвящена двухсотлетию со дня смерти Баха, и мы начали с конца жизни великого немецкого композитора. Обратимся к ее началу, но прежде всего заметим: знаменитый немецкий композитор Шуман не без оснований говорил, что Баха надо изучать бесконечно и он становится тем глубже, чем больше в него вслушиваешься.

Со времени Шумана музыкальная наука продвинулась далеко вперед, и многое в творчестве Баха стало яснее, и уж, во всяком случае, в нем не осталось ничего загадочного. Старому и современному русскому музыковедению здесь принадлежат заслуги огромные.

Сто пятнадцать лет назад в повести «Себастьян Бах» В. Одоевский восклицал: «...искусство переряжать лица великих людей в карикатуры, впрочем сохраняя все возможное сходство, еще не исчезло между живописцами,— и вместо Баха вам показывают какого-то брюзгливого старика с насмешливой миною, с большим напудренным париком...»

В. Одоевский, разумеется, не мог предвидеть, что малопочтенное искусство «переряживания» великих людей будет доведено в западноевропейском музыковедении до виртуозности, что, по меткому наблюдению покойного академика Асафьева, появятся Бах романтический и Бах мистический, Бах цеховых педагогов и Бах буржуазных салонов, Бах филистеров-музыковедов, Бах органистов-католиков и Бах органистов-протестантов, что вся бессовестность дипломированных лакеев буржуазии будет мобилизована, чтобы фальсифицировать истинное значение творчества Баха.

Два столетия, отделяющие нас от времени Баха, и густая «тьма предрассуждений», накопившаяся вокруг великого имени, не мешают нам видеть и знать истинного, живого Баха. Перед нами гениальный немецкий композитор, народный по духу и языку его музыки, «плебейский» Бах, потомок тюрингского мужика Фейта Баха, потомок немецких крестьян, расправлявшихся со своими угнетателями — рыцарями и баронами — во времена крестьянских войн с пением лютеровского хорала «Eine feste Burg», того самого, что Энгельс назвал «Марсельезой XVI века».

Этот «плебейский» Бах, в чьей музыке, по превосходному определению Асафьева, «еще господствовали ораторские интонации и риторическая динамика протестантизма», стал предтечей Бетховена, над музыкой которого «уже пронеслось дыхание речей Конвента...»

Как известно, Иоганн Себастьян Бах происходил из старинной музыкальной династии: его предки, крестьяне, были музыкантами еще в XVI веке.

Бах уже девятилетним ребенком играл на скрипке и пел в эйзенахском школьном хоре. По тому времени, да еще в условиях

Иоганн Себастьян Бах.

тогдашней Германии, раздробленной на множество мелких и мельчайших «государств», из которых иные можно было накрыть скатертью, Бах получил весьма основательное образование. Несмотря на то, что уже с 13-летнего возраста он был принужден жить и работать самостоятельно, в зрелом возрасте мы находим в нем человека широко образованного. Бах знает латынь настолько, что преподает ее в школе, знает французский и итальянский языки, следит за философской литературой.

Что же касается музыкальных познаний Баха, то его эрудиция здесь положительно необъятна.

С полным основанием можно утверждать, что Бах синтезировал в своем творчестве народную песню и искусство немецкого хорала с искусством итальянских и нидерландских мастеров многоголосного письма, что он исследовал и освоил творческие завоевания всех своих предшественников и современных ему немцев, французов, итальянцев.

Уже давно было подмечено наличие в творчестве Баха славянских элементов. Небезынтересно, что славянизмы в музыке Баха, обнаруженные Одоевским более ста лет назад, совсем недавно были подтверждены Асафьевым, справедливо указавшим при этом, что немецкая музыка славянской песенности очень обязана, и никак не меньше, чем итальянской мелодии. Это бесспорно и потому, что славянский элемент и славянские культурные традиции и посейчас налицо, например, в Саксонии, и потому, что совершенно неоспоримы (да ни одним серьезным исследователем и не отрицаются) глубокие, корневые связи реформационной немецкой хоральной музыки с чешской, особенно с гуситской религиозно-повстанческой песнью.

Гениальная слуховая чуткость Баха, улавливавшего все жизненные элементы немецкой народной песенной и танцевальной музыки, естественным образом объясняет наличие в его творчестве этих славянских элементов — не только чешских, но и польских, и русских, например, в фуге es-moll. С нашей точки зрения, эти черты творчества Баха служат лишь подтверждением его кровной, органической близости, неразрывной связи с национально-немецкой, народной музыкой.

«Поэт и художник в истинных своих произведениях всегда народен,— писал Герцен.— Что бы он ни делал, какую бы он ни имел цель и мысль, в своем творчестве, он выражает волею или неволею какие-нибудь стихии народного характера...»

Бах — немец и в протестантских «Страстях по Матфею», и в католической «Высокой мессе», и во французских сюитах, и в «Итальянских концертах»,— словом, всегда и во всем он прежде всего величайший национальный немецкий композитор. Это так же абсолютно верно, как и то, что «Испанские увертюры» Глинки или «Итальянское каприччио» Чайковского есть **русская музыка.**

Перечень произведений Баха, более или менее подробный, невозможен ни в какой статье. Число их колоссально. И почти каждое произведение — бессмертный шедевр.

Антон Рубинштейн говорил, что если бы от творчества Баха сохранились только прелюдии и фуги «хорошо темперированного клавира», то одного этого было бы достаточно, чтобы двинуть вперед мировую музыку.

Не менее справедливо утверждение, что «Высокая месса» и евангельские «Страсти по Матфею» Баха возвышаются над музыкой ряда столетий. А ведь у него есть еще скрипичные сонаты, есть еще громадное количество органных и фортепианных произведений, оркестровых концертов, светских и духовных кантат, камерных произведений для самых разнообразных инструментальных ансамблей...

Величайшая нелепость — считать Баха «церковным композитором». Религиозная оболочка баховских хоралов, магнификатов, кантат составляет именно **оболочку** весьма светского, народного содержания. Не случайно Бах свободно перемещает мелодии своих светских произведений в духовные кантаты и наоборот, и его светские оратории с легкостью замещаются ораториями духовными.

Баха называют царем фуги. И действительно, в его творчестве эта высшая форма многоголосной музыки доведена до предельного совершенства. Но Бах не только царь фуги. Он создатель нового стиля вокального и инструментального творчества, без которого немыслимы были бы ни Моцарт, ни Бетховен.

«Бах» по-немецки значит «ручей». Но еще Бетховен говорил, что не ручей — море должно было быть ему имя.

В немом изумлении стоим мы сегодня перед наследием этого гиганта. Неужели все эти бесценные сокровища музыкальной поэзии, звучащей мудрости созданы скромным церковным органистом, неужели один человек за одну жизнь мог совершить все эти геркулесовы подвиги музыкальной поэзии? А ведь к этому надо прибавить, что Бах был величайшим органистом и пианистом (клавесинистом) своего времени, отличным скрипачом и альтистом, выдающимся педагогом. Можно ли удивляться наивной восторженности первого русского печатного известия о Бахе, появившегося в 1795 году (заметим, что к этому времени Бах был основательно позабыт в Западной Европе).

«Суриозный характер сего мужа,— писал безвестный автор в «Карманной книжке для любителей музыки на 1795 год»,— прилепляет его к трудной, мужественной и глубокой музыке; однакож были в нем также способности и для легкой и шутливой. Взор его через беспрестанное напряжение в сочинении полноголосных пиес учинился столь острым и проницательным, что в самых труднейших партитурах мог он обозревать вдруг все действующие голоса и инструменты...».

В этом отзыве заложены основания серьезного, глубоко уважительного отношения к Баху, которым всегда характеризовались русские музыканты. Мы сохранили его и по сей день.

В дни двухсотлетия со дня смерти великого музыканта мы склоняем головы перед его памятью. Великий Бах живет в его вечно юной, вечно прекрасной музыке.

В. ГОРОДИНСКИЙ

МОСКОВСКИЕ ВЫСО

В. ВИКТОРОВ

Фото Дм. Бальтерманца.

В дни, когда в капиталистическом мире бушует военный психоз и неубранные развалины минувшей войны пугают людей видениями войны грядущей, особенно выразительны и прекрасны мирные, советские стройки. И среди этих строек, выражая несокрушимое спокойствие народа, его неизменное стремление к миру, поднимаются к небу московские дома-великаны. В каком бы месте огромного города вы ни оказались, отовсюду можно увидеть силуэты высотных зданий. Они растут с каждым днем, все более преображая общий облик столицы. К ним уже привык глаз москвичей, их уже приняли в свою семью столичные дома — ближние и дальние соседи.

Недалеко то время, когда один за другим высотные здания начнут вступать в строй. Как же идут дела на этих, поистине громадных стройках?

ПЕРВЕНЕЦ

Он уже поднял все свои 25 этажей над Смоленской площадью, над Арбатом.

Девятнадцать этажей облицованы, в последних шести заканчиваются опалубка и укладка бетонных перекрытий. В первых 9 этажах устанавливается отопление, вентиляция, прокладывается электро- и телефонная сеть.

Пущены 2 скоростных лифта, и сейчас нужно затратить всего одну минуту для того, чтобы подняться на высоту 122 метров.

В 1951 году здание, предназначенное для правительственных учреждений, будет сдано в эксплуатацию.

СТУДЕНТЫ ПРИДУТ В 1952 ГОДУ

Вслед за высотным домом на Смоленской площади растет здание Московского университета на Ленинских горах.

С каждым днем все выше поднимается над городом его громада. Мы побывали на стройке, когда работы велись уже на 22-м этаже. Еще на 14 этажей поднимется здание вверх.

Внутри дома идет напряженная работа. В то время, как монтируются металлические конструкции, в нижних этажах уже производятся отделочные работы.

На территории, занимающей 310 гектаров, строители прокладывают подземные коммуникации газа, водопровода, канализации, электричества, телефона, постоянные бетонированные дороги. Идет разбивка большого ботанического сада.

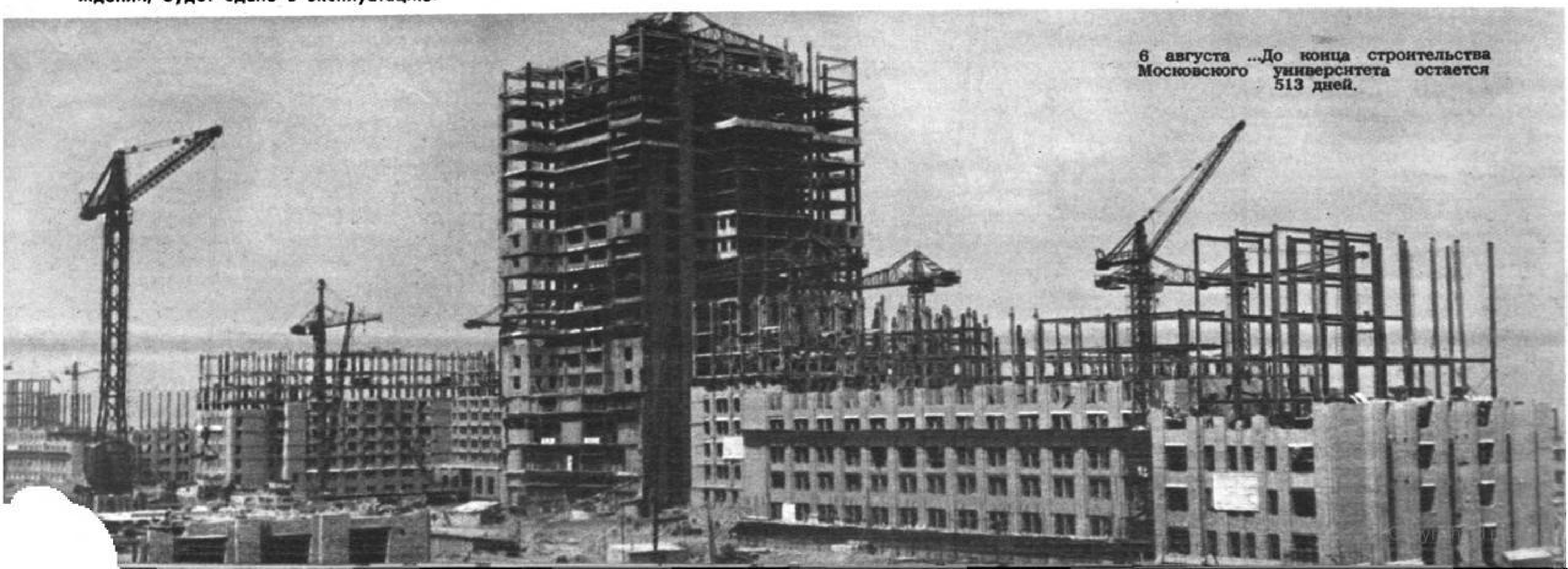
Каждый день на доске появляются новые цифры; они сообщают, сколько дней осталось до окончания строительства. Студенты смогут приступить к учебе в новом здании университета в 1952 году.

72 И 26

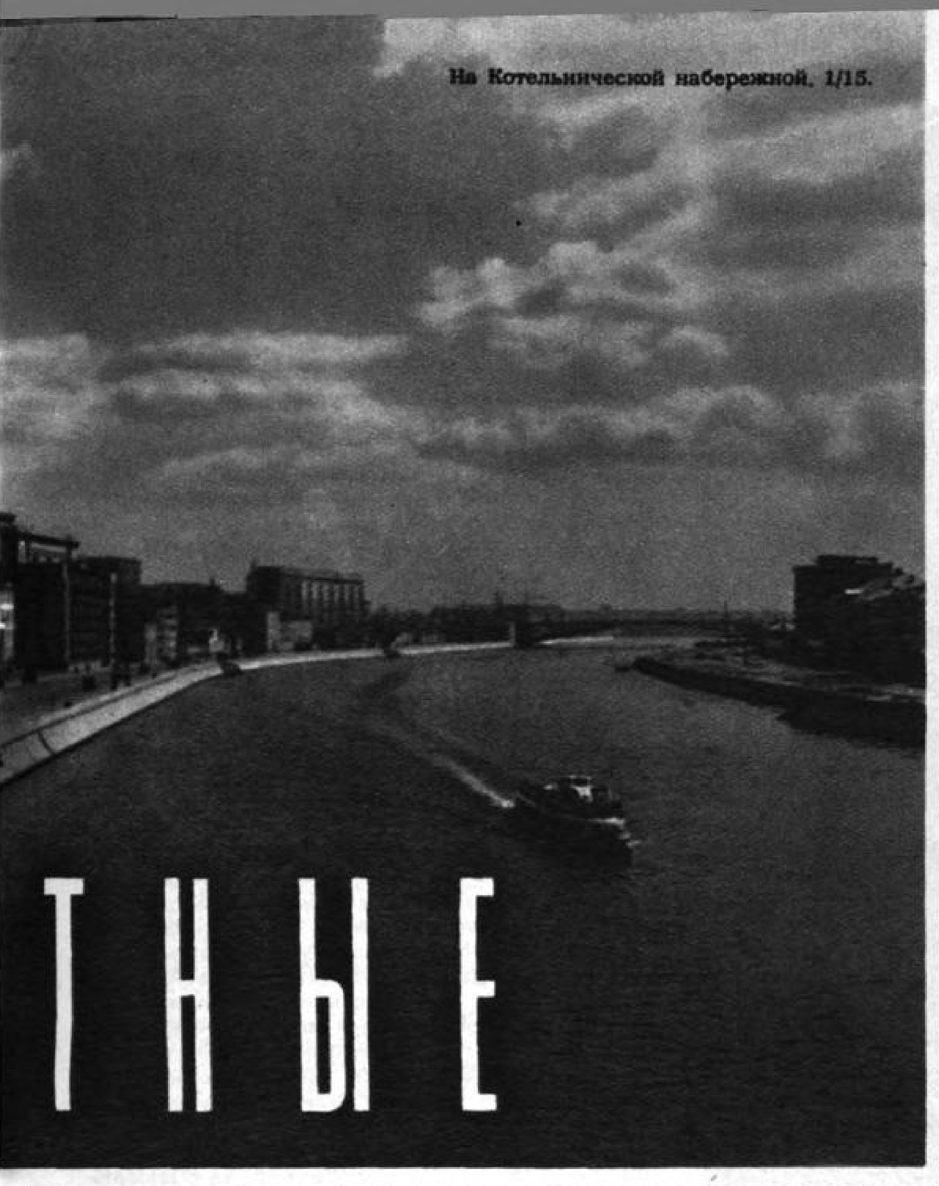
Преображается облик Садового кольца в районе Красных ворот. Здесь растет 16-этажное здание Министерства путей сообщения. Весной прошлого года еще только рыли котлован, а теперь над широкой магистралью поднялись 12 этажей. Работы ведутся на высоте 72 метров и на глубине 26 метров. Под одним из жилых корпусов, примыкающим к высотной части, закладывается станция метро.

КОТЕЛЬНИЧЕСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ, 1/15.

Этот дом имеет уже свой номер, хотя строительство еще далеко не закончено. Завершен монтаж металлического каркаса основных 17 этажей, но в центральной части предстоит воздвигнуть еще пятнадцать.

6 августа ...До конца строительства Московского университета остается 513 дней.

На Котельнической набережной. 1/15.

ТНЫЕ

Через год вам, быть может, придется посетить одну из его 773 квартир, где-нибудь на 25-м этаже.

* * *

Все в новых местах столицы возносятся над улицами башенные краны — верный признак начинающихся высотных строек.

В Зарядье и на площади Восстания поднимаются два дома-великана. По соседству с тремя вокзалами на Каланчовке уже заложен фундамент 17-этажной гостиницы.

Здание это высотой в 128 метров возводится на бывшем русле реки Ольховки, на плывунных грунтах. Это создало большие трудности при закладке фундамента. Весь котлован пришлось оградить металлическим водонепроницаемым шпунтом. В основание здания забиты 1200 железобетонных свай.

На это ушел почти год, и только в апреле строители могли начать укладку бетона. Но теперь дело пойдет быстро. Рабочие стройки готовятся к установке металлических конструкций и к началу кирпичной кладки. В 1952 году новая московская гостиница на 358 номеров должна вступить в строй.

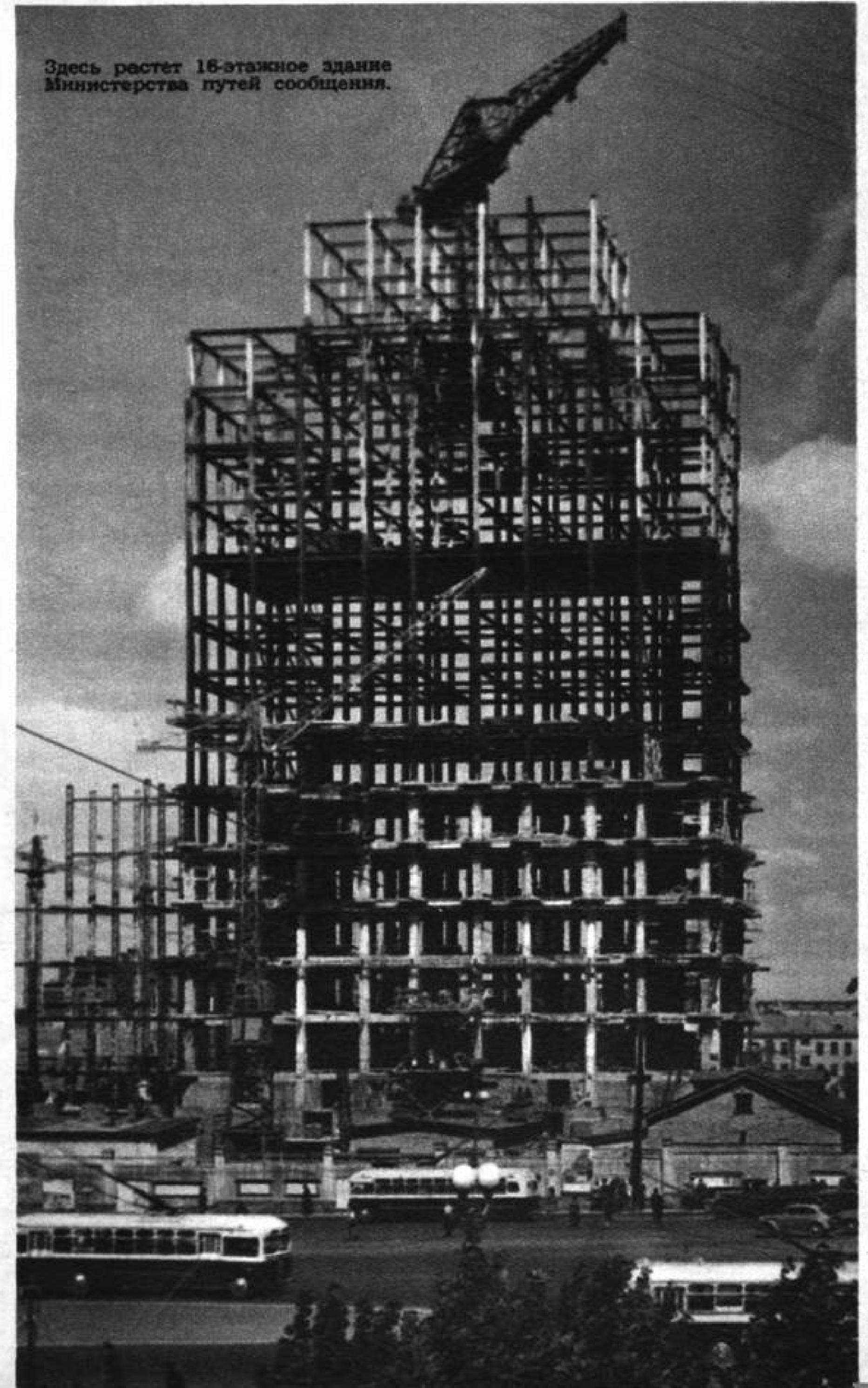
Одна из самых молодых высотных строек столицы — 32-этажная гостиница на Дорогомиловской набережной. Еще в январе нынешнего года там, где сейчас возвышается башенный кран, стояли деревянные домишки.

Когда попадешь на площадку, поражаешься почти полному отсутствию людей. Да ведутся ли здесь работы? Но стройка живет напряженной жизнью. Весь процесс механизирован.

Начальник строительства Сергей Иванович Щукин в свое время закладывал фундамент первого высотного дома на Смоленской площади. Теперь он применил новые, еще более передовые методы. До сих пор укладка и монтаж арматуры велись вручную, требуя усилий сотен людей. Ныне на монтаже занято всего несколько рабочих, потому что блочная сварка арматуры производится предварительно на заводе. Полностью смонтированные сетки, каждую весом в две тонны, привозят на грузовиках и с помощью крана опускают в котлован.

Опыт и темпы позволят строителям Дорогомиловской гостиницы закончить к 1 сентября все работы по фундаменту и возвести к концу года 10 этажей здания. В 1952 году гостиница, имеющая тысячу номеров, примет первых жильцов.

Все выше поднимаются к небу прекрасные высотные здания, создаваемые коллективными усилиями многих тысяч передовых строителей социалистической Москвы.

Здесь растет 16-этажное здание Министерства путей сообщения.

ЦЕНТР ЗАЩИТЫ

М. МЕРЖАНОВ

Игра достигла крайнего напряжения. Настойчивые атаки армейских футболистов неумолимо нарастали и волнами накатывались на штрафную площадку летчиков. Волна за волной. Гол казался неминуемым. Стадион гудел. До конца матча оставалось считанных десять минут, и армейским спортсменам необходимо было провести, вбить или как-нибудь втиснуть в ворота хоть один мяч, чтобы уйти от поражения.

Защита команды ВВС спокойно и уверенно отбивала атаки, словно охлаждая наступательный порыв настойчивых соперников. Создавалось впечатление, что хорошо связывающая атаку нить обрывалась в самый ответственный момент где-то в опасной близости от ворот. И тогда мяч улетал к центру — неожиданно для зрителей, как, впрочем, и для футболистов ЦДКА.

Но прославленная пятерка армейских форвардов не успокаивалась. Атаки продолжались. То они возникали на левом фланге, то завязывались где-то в центре поля, то, наконец, выражались в коротком, стремительном рывке к воротам.

Вся защита летчиков и их прекрасный вратарь А. Акимов играли с полным напряжением сил. Но особенно выделялся один из них — высокий, подвижной игрок. Раньше других он в акробатическом прыжке доставал высокие мячи, вступал в единоборство с центром нападения, перехватывал опасные передачи, идущие с краев, а в критический момент падал в ноги атакующего форварда и тем спасал ворота от возможного гола. Зрители приветствовали его дружными аплодисментами.

То был Константин Крижевский.

Беспрерывные атаки не дали результата. Напряженный матч закончился поражением команды ЦДКА — первым в сезоне.

* * *

Спортивная биография Крижевского коротка. Ему 24 года. В футбол играет всего шесть лет. Редко кто за такой малый срок успел столь хорошо овладеть сложным искусством обращения с мячом.

В отличие от многих футболистов Костя Крижевский в детские и юношеские годы мало играл. Он был равнодушен к мячу, который летал от одних ворот, наспех сложенных из пальто, к другим, и не очень часто ходил на стадион.

Но затем увлекся футболом и начал играть. А когда в Куйбышеве он выступил в составе команды своего завода, на него тотчас же обратили внимание.

— Кто этот парнишка? — спрашивали мастера футбола.

— Наш электромонтер Костя Крижевский!

— Хорош!

Заводские футболисты играли с успехом, и этому немало способствовал неутомимый электромонтер.

Однажды после трудного матча, в котором Костя Крижевский был «героем дня», к нему подошел представитель команды общества «Крылья Советов» С. Фурсов и сказал:

— Приходи завтра на стадион.

— Зачем?

— Будешь играть в нашей команде.

Это было осенью 1945 года, когда куйбышевский коллектив футболистов выиграл первенство второй группы и получил право выступать в старшей.

Нужно было пополнять команду молодыми, способными игроками, и их, естественно, искали на заводских стадионах. Так Крижевский попал в коллектив мастеров общества «Крылья Советов».

Весь следующий год он играл в дублирующем составе. Не очень дальновидный тренер не распознал в Крижевском хороших данных защитника и заставлял его играть то в качестве нападающего, то в роли полузащитника, а то и непосредственно в воротах.

— Почему?

— У тебя хороший рост,— неизменно отвечал тренер.

Однако Крижевскому нравилось играть в защите.

Первый его публичный матч в составе команды мастеров состоялся в праздничный день 2 мая. Десятки тысяч горожан пришли смотреть своих футболистов в серьезном соревновании на первенство страны. Такое событие происходило в Куйбышеве впервые. Честь города защищал электромонтер Крижевский. Среди зрителей было много заводских друзей, товарищей по спорту, пришел на стадион и директор завода, пришли и родные.

Естественно, что Костя волновался. Однако присутствия духа он не терял даже в моменты, когда вратарь Головкин нерасчетливо выбегал вперед. Дважды мяч шел в пустые ворота, и дважды Крижевский отбивал мяч, спасая команду от поражения. Стадион ахал и одобрительно гудел.

Костя тогда еще не имел точных представлений о тактике обороны ворот и играл больше по вдохновению, зная лишь одно примитивное правило: отгонять мяч подальше. Эту простейшую задачу он исполнял очень хорошо и вскоре стал любимцем города.

Крижевский был поставлен в команду для серьезного соревнования по тому же способу, по которому ребенка, не умеющего плавать, бросают в воду. И Крижевский быстро научился «плавать».

Мастер спорта К. Крижевский

Началась настоящая учеба, навыки и тактический опыт накапливались постепенно. Молодому футболисту приходилось встречаться с такими мастерами кожаного мяча, как Г. Федотов, К. Бесков, В. Трофимов, А. Пономарев. В спортивной борьбе с ними он овладевал драгоценным опытом.

Вспоминается первый матч Крижевского в Москве. Это было три года назад. Команда общества «Крылья Советов» выступала против лидеров розыгрыша — столичных динамовцев. Мало кто сомневался в легкой победе москвичей. Однако куйбышевские футболисты показали столь согласованную игру и так дружно защищались, что не только сумели отстоять свои ворота, но и добились победы.

Прекрасно тогда провел матч Крижевский. Он доставил много огорчений В. Трофимову, который, несмотря на свой быстрый бег и прекрасную технику владения мячом, никак не мог пробиться к куйбышевским воротам. Трофимов вынужден был уходить от назойливого «сторожа» то в центр, то на противоположный край. Но и там он видел перед собой мало знакомую фигуру молодого защитника.

Крижевский выделялся: шел смело на мяч, легко отбирал его и обладал хорошим свойством предугадывать ход игры. Это и помогало ему всегда находиться в месте, нужном для обороны ворот, и без особого труда обрывать нить атаки. Москвичам понравился молодой защитник, и они это выражали одобрительными возгласами.

Спустя год он стал играть в команде Военно-Воздушных Сил уже в качестве центра защиты.

Крижевский относится к поколению советских футболистов, которые не помнят старой, спокойной, несколько медлительной игры. Прямолинейная, упрощенная тактика старого футбола облегчала защиту ворот. Структурный рисунок атаки хорошо просматривался, и против нее легко находилось противоядие.

Изменение правил «вне игры», по которому каждый нападающий может принимать мяч у ворот противника, имея перед собой только двух игроков, а не трех, как было раньше, значительно изменило и осложнило тактику борьбы.

Атаки форвардов стали столь неожиданны и остры, что пришлось на защиту ворот призвать с середины поля третьего игрока. Центр полузащиты теперь не держался непосредственно за линией своих нападающих, а превратился в центра защиты, стал душой обороны.

Бдительность оказалась едва ли не самым главным его качеством. При этом защитник должен теперь следить не только за форвардом, ведущим мяч, но и за футболистом без мяча, который в любой момент может оказаться самым опасным игроком, непосредственно угрожающим воротам.

Если вы внимательно будете смотреть на поле, то увидите, что теперь отдыхающих футболистов нет. Все заняты. Команды выступают как целый, живой организм, связанный между собой невидимыми нитями, по которым движется мяч.

Это и усложняет роль защиты. Расчет, быстрота, точность — обязательные правила. За нарушение их — расплата голом.

«Держать» игрока наступающей команды, «опекать» его, следить за его действиями, угадывать его мысли, не дать ему сыграть ни на земле, ни в воздухе — вот задачи.

Игрок, владеющий мячом, всегда имеет преимущество перед «безоружным» футболистом, ибо только он является создателем комбинаций, только ему известны секреты последующей игровой ситуации.

Крижевский обладает прекрасным свойством «видеть поле» и мгновенно оценивать ситуацию.

Из прошлого русского спорта

Восхождение А. Пастухова на Эльбрус

Двуглавая вершина Эльбруса издавна манила к себе альпинистов. Первая попытка подняться на высочайшую гору Кавказа была предпринята еще в 1829 году небольшой научной экспедицией. Однако экспедиция своей цели не достигла. На восточную вершину Эльбруса взошел лишь проводник кабардинец Килар Хаширов.

Начиная с шестидесятых годов на Эльбрус поднималось несколько альпинистов-иностранцев. Все они шли налегке, в сопровождении многочисленных проводников и носильщиков из местных горцев.

Первым русским, поднявшимся на западную вершину Эльбруса (5592 метра над уровнем моря), был известный топограф А. В. Пастухов. Свое замечательное восхождение он совершил ровно 60 лет назад.

Восхождение началось 8 августа 1890 года со стороны Баксанского ущелья. Вместе с Пастуховым выступило в путь 7 казаков, одного из которых пришлось вскоре отослать назад.

Пастухов и его спутники двигались по хребту между реками Азад и Терскол. Идти было очень тяжело: каждый нес до полутора пудов груза. Начавшаяся в середине дня гроза с градом заставила сделать привал для ночлега.

На другой день восхождение продолжалось. Путь лежал по базальтовым глыбам, нагроможденным ледниками. К десяти часам утра группа достигла южного края ледника Терскол. Связавшись друг с другом веревкой, альпинисты-топографы двинулись дальше через расщелины ледника. Сначала рыхлый снег, а затем сильная метель затрудняли подъем. Только к вечеру следующего дня Пастухов и его товарищи достигли группы скал на юго-восточном скате Эльбруса.

После ночевки альпинисты утром 11 августа направились к седловине между двумя вершинами. На ноги пришлось надеть «кошки». Температура была около 15 градусов ниже нуля. Всех одолевали приступы горной болезни.

До вершин было уже недалеко. Но силы оказались на исходе. Пастухов решил сделать еще один привал с ночевкой.

Но на другой день троим из спутников Пастухова пришлось остаться на привале. 12 августа к западной вершине Эльбруса вместе с Пастуховым выступили лишь казаки Дорофей Мернов, Дмитрий Нехороший и Яков Таранов.

— Сначала мы держались северного направления,— рассказывал А. В. Пастухов,— затем повернули на запад, и дувший в это время сильный ветер нес нам навстречу целые тучи мелкого, зернистого снега. Это причиняло нашим растрескавшимся от мороза лицам нестерпимую боль. Мы продолжали огибать с северной стороны воронку западной вершины... Наконец, ровно в 9 часов 20 минут я взошел с северо-восточной стороны на самую высокую точку Эльбруса. Через десять минут поднялись сюда и мои спутники-казаки.

Группа Пастухова пробыла на вершине 3 часа 40 минут, произведя здесь нужные топографические работы. Затем, укрепив на высочайшей точке Кавказа большой флаг и оставив тут бутылку с запиской, покорители Эльбруса начали обратный спуск.

Много трудностей встретилось и на обратном пути. Альпинисты снова попали в снежную бурю, потеряли ориентировку и чуть не погибли. Все, однако, кончилось благополучно. В 1896 году А. В. Пастухов поднялся на Эльбрус во второй раз.

В наше время восхождение на Эльбрус считается не таким уже трудным. Однако не следует забывать, что Пастухов и его спутники шли по неизведанному маршруту, а техника альпинизма шестьдесят лет назад была очень примитивной.

Среди имен русских альпинистов-первовосходителей имя А. В. Пастухова заслуженно занимает почетное место.

Много раз приходилось наблюдать, как «безоружный» Крижевский, отступая перед атакующим футболистом, умел прыгнуть на мяч в то мгновение, когда нападающий лишь собирался послать мяч партнеру.

Так разрушалась атака.

Но это половина успеха. Для того, чтобы атака не повторилась, нужно завоеванный мяч не просто отбить в поле, а точно адресовать своему игроку. Тогда команда может от обороны перейти в наступление.

Крижевский играет против нападающих в центре и изучил уже повадки своих постоянных соперников. Он знает, например, что Г. Федотов держит мяч в ногах и мяч у него трудно отобрать; что Комаров из «Зенита» — «одноногий», иначе говоря, бьет только одной, левой ногой, когда же мяч попадает под его правую ногу, то тут и легко его отобрать; что Симонян, быстрый и «раскидистый» футболист, играет на большой территории — от края до края — и поэтому с ним трудно бороться.

Против каждого из своих противников Крижевский применяет особую тактику игры.

Не всегда глухая «опека» приносит пользу. Не всегда нужно уходить за своим «подопечным» на край поля. Иногда можно его передоверить одному из своих партнеров. Наконец, не всегда нужно уходить вперед, памятуя непреклонное правило, что центральный защитник должен занимать ключевую позицию в обороне и что он последний игрок защиты.

Крижевский очень изобретателен и находчив. Его можно видеть в непосредственной близости от вратаря, и на краю поля, и в центре поля. Он игрок широкого маневра и умеет контролировать большую территорию на подступах к своим воротам. В этом его успех.

Нападающим тяжело играть против Крижевского. Его трудно обойти, поэтому многие форварды стараются передать мяч до сближения с ним.

Тактика современного советского футбола многообразна. И все-таки почти в каждой игре первоклассных команд можно видеть «новинку», которая является плодом творческого труда тренера и коллектива. Поэтому нельзя советскому футболисту предписать определенные нормы поведения на поле.

Один из лучших английских форвардов, Метьюз, придерживается строгого правила: атаковать лишь в зоне своего действия на краю поля,—и защитнику, динамовцу Станкевичу, было нетрудно против него играть. А игрок «Арсенала» Алекс Джемс пытался нарушить это правило и начал «блуждать» по полю. Но из этого ничего не получилось, ибо в английском футболе схема не дает простора для маневра.

Одного из лучших крайних форвардов, В. Трофимова, можно видеть в любой части поля. Большинство мячей в этом сезоне он вбил, находясь в зоне центрального нападающего. И он не одинок. Так играют и Н. Симонян, и К. Бесков, и В. Соловьев.

Маневр — основа атаки советских футболистов. Это предопределило и маневренную игру защиты — «подвижную оборону»,—кстати сказать, впервые введенную московскими футболистами команды «Металлург».

Защитник, который играл на небольшом «пятачке» поля и срывал аплодисменты за далекие посылы мяча от своих ворот, ушел в область воспоминаний.

Сегодняшний футболист для того, чтобы выполнить функции защитника, должен уметь хорошо бегать, свободно владеть мячом на земле, вести атлетическую борьбу в воздухе и отлично понимать игру.

Таким мастером и является центральный защитник команды ВВС Константин Крижевский, помогающий вратарю держать ворота в безопасности.

К. Крижевский (справа) и Н. Симонян («Спартак») борются за мяч.

Фото А. Бочинина.

Новоселье

Леонид ЛЕНЧ

Рисунки В. Горяева

Полевой дорожкой, ведущей от станции к дачному поселку, теплым августовским вечером шли трое: художник-пейзажист Граев, его жена Ксана и их друг — композитор Алмазов.

Ксана, миниатюрная, очень хорошенькая блондинка со вздернутым носиком, шла одна впереди мужчин.

Граев, высокий, представительный, и Алмазов, тучный, бритый, с выражением непроходящей обиды на одутловатом «бабьем» лице, шагали позади и тихо разговаривали.

Говорили они о Балкине, Юрии Петровиче, их общем знакомом, построившем себе дачку в здешних благословенных местах. Граевы и Алмазов были приглашены к нему на новоселье.

Граев ловко сшиб тростью липучую головку с придорожного репейника, подумал и сказал:

— Вот я художник, ты композитор, оба мы люди, хорошо зарабатывающие.

Алмазов кивнул головой.

— Балкин — не творческий работник, не изобретатель, не лауреат, не летчик-испытатель, — продолжал Граев, распаляясь с каждым словом. — Но он живет так, как нам с тобой и не снилось!

Шедшая впереди Ксана вдруг остановилась, обернулась и сказала сердито:

— Хватит вам сплетничать! Юрий Петрович — прелесть. Что его ни попросишь, всегда все делает.

— Да, он всегда идет навстречу! — сказал Алмазов. — Мне он, помню, помог с путевкой. Обязательный человек!..

— И обязательный и обаятельный! — с той же горячностью прибавила Ксана. — У меня мамочка заболела — он ее к гомеопату устроил. Не понимаю, Лешка, чего ты на него взъелся?!

Граев, слушавший жену с добродушно - покровительственной улыбкой, с какой обычно взрослые люди слушают детей, сразу стал серьезным.

— Да поймите вы оба, — сказал он, нахмурившись, — что эта обязательность и обаятельность — маска, защитная реакция, мимикрия. Если хотите знать, то в глубине души я убежден, что наш милейший Юрий Петрович — вор!.. А если не прямой вор, — поправился он, заметив протестующее движение Ксаны, — то рвач, ловкий комбинатор, вообще нечистоплотный человек, разными способами надувающий государство. Конечно, он должен быть обаятельным и обязательным, должен приспосабливаться к среде. Как рыбы на больших глубинах становятся плоскими, приспосабливаются к давлению! Ему, «милому человеку», воровать удобнее под гул ваших комплиментов!

— Бог знает, что ты говоришь! — с сердцем сказала Ксана.

— Нет, матушка, я правильно говорю, — продолжал Граев, — у нас еще не вывелись этакие «веселые воры». Посмотришь на него — обаятельный мужчина, все им восторгаются, а у него совесть, как голенища, и рыло в пуху. По-моему, наш Балкин — такой же веселый вор, только выпуска 1950 года.

— Вернее «посадки» 50-го года, а не выпуска! — засмеялся Алмазов.

— Правильно, — усмехнулся Граев, — конечно, рано или поздно он загремит, как горный обвал. Можно втереть очки таким простачкам, как Ксанка, как ты, как я, в конце концов, но своему коллективу, общественной организации втирать очки невозможно. И в этом наша сила! И вот когда милейший Юрий Петрович Балкин загремит, нам будет стыдно, ох, как нам будет, братцы, стыдно! Будем глаза от людей прятать и лепетать: «Мы всегда подозревали, что он нечист на руку!» Подозревали, а сами к нему в гости ходили!..

— Вася, велите ему замолчать! — возмущенно сказала Ксана, обращаясь к Алмазову. — Нельзя же обвинять человека безо всяких доказательств!

— А дачка? — прищурился Граев.

— Что дачка?..

— На какие средства он построил себе эту дачку, позвольте узнать? На зарплату? Но она у него не такая высокая, чтобы можно было на нее построить дачку.

— Может быть, он выиграл по займу? — сказал Алмазов.

— Может быть! Охотно допускаю. Но пусть он нам прямо об этом скажет: «Я выиграл по займу и на эти деньги построил себе дачу», или: «Я получил премию», или: «У меня старая тетка померла, и я у нее под матрацем нашел брильянты». Как угодно, но пусть объяснит!

— А ты спросишь?

— Спрошу! — сказал Граев. — Выпью и спрошу.

— Этак и я выпью и спрошу! Ты трезвым спроси. Пари, что не спросишь!

Граев подумал и твердо сказал:

— Проиграешь, Васька! Спрошу!

Ксана быстро повернулась и пошла по направлению к станции.

— Куда вы, Ксаночка? — крикнул Алмазов.

— Домой! — плачущим голосом сказала молодая женщина. — Я в гости не затем ехала, чтобы скандалы устраивать!

Алмазов подошел к Ксане и взял ее под руку.

— Бросьте, — сказал он ей тихо, — что вы, Лешу не знаете? Ничего он не спросит. Выпьет рюмку — и все забудет. Идемте!

...Дачка у Балкина была хороша: с мезонином, с двумя верандами, вкусного, светложелтого, как сливочное масло, цвета. От нее крепко и приятно пахло свежим деревом. На участке, полого спускавшемся в неглубокий овраг, росли веселые тоненькие березки и могучие, высокие — до самого неба — сосны.

Граевы и Алмазов поднялись на веранду и поздоровались с хозяевами. Балкин, полный, сизощекий, с тяжелой нижней челюстью, цветущий, как пион, мужчина, очень выигрывал рядом со своей анемичной, невыразительной женой, которую он вследствие ее удручающей худобы называл не «моя половина», а «моя четвертинка».

— Ну, как вам понравилась моя латифундия? — спросил Балкин, сияя.

— Прелестно! — сказала Ксана. — Узнаю ваш вкус, Юрий Петрович!

— Хороша! — солидно заметил Алмазов.

Граев промолчал.

— Достану хороших белил, — сказал Балкин, самозабвенно закатывая глаза, — покрашу ее в белый цвет, и будет она у меня, матушка, как лебедь!.. Впрочем, ладно, потом все вам покажу, вплоть до удобств, а сейчас знакомьтесь — и за стол! — Он сделал широкий жест, показывая на сидящих за столом. — Мои соседи по даче! И вообще добрые знакомые. Профессор Константинов. — Он подчеркнул «профессор», кивнув на осанистого седовласого старца в белом костюме. — Ну, с Нестером Васильевичем вы, помоему, знакомы. (Граев увидал за столом знакомого актера-комика и улыбнулся ему.) В общем, разберетесь! А это, — продолжал Балкин, сияя, — художник Граев, еще не лауреат, но, наверное, скоро будет им, его жена-красавица и ихний друг, наш, так сказать, баян, товарищ Алмазов. А ну, давайте, потеснимся, пусть они сядут. И... «начнем, пожалуй», как сказано у Чайковского!

Гремя стульями, гости подвинулись. Вновь прибывшие уселись

за стол, радушный хозяин схватил бутылку с коньяком и вонзил пробочник в пробку. Лицо его от напряжения стало совсем сизым. Лоснящийся, довольный, сытый, он показался Граеву в эту минуту таким противным, что художник решил не сдерживать больше то озорное бешенство, которое охватило его сразу, как только он увидел балкинскую «латифундию». Граев посмотрел на сидящего напротив Алмазова, уже успевшего поддеть на вилку кусок копченой рыбы, откашлялся, словно перед выступлением на собрании, и, не обращая внимания на щипки, которыми награждала его под столом Ксана, громко сказал:

— Прежде чем начинать, Юрий Петрович, я бы хотел задать вам один вопрос.

Продолжая ввинчивать пробочник в пробку, Балкин бодро откликнулся:

— Задавайте, задавайте, Алексей Ильич! Я вас знаю, сейчас что-нибудь отчебучите! Шутник!

— На какие средства вы построили себе дачку, Юрий Петрович? — тем же громким голосом задал свой вопрос Граев.

Пробочник застыл в руке Балкина.

За столом наступила неприятная, напряженная тишина.

— В каком смысле? — выдавил из себя наконец Балкин.

— В самом прямом! — повторил Граев. — Я спрашиваю: на какие средства вы построили свою «латифундию», Юрий Петрович? По-моему, вопрос очень легкий!

Балкин пожал плечами и потянул пробку. Она аппетитно щелкнула.

— Откладывал по десятке! — сказал он, глухо хохотнув.

Ах, как хотелось ему, чтобы сидящие за столом поддержали его шутку, замяли бестактность этого грубияна-художника, утопили в вине его безжалостный, отвратительный, такой простой и такой страшно сложный для него, для Балкина, вопрос! Но сидевшие за столом молчали, рассматривая скатерть, тарелки, бокалы, делая все, чтобы не встретиться глазами с бегающим взглядом потного, как загнанная мышь, хозяина «латифундии».

Граев резко поднялся из-за стола.

— Ваш ответ меня не удовлетворяет, Юрий Петрович! — сказал он, сам поражаясь своей выдержке. — Идем, Ксана! Алексей, ты останешься?

Композитор с некоторым сожалением посмотрел на стол, ломящийся от яств и питий, но встал и сказал, густо краснея:

— Иду, конечно! Действительно, Юрий Петрович, странно все это как-то, ей богу!.. Мы, конечно, ничего не имеем против, но надо же объяснить людям... Оксана Павловна, ваш зонтик у меня!

— Позвольте! — закричал Балкин. — Не уходите! Сейчас все выясним, договоримся! Маруся, куда ты смотришь?!.

Но было уже поздно: Граевы и Алмазов быстро спускались вниз по ступенькам веранды.

Когда они пришли на станцию, до поезда оставалось еще сорок пять минут. Композитор взглянул на буфетную стойку, уставленную бутылками и блюдами с закуской, и сделал несчастное лицо.

— От какого ужина ушли! — сказал он жалобно. — Давайте хоть здесь выпьем и закусим!

Они уселись за столик и только сделали заказ, как вдруг в дверях станционного буфета появился Нестор Васильевич, актер-комик, который присутствовал за балкинским столом.

— И ты, Брут! — сказал Граев. — Присаживайтесь, Нестор Васильевич. У нас здесь свое новоселье!

Актер присел к столу, снял шляпу и обмахнул ею потное лицо.

— После вас все разбежались! — сказал он, усмехаясь. — Под разными предлогами. И никто ни к чему не притронулся. Первым профессор этот поднялся. Извините, говорит, голова что-то разболелась. За ним — доктор Волков, потом другие. Юрий Петрович перестал даже упрашивать остаться. Сидит и молча коньяк хлещет. А его супруга только за голову хватается и стонет: «У меня одних салатов пять сортов остается! Что я с ними буду делать?!»

— А вы как ушли? — спросил актера Алмазов.

— Сказал, что на концерт нужно. Совсем, мол, забыл про концерт. Шапку в охапку—и рысью!.. Я, ей богу, не хотел к нему ехать. Темноватый он человек, но ведь липучий, черт, и настойчивый. Не хочешь, а едешь! Хорошо, что вы его в упор своим вопросом резанули! Я, уходя, палку забыл. Вернулся с полдороги — жалко стало. Зашел на участок — они меня не видят, я встал за дерево, слушаю. Юрий Петрович сидит, совсем уже «еле можаху», а его «четвертинка» стоит над ним и, как полагается, пилит: «Говорила тебе, старому идиоту, позови только своих — Наума Сергеевича и Жоржика. Не слушался — вот и получай!». А он мычит в ответ: «Дура, мне общество нужно, а не жоржики... Зови хоть сторожа, пусть лопает!» А она: «Звала, не идет!» Комедия! Я не стал палку брать, так ушел, на цыпочках!

Граев разлил вино по бокалам, поднял свой.

— Вот и давайте выпьем за наше общество! — сказал он серьезно. — За то, чтобы перестали существовать такие, как этот Балкин, мой и, надеюсь, наш общий бывший знакомый!.. Ксаночка, ты согласна со мной?

Ксана вспыхнула, потупилась, подняла свой бокал и чокнулась с мужем.

Почему мы так говорим

НА КРАЮ СВЕТА

Мы часто пользуемся словами и выражениями, не очень вдумываясь в их точный смысл.

«С таким товарищем хоть на край света», «Они живут на краю света», — говорим мы, разумея под «краем света» «очень далеко».

Но когда-то это выражение имело другой смысл.

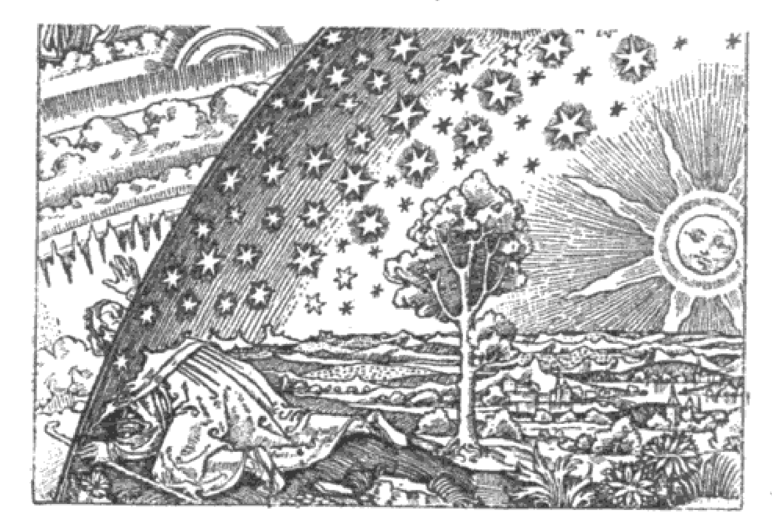
Уже древние греки знали о шарообразности Земли. Около 2200 лет назад ученый Эратосфен даже определил величину Земли. Несмотря на несовершенство тогдашних способов измерений, он почти точно указал длину земной окружности: 39 500 километров (при переводе стадий на километры) вместо 40 000.

Но учение о шарообразности Земли противоречило «священным» книгам. И христианство, борясь с наукой, создало свое учение.

«Неужели есть нелепые люди, верящие в то, что Земля — шар и что на другой стороне Земли люди ходят вверх ногами, деревья растут вверх корнями, а снег и дождь падают вверх?» — спрашивали «отцы церкви».

В течение нескольких столетий переписывали и читали книгу монаха Козьмы Индикоплова, написанную еще в VI веке, но распространившуюся по Руси с XIII столетия. Индикоплов рассказывал, что Земля — плоский четырехугольник. Она, как крышей, покрыта небом. Если на Земле дождь,— то это по божьему велению: ангелы открыли отверстия в хранилищах воды, находящихся на небе. Ангелы же перетаскивают по небу солнце, луну и звезды. Край земли, по учению христианских географов, сходится с краем неба.

Как видим, в далекие времена выражение «край света» представлялось многим людям реальностью.

Так представляли в средние века «край света», где небо сходится с землей.

АРТЕРИЯ

Много случайного и ошибочного кроется в происхождении даже научных терминов. Здесь мы остановимся только на нескольких словах, связанных с медициной.

Артерии — сосуды, несущие от сердца к различным органам тела кровь. Между тем образовано «артерия» не от слова «кровь», а от «воздух» (по-гречески аир — воздух, тирео — храню). Видя, что у трупов сосуды пусты, врачи древности решили, что по ним проходит в теле воздух.

Греческого происхождения и название болезни — диабет. Уже в древности заметили, что некоторые люди страдают неутолимой жаждой. Не зная подлинного характера заболевания, его объясняли тем, что через почки слишком быстро протекает вода. «Диабайно» и значит «протекать».

Обнаружив связь лихорадок с сырыми, болотистыми местами, врачи некогда считали причиной болезни вдыхаемый человеком плохой воздух. «Малярия» по-итальянски означает «плохой воздух».

В 1510 году Францию посетила очередная эпидемия гриппа. Больных изнурял мучительный кашель, но в остальном эпидемия протекала легко. Лекари разрешали больным выходить из дома, но во избежание простуды предписывали покрывать голову капюшоном, по-французски — «кюкюль», почему и болезнь прозвали «кюкюлюш». Позже случайное название «коклюш» перенесли на сходную по характеру кашля детскую болезнь.

«Фурункул» — по-латыни «воришка». Такое название объясняется тем, что когда-то считали фурункул паразитом, живущим за счет человека, ворующим часть его питания.

И. УРАЗОВ

После непродолжительного ненастья установилась прекрасная летняя погода. Все цвело и благоухало. Появились первые грибы.

Я бродил по лесу. В изрядно оттягивавшей мою руку корзинке красовались боровики с темнокоричневыми упругими шляпками; светлосерые подберезовики; ярко-оранжевые подосиновики; пестрые, сарафанные сыроежки; желтые лисички; белянки, круглые, как блюдце, с углублением посредине.

На небольшой полянке я увидел человека. Он сидел на пеньке под кудрявой березкой.

— Как ваши дела?— прокричал он.

— Приличны!— отвечал я.

— Покажите-ка! Покажите!

Я подошел, поздоровался и, воспользовавшись случаем, с радостью опустил тяжелую корзинку на землю.

— Ого! Да вы, батенька мой, победили меня. Победили! А вот мои трофеи...

Мое внимание привлекли не столько «трофеи», сколько корзинка. Такой корзинки мне еще не довелось видеть. Сплетена она была, по всей вероятности, по особому заказу и не просто мастером, а своего рода художником.

И грибы прельщали своим видом. В корзинке не было ни сыроежек, ни белянок. Даже всеми уважаемые лисички и маслята не находили здесь места. Только боровики, подберезовики и подосиновики! Все корешки аккуратно очищены.

— Ваши не на кухню, а только на выставку,— заметил я.

Человек весело улыбнулся.

На вид ему было не менее семидесяти, но держался он не по-стариковски бодро. В ясных глазах из-под нависших бровей сверкали юношеские огоньки. Немного тучноватое тело его прикрывал легкий и удобный костюм. На голове морщилась белая пикейная панамка с узенькой черной ленточкой.

— А-у-у!..— где-то далеко-далеко прокричал детский голос.

— А-у-у!..— ответил ему такой же звонкий.

— Люблю, — говорил старик,— люблю побродить с корзинкой по лесу! Может ли быть более приятное удовольствие? Мне очень понятен наш замечательный соотечественник, классик русской литературы Сергей Тимофеевич Аксаков. Вы знаете, что он живал и охотился в этих краях? Здесь, на Воре, ловил рыбу. И, может быть, даже ходил именно здесь, где мы с вами ходим сейчас. Когда появлялись грибы, он забывал про удочки и ружье, хватал корзинку и шел по грибы. А как он называл собирание грибов? Вот и не знаете... Смиренной охотой! Вот как! В молодости я тоже увлекался охотой. Но, должен сказать, собирание грибов приносит не менее захватывающие переживания, чем охота. А кто еще из великих писателей любил собирать грибы?.. Не знаете? Вам, может быть, известно, что Сергей Тимофеевич крепко дружил с Николаем Васильевичем Гоголем? Гоголь не раз бывал здесь, в Абрамцеве, читал отрывки из второй части «Мертвых душ» и с хозяином ходил собирать грибы. Я лично не представляю лучшего отдыха, чем собирание грибов. После такой прогулки я сплю, как убитый. А аппетит?! Например, сейчас. Ни от чего не отказался бы.

Он снял панамку, вытер лоб платком и продолжал:

— У меня был дядя — земский врач, так он некоторым больным с расшатанной нервной системой настойчиво советовал заняться собиранием грибов. И многих вылечил... Дядя и научил меня собирать грибы. Хоть и смиренная, а настоящая охота!..

Старик неожиданно молодцевато поднялся с пенька:

— Посидели, поговорили, отдохнули — и хватит. Пора и за дело. Давайте-ка вот этот уголок обследуем.

Мы разошлись. Я не столько смотрел себе под ноги, сколько на своего случайного спутника. А тот внимательно обшаривал траву и мох у каждого пенька, палкой раздвигал нависшие лапки елок...

— А ну-ка, пожалуйте сюда!— прокричал он.

Я подошел.

— Даю вам задачу. Совсем близко от нас сидит боровик. Попробуйте найти его...

Я внимательно осмотрел все вокруг себя. Ничего не было заметно.

— Вот видите... А он, хитрец, выглядывает одним глазком в щелочку и смеется над вами.

Однако мои поиски не увенчались успехом.

Тогда он очертил палкой вокруг себя небольшую окружность:

— Здесь!

И на этой ограниченной площади я ничего не замечал.

— Плохо! Очень плохо! Не выдержали экзамена. А это что-о?.. — он показал кончиком палки на небольшой бугорок. На верхушке бугорка лежал сучок.— Вот он где прячется, мошенник!—Старик осторожно разгреб бугорок, и оттуда, действительно, выглянула шляпка гриба.

— Здравствуйте! Очень приятно!

Старик вынул нож, срезал гриб и, полюбовавшись им, положил в корзинку. — Ступай, ступай к своим!— шутливо проговорил он.

На узенькой тропинке мы расстались. Я зашагал прямо к станции, а он, посвистывая, скрылся в густых зарослях. Между зелеными ветками мелькала его белая панамка.

И мне представлялось: вот так же сто лет тому назад по этому лесу с корзинкой в руках бродил старик Аксаков и собирал грибы. И Николай Васильевич Гоголь, улыбаясь в усы, подкладывал ему в коробок свои находки.

Смиренная охота!

С. МИНАЕВ

Французский юмор

1

Весной этого года в Париже во время массовой демонстрации трудящихся группа участников шествия непрерывно скандировала: «Дайте нам Бидо!», «Дайте нам Бидо!».

Эта группа, столь бурно выражавшая свои горячие чувства к бывшему тогда премьер-министром Бидо, состояла, как потом выяснилось, из служащих городского похоронного бюро.

2

Приехав из Парижа в Лондон, Ачесон заявил близкому к нему журналисту: «Я очень доволен результатами моих бесед с г-ном Морисом Шуманом». Когда же журналист заметил Ачесону, что министра иностранных дел Франции зовут не Морис, а Робер, Ачесон в оправдание своей ошибки сказал:

— Да, я рассеян, но все же не так, как Бевин. Представьте себе, он считает Шумана серьезным государственным деятелем!

3

Как известно, в США разжигатели военной истерии распространяют слухи о каких-то таинственных тарелках, летающих в поднебесье. Психоз этот за последнее время нашел свои жертвы и во Франции.

В связи с этим одна прогрессивная вечерняя газета напечатала заметку:

«Летающей тарелкой была вчера ранена в голову м-м Шарлотта Дисли, когда она проходила по Женевской улице. М-м Дисли отправили в больницу. Тарелка слетела с балкона».

(«Се суар».)

Известно ли это вам?..

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ МАТЕРИАЛ

Мне врачи запретили загорать. Но во время своего отпуска на юге, естественно, хотелось полежать на пляже, у моря. Поэтому я сшил себе пижаму из легкого искусственного волокна. Этот материал подарил мне знакомый, сказав, что материя обладает рядом интересных свойств, а каких, — к сожалению, я не успел расспросить.

Каково было мое удивление, когда в первый же день отдыха на пляже в этой пижаме я вечером обнаружил, что мое тело покрылось легким загаром, как будто я лежал под солнцем без всякой одежды.

Не знаете ли вы, что это был за материал и какими любопытными свойствами он обладает?

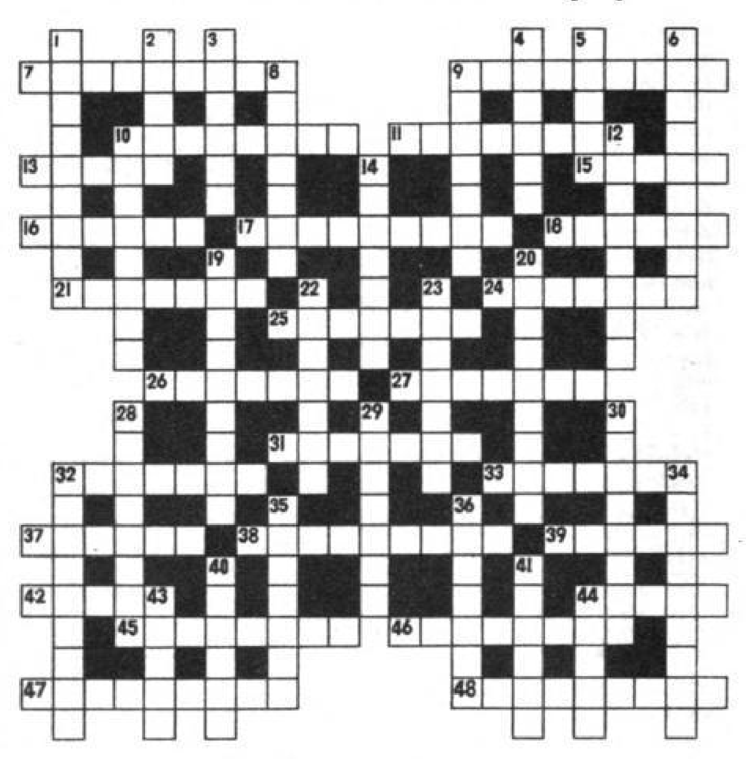
БЕЗЗВУЧНЫЕ ЗВУКИ

В лаборатории производили странный опыт. Какой-то, неизвестный мне по внешнему виду прибор направляли на лягушек и мелких рыб, и они через одну — две минуты погибали.

Научный сотрудник сказал, что этот прибор издает звуки, которые и умерщвляют лягушек и рыб. Но никакого звука не было слышно.

Что это были за звуки?

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Город в Европе. 9. Проводник поезда. 10. Персонаж из комедии А. Н. Островского «Волки и овцы». 11. Механик, управляющий ходом поезда. 13. Рыба. 15. Сияние. 16. Раздел текста в стихотворном произведении. 17. Писатель. 18. Принадлежность сапера. 21. Лекарственное вещество. 24. Специалист, наблюдающий за работой машин. 25. Участок пути между двумя станциями. 26. Город в Московской области. 27. Соприкосновение. 31. Тележка для езды по железнодорожным рельсам. 32. Очертание, вид сбоку. 33. Принадлежность кондуктора поезда. 37. Холодное оружие. 38. Автор проекта первого воздухоплавательного ракетного прибора. 39. Драгоценный камень. 42. «Падающая звезда». 44. Отточенная сторона лезвия. 45. Великий польский астроном. 46. Официальный документ. 47. Графическое изображение. 48. Драгоценный камень.

По вертикали:

1. Скульптурная фигурка. 2. Буква латинского алфавита. 3. Прерывистые звуки, издаваемые орлами. 4. Совокупность сведений в какой-нибудь области. 5. Французский писатель-философ. 6 Мальчик или девочка старшего возраста. 8. Континент. 9. Вид кита. 10. Самопишущий барометр. 12. Пешеходная дорожка. 14. Птица. 19. Чрезмерное преувеличение. 20. Великая русская артистка. 22. Эластичная пружина между осями и кузовом вагона. 23. Железнодорожная насыпь. 28. Водяное растение. 29. Продукт производства. 30. Промежуток. 32. Специальность горнорабочего. 34. Советский писатель. 35. Животное в одной из первых стадий развития. 36. Ритмическая фигура в музыке. 40. Зажим для прикрепления электрического провода. 41. Рыба. 43. Музыкальный инструмент. 44. Внешние очертания предмета.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 31

По горизонтали:

1. Франко. 4. Приклад. 7. Киргиз. 10. Интернационал. 11. Отчет. 12. Шмель. 13. Отписка. 16. Критика. 17. Карабин. 18. Станина. 19. Брасс. 23. Война. 25. Протекционизм. 26. Глыба. 27. Якоби. 28. Люфа. 29. Факт. 30. Червь. 34. Иприт. 35. Нитроглицерин. 36. Время. 38. Адлер. 41. Полдень. 43. Эрмитаж. 44. Гладков. 46. Монблан. 48. Гирло. 49. Связь. 50. Остроградский. 51. Трасса. 52. Кузнецк. 53. Аркада.

По вертикали:

1. Фартук. 2. Ангелина. 3. Обновка. 4. Плечо. 5. Крапивница. 6. Дрофа. 7. Крахмал. 8. «Громобой». 9. Заслон. 14. Тютчев. 15. Кантон. 19. Бегичев. 20. Спальня. 21. Конфета. 22. Литавры. 23. Вмятина. 24. Авиатор. 31. Золото. 32. Альдебаран. 33. Оценка. 37. Ермолова. 39. Луковица. 40. Капуста. 42. Плотина. 43. Эпитет. 45. Визига. 46. Моряк. 47. Носок.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ В № 31

Микроскоп и вирусы

Большинство вирусов имеет размер меньший, чем 0,0002 (две десятитысячных) миллиметра.

Предел увеличения оптического микроскопа строго ограничен и не зависит от количества линз и от качества шлифовки стекол. В оптический микроскоп невозможно увидеть частицы размером меньше 0,0002 миллиметра.

Объясняется это тем, что световая волна (как и волна воды) отражается лишь от предметов, размеры которых больше длины световой волны. Частицы, размер которых равен или меньше половины длины световой волны, отражения не дают. Волны света огибают такую частицу.

Увидеть мельчайшие вирусы удалось только в электронный микроскоп именно потому, что длина электронных волн во много раз меньше световых.

«Молодой» человек

О Плутоне. На этой планете «год» продолжается около 249 земных лет.

Простой подсчет показывает, что 20 плутоновых лет равны 4980 земных.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, К. В. СМИРНОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова

А — 06418. Подписано к печати 1/VIII 1950 г. Изд. № 500. 5½ печ. л. Тираж 406 000. Заказ 1979. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ФИЛАТЕЛИСТИЧЕСКОЙ КОНТОРОЙ РОСПОЛИГРАФИЗДАТА
ВЫПУЩЕНЫ В ПРОДАЖУ

КОЛЛЕКЦИИ СОВЕТСКИХ ПОЧТОВЫХ МАРОК

НА СЛЕДУЮЩИЕ ТЕМЫ:

МАРКС — ЭНГЕЛЬС — ЛЕНИН — СТАЛИН.	Коллекция из 26 марок.
ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ДАТЫ.	Коллекция из 34 марок.
СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК.	Коллекция из 56 марок.
СОВЕТСКАЯ АРМИЯ.	Коллекция из 36 марок.
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА.	Коллекция из 42 марок.
ОРДЕНА И МЕДАЛИ СССР.	Коллекция из 31 марки.
ПОСЛЕВОЕННАЯ СТАЛИНСКАЯ ПЯТИЛЕТКА.	Коллекция из 63 марок.
УЧЕНЫЕ НАШЕЙ РОДИНЫ.	Коллекция из 38 марок.
ПИСАТЕЛИ НАШЕЙ РОДИНЫ.	Коллекция из 29 марок.
ХУДОЖНИКИ, АРХИТЕКТОРЫ И КОМПОЗИТОРЫ НАШЕЙ РОДИНЫ.	Коллекция из 29 марок.
НАШИ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ-ИССЛЕДОВАТЕЛИ.	Коллекция из 15 марок.
МОСКВА — СТОЛИЦА СССР.	Коллекция из 46 марок.
ПИОНЕРЫ И ЛЕНИНСКО-СТАЛИНСКИЙ КОМСОМОЛ.	Коллекция из 24 марок.
ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ.	Коллекция из 26 марок.
КУРОРТЫ СССР.	Коллекция из 32 марок.
АВИАПОЧТА.	Коллекция из 28 марок.

Цена коллекций от 7 р. 85 к. до 18 р. 65 к.

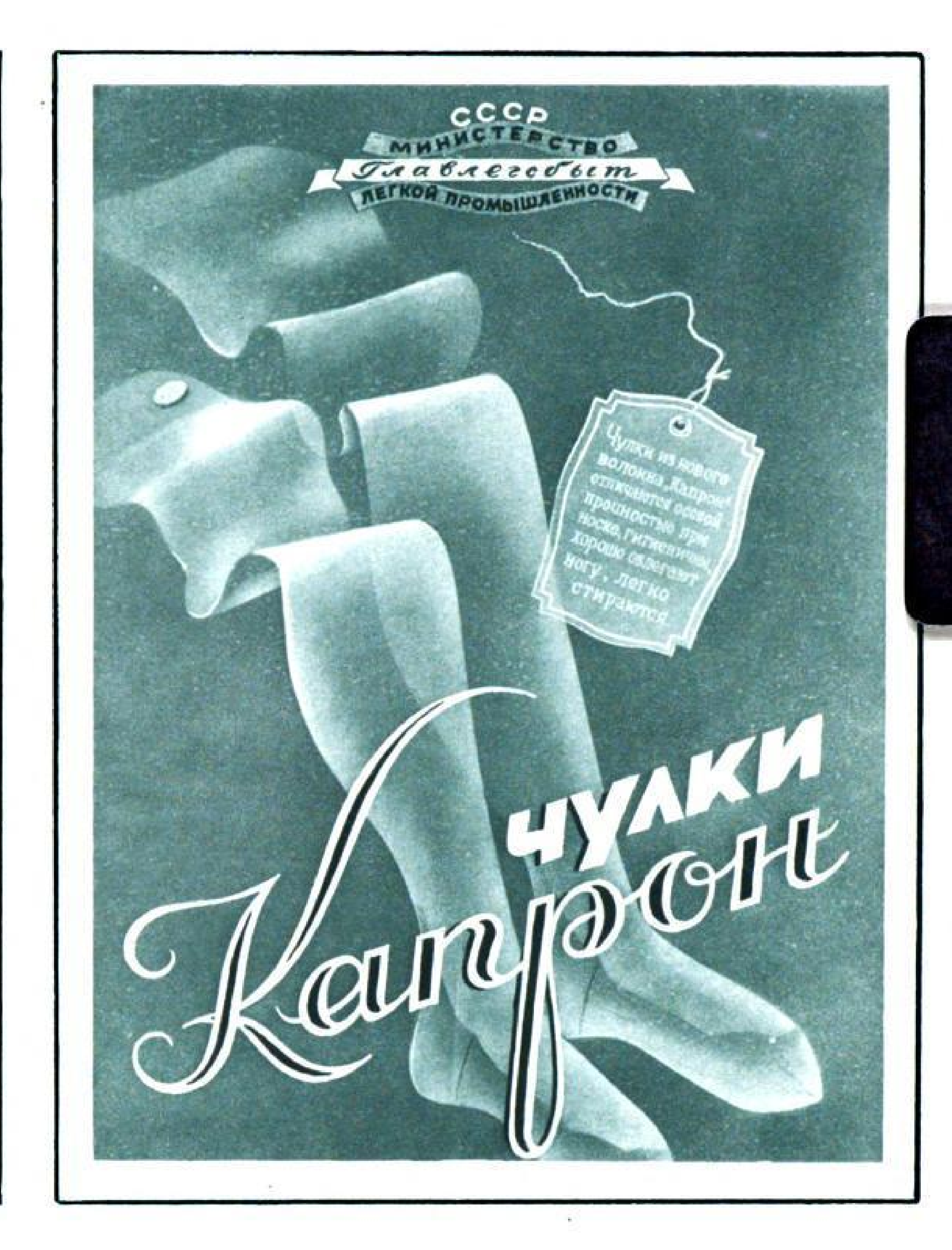
Коллекции марок расклеены в специальных альбомных тетрадях размером 22 см × 26 см с художественной обложкой.

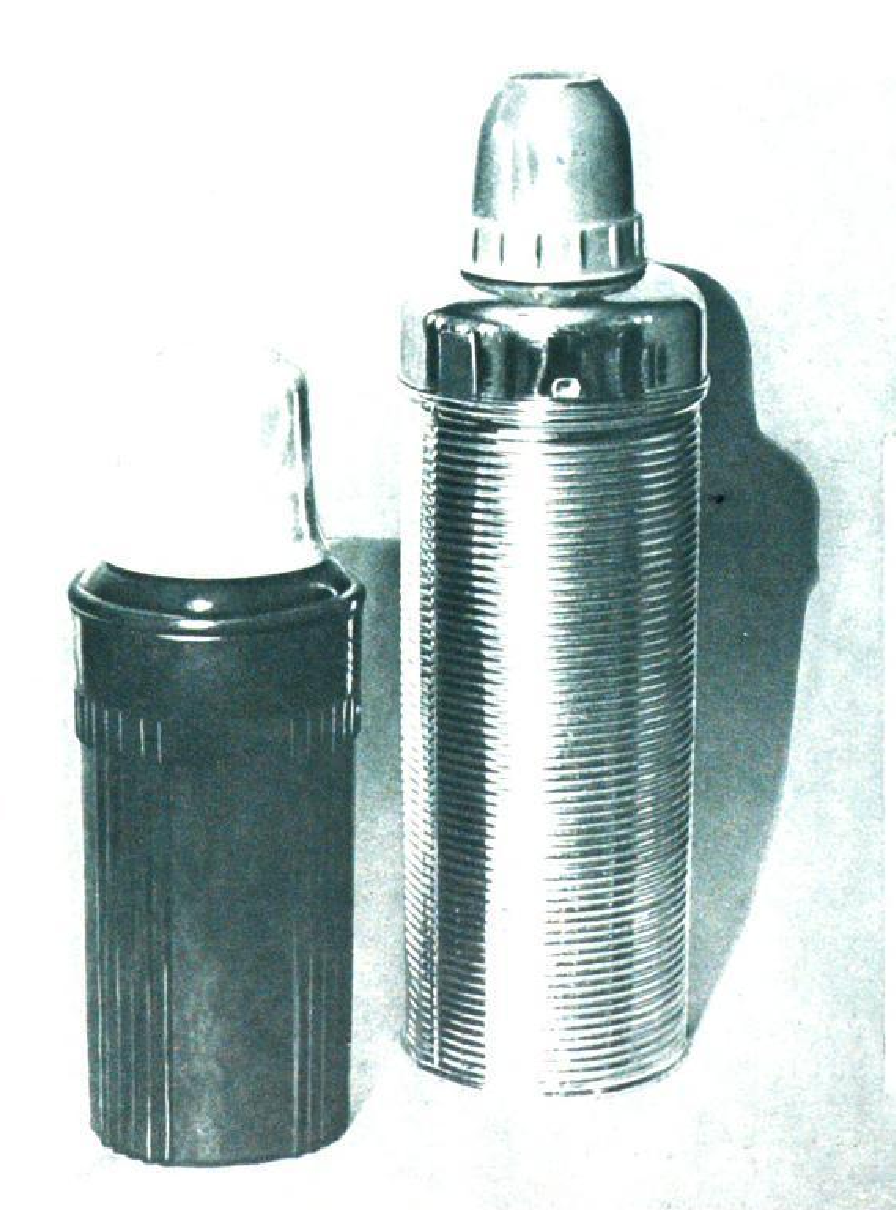
В каждой альбомной тетради имеется, кроме того, 2 дополнительных листа для вновь выпускаемых марок.

Во всех 16 тематических коллекциях — марки разные.

Тематические коллекции советских почтовых марок требуйте в магазинах КНИГОТОРГА

Филателистическая Контора Рosполиграфиздата.

ПРОИЗВОДСТВА КИЕВСКОГО СТЕКОЛЬНО-ТЕРМОСНОГО ЗАВОДА!

Термос сохраняет температуру на протяжении 20 часов.

Кипяток, налитый в термос, на следующий день будет также горячим.

Холодная вода, налитая в термос, остается такой же холодной и на следующий день.

Термос необходим в семье для получения горячей пищи перед уходом на работу без затраты времени для нагревания.

Термос незаменим в дороге, на поле.

Термосы вырабатываются емкостью в один литр и пол-литра.

Имеются термосы для воды, а также для пищи.

Термосы имеются в продаже во всех промтоварных магазинах.

АДРЕС: г. **КИЕВ, Стекольный пер., 7, Киевский стекольно-термосный завод.**

Цена 3 руб.